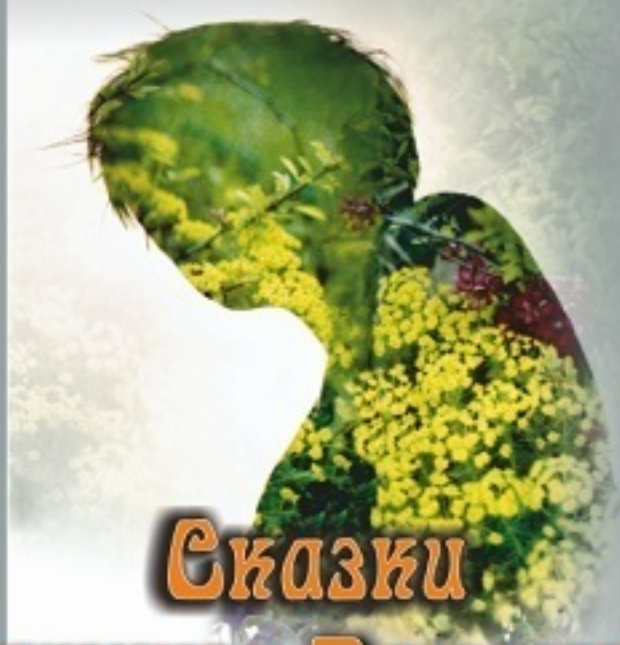

Светлана Гамаюнова

Сказки
птицы Гамаюн

Светлана Гамаюнова

Сказки Гамаюн

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=18289401

Аннотация

Как принято, в некотором мире, юные принцы отправляются в дорогу мир посмотреть, невест поискать. Так и сделали два брата. Домом им становятся, сосновые ветки и плащ, расстеленный просто на земле, костер, да еще новый спутник рядом. Страшненький жуть какой на вид спутник -паренек и очень необычный. Прошлого не помнит считает, что Лес ему отец, а мать Дорога, дружит с мавками и русалками. В путях- странствиях выясняется, что и не спутник – это вовсе, а спутница. Многое случается в дороге: в тереме Марьи Искусницы смертельная опасность ожидает и не просто оттуда выбраться живым; Елена Прекрасная –прекрасна, да только нужно ли ее освободить? Да много еще чего случается. Любовь, например, но как ее на двоих разделить, когда девушка одна, а их двое?

*Словно семь богатых лун
На пути моем встает –
То мне птица Гамаюн
Надежду подает!
В. Высоцкий*

Птица Гамаюн – птица Вещая, живет от сотворения мира и многое знает, многое ведает и прилетает иногда рассказать людям про добро и зло. Голова у нее девичья, тело птичье, оперение, разноцветное, переливающееся. Часто видят в её лапах свиток с текстами. Крик Гамаюн услышать – значит,

добрую весть получить, а ещё предвещает она счастье. Любит она петь людям божественные песни. К ней за советом обращается тот, кто знает, что спросить, и кто умеет понимать тайное. И еще она пророчит будущее, но лишь тем, кто готов его принять.

Сказки птицы Гамаюн

Пролог

Сказки птицы Гамаюн

В тридевятом царстве, в тридесятом государстве, как положено, жил царь с царицей. И родилось у них двое сыновей-погодков. Хорошие, здоровенькие мальчики, радость папы и мамы. Воспитывали их как надо, да ведь не везде проследишь – шкродничали иногда, баловались, но куда без этого. Неплохие росли мальчики.

А чуть позже, лет через несколько, в семье главного егеря родилась девочка. Жена у егеря красавица была писаная, откуда пришла – никто не знал, да и не больно-то она рассказывала, откуда. Только полюбил ее егерь сильно-пресильно, и родилась у них дочка – вылитая мать. Только вот мать родов не выдержала и скончалась, оставив их вдвоем. Егерь сильно горевал, не знал, как девочку воспитывать, вся его работа была делом мужским – кабанов да оленей высматривать, зимой подкармливать, смотреть, где и как зверушки обитают,

не шалят ли люди в лесу да не появляется ли нечисть. Важное дело было еще охоту царскую организовывать, особливо, когда гости иноземные приезжают. В общем, много работы нужно было делать – почитай, все время в лесу приходилось пропадать, но и окладом царь не обидел, ценил егеря.

Как только дитя стало подрастать, стал дочь с собой в лес брать. Сначала за спиной, потом на коня посадил, понимать зверей и птиц научил, – а вдруг в лесу девчонке одной придется остаться, так ведь и защитить себя надо. Научил егеря ее из лука стрелять, нож кидать да коротеньким мечом махать. Способная девочка оказалась, науку лесную хорошо освоила, тихо по лесу ходила, ветка не шелохнется. Костер в любую погоду разожжёт, зайца, если голодно, поймает, похлёбку сварит, да и как будто язык звериный понимала. Славная девочка была.

Беда приходит всегда ниоткуда. Егеря-то молодой мужик был – погоревал о своей красавице жене, да и решил жениться. Когда мужики решают жениться, мозги у них из головы в другое место опускаются. В общем, выбрал себе статную вдовицу с двумя детьми дочкиного возраста, чтобы ей расти в девичьей среде да подружки у нее были, вот и женился. Оказалась та вдовица такой ведьмой отвратной, что ни в сказке сказать, ни пером описать. Пока все имущество на себя не перевела, муж еще нужен был, а как все бумагами заверила, так муженька на тот свет тихо и спровадила, не подкопаясь. Вот тут и дочка его поперек горла встала. Убить дитя –

ведь всего четырнадцать лет, даже у ведьмы рука не поднялась, так она ее из дома выгнала и под страхом смерти возвращаться не велела – может, сама где сгинет. Девочка пошла туда, где знала, что не пропадет, то бишь в лес. Через день пути вышла к избушке лесной знахарки, да и осталась там.

Тем временем молва пошла, что, мол, не пропала дочка егеря, а живет в лесу, и, как есть она, такая же хорошенькая да добрая. Не понравилась эта весть егеревой вдове, зачем слухи плодить. Открыла она свою колдовскую книгу и долго читала, как сделать так, чтобы напрочь забыли про егереву дочку, как и не было её на свете. И нашла...

Небыстро добралась до избушки лесной знахарки, подождала, когда она по делам уйдёт, пришла в дом и сказала девчонке:

– Заклинаю тебя заклятом сильным, что забудешь ты, кто такая, и все забудут тебя, а личико твое хорошенькое и фигурка ладная превратятся в незграбу мужеподобную. Волосы светлые волнистые – в рыжие патлы мохнатые, а что сладкое любила, пойдет тебе во вред, и на него будет у тебя золотуха, будешь шелушиться и чесаться, как шелудивая. Поэтому нарекаю тебя теперь Золотушкой. Все, жизнь твоя прошлая закончилась, через полчаса заклинание войдет в силу.

Но не успела она окончательно закончить волшебство и улизнуть, вернулась добрая знахарка лесная, увидела беду приключившуюся и сказала:

– Может, и заберешь ты внешность ее нежную, но глаза чудесные, говорящие останутся, да и навыки, коими владела она, сохранятся. И сохранится проклятье не на веки веков, а только пока не оценит и не полюбит ее человек в этом образе ужасном за душу храбрую, ум быстрый, руку товарищескую, и тогда всё возвратится, как и не было плохого, и всё радостью обернется.

Но последнее слово осталось за ведьмой.

– Вы все всё забудете сейчас, посылаю проклятье забвения на всё, что связано с Золотушкой. И меня забудете.

И ушла.

Часть первая. Начало пути

Жизнь у Микулишны

Я сидела и тупо смотрела на стены избушки. Вроде бы и место чем-то знакомо, а кто я и что здесь делаю – не знаю, ничего не помню, только имя свое странное – Золотушка – знаю. Напротив, сидит женщина – ни молодая, ни старая – и удивленно меня рассматривает. Решилась все же прервать молчание.

– Здравствуйте, – говорю. – Вы не скажете, где я и что тут делаю? Почему я не помню, как сюда попала, кто я такая, откуда?

– Зови меня Микулишна. Травница я, знахарка лесная, а

ты теперь девчонка лесная, обе мы с тобой из одного леса и пока у нас один кров, одна жизнь. Как ты ко мне попала – не помню, откуда пришла – не помню, но, видимо, живешь уже некоторое время, раз пожитки твои нехитрые у меня в хате лежат. Знаю только, что зовут тебя Золотушка, но уж имя какое-то странное. Золушка – красиво и подходит, да уж больно ты на девочку не похожа, Тушка – тоже не подойдет, худа ты больно, сокращу-ка я имя твое до Лотта, а то и лучше просто Лот, не всем нужно знать, что девушка со мной в лесу живет, лучше пусть у меня в помощниках парнишка будет. Что произошло, не ведаю, память как отрезало, да, видать, так судьба распорядилась. Богиня Макошь с дочерьми Долей и Недолей прядут нитки судьбы, и иногда нитки так запутываются, что узор совершенно неожиданный получается. Но не все люди слепо подчиняются судьбе, некоторые сами узор себе выплетают. А уж того, кто рождается в единственный день, когда Макошь с дочерьми покидает светелку и нитки свои оставляет, а берёт их богиня неписаных судеб и запретных дорог, ждет судьба дивная, и ходить он будет тропами нетоптанными, много невиданного узнает. Даже Суденицы, наши духи судьбы, приходя в ночь на третий день к такому народившемуся дитяти, не могут его жизнь увидеть и ничего ему не пророчат. Чудные эти люди, и судьбы их чудные, мне кажется, и ты такая. Так что, Лотта, пока поживёшь у меня. Знаешь, в твои годы жизнь просто так не останавливается. По дому помогать будешь, вон работы

сколько – травы не перебраны, коза не доена, куры не кормлены, щи не сварены, дрова не колоты.

Мне нравилось жить у Микулишны. Что-то было в травнице такое, что трудно передать словами – уверенность в завтрашнем дне, умение постоять за себя, не горевать об утраченной, возможно, лучшей жизни, ожидание только хорошего от будущего. Её небольшое хозяйство ладилось как бы само по себе. Жила она с продажи трав и зелий, которые носила раз в неделю в деревню. Раньше некоторые жители деревни могли пройти по лесу и дойти до избушки, но с моим появлением лес стал почти совершенно непроходимым, из людей только мы вдвоём могли беспрепятственно передвигаться по нему. Остальных ветки ловили да дальше не пускали.

Мы долго гадали, что же было в моей прошлой жизни, кто я есть и откуда. Все виделось, как через мутное стекло, и было необъяснимо. От прошлой жизни остались только умения. А умела я для девчонки немало чего. Я знала все лесное зверьё, его повадки, различала следы, чувствовала птиц. Умела подходить к ним совершенно бесшумно. А главное – я ощущала лес, чувствовала его, как человек чувствует приближение грозы, не видя на небе еще ни одной тучки. Чувствовала, как он растёт, о чем шепчутся деревья и травы. Я любила наблюдать, как мышкует лисица, не боялась увидеть медведя, мы с ним как люди, не жаждущие встречи друг с другом, расходились по своим делам, разве что не раскланиваясь. Кабаны, даже с детёнышами, не шарахались и не напа-

дали на меня, а воспринимали как неотъемлемую часть леса – впрочем, как и другие его обитатели. Лес полон всякой нечисти, только для меня эти существа были лучше, чем люди, которых я почему-то боялась и не хотела показываться им на глаза. И по какой-то непонятной мне причине сразу сказала себе и Микулишне, что в деревне мне делать нечего. Жители прослышали про паренька, живущего у неё в доме, и посчитали, что он не совсем в себе, чуть-чуть юродивый да уродливый, потому на люди не показывается. Я и не рвалась туда. Микулишна принесла мне пару мальчишеских штанов и рубашек да кафтан для тепла. Мои стриженные волосы росли очень плохо, и я совершенно походила на мальчишку-подростка.

Лес наш большой был, а в последнее время, как говорила Микулишна, стал как заколдованный, почти никто не мог по нему ездить или за грибами ходить. Пугал он деревенских: то Мавка кому корягу подставит, то рыжие да кудрявые Мавкеньята начнут так хихикать, что мороз по коже, а уж когда в лунную ночь на охоту выезжала да мчалась за оленем на быстром коне с луком красавица Девана в куньей шубе, всем вокруг места было мало. Мчались ловчие гончие, нёсся конь, уносились прочь олени, летели стрелы. Ничто не останавливало охотницу.

Мы весной встречали Лелю-красавицу – стройную, вечно юную. Она приходила, и наш лес просыпался от зимнего сна. Где ступала нога ее, зеленела трава, пролески поднимали си-

ние головки, хотелось смеяться и петь, и чувствовалось, как прекрасна жизнь.

Кукушкой в мае прилетала Жива – богиня, дающая жизнь и жизненную силу, а девушки в деревне, задабривая ее, завивали венки на берёзах.

Иногда встречала всегда приветливую к нам кареглазую, с длинной темной косой молодую девушку – богиню Тару. Она была совсем своя, этот лес, эта дубрава были её, она собирала на лужайках травы, подходила к могучим деревьям-великанам, притрагивалась рукой к шершавой коре и сразу понимала, чем живёт лес. Она ведь богиня – покровительница живой природы и к тому же особенно любила лес. Мы тоже любили ее – добрую и тихую, ранимую и одновременно могучую, удивительную.

А я любила осень – может, родилась осенью, может, зачали меня в это время. И когда приходила со своей неотвратимостью почти нагая Сива, богиня осени, я чувствовала особую лёгкую щемящую грусть. Сива такая разная – то радушная, то равнодушная, то уверенная и нежная в своей заботе, то буйная, в порыве срывающая листья, раскрашенные ею же в яркие цвета, и устилающая ими землю или топящая золотую красоту в озере. Она собирала в стаи птиц, откармливала зверьё, рассказывая им, что тепла не будет, забирая надежду. То радовала людей урожаем, засыпая зерном, протягивала им то спелую грушу, то яблоко, а то подхлёстывала нерадивых поспешить, готовиться к переменам и, проносясь

над лесом ураганным ветром, поливала землю холодным дождем. Коварная и непредсказуемая в своей извечной изменчивости, в понимании, что перед зимой не надышишься, будет холод и мороз. Она вдруг улыбалась бабьим летом, как бы рождая надежду на то, что все будет хорошо, но очень недолго, и вы поживёте и в золоте, и в тепле и достатке, только сколько это продлится? Грядут перемены. Перемены грядут.

– Смотрите, – кричала Сива, – я нагая, как природа поздней осенью, я рыжая, как листва, я горячая, как губы девушек перед свадьбами, которые справлялись в это время. Я прихожу неотступно и говорю: «Перемены идут. Идут перемены».

А я, Лотта, вздрагивала – и ждала, и мечтала об этих переменах.

А навстречу нам летела листьями осень.

Раскричалась птицами залётными.

Ветками шуршала оголёнными.

Укрывала мыслями запретными.

Капли крови клюквою рассыпала,

Промокнув багрянец покрывалами.

Усыпляла шелестом заманчивым,

Дождиком неистовым заплаканным.

Я сделала себе отличный лук, тугой и легкий, и стреля-

ла из него рябчиков, уток и гусей. Иногда ставила петли на зайцев. Нам с Микулишной хватало. Не знаю, сколько лет ей было, она не говорила. Сказала, что женщине задавать такие вопросы неприлично, но что ещё не старую женщину заставило уйти в лес – не сказывала. Как-то вскользь оговорилась, что был у неё суженый, только сгинул, ушёл и не вернулся. Видать, не судьба ей идти по Пути дома и любимого, а ее Путь – хранить лес да учиться понимать суть вещей. Как она это делала – начала мне рассказывать не сразу.

– Суть, – говорила Микулишна, – нельзя увидеть глазами, а можно почувствовать. Вот ты смотришь на дерево и должна понять – здорово ли оно, нет ли в середине гнили. Так же и люди – может, снаружи красавец писанный, а внутри чернота у него. Это все почувствовать надо. Когда живешь в деревне, там кругом люди, от них много шума, где уж тут суть научиться определять и видеть. Сначала надо, чтобы тихо было, убрать лишнее в себе и слушать.

Только вот определить, кто я, и она не могла.

Гадалка

Однажды Микулишна попросила помочь мне поднести ей зелья, мази и травы – их оказалось много, и ей бы пришлось ходить дважды.

– Донесешь до опушки, а в деревню не пойдешь, не хочу, чтобы тебя видели. Я сегодня недолго, посидишь на опушке,

подождешь.

Я, конечно, только «за», любопытно куда-нибудь сходить, хоть издалека на людей посмотрю. Лес поредел, мы вышли на опушку. Микулишна дальше зашагала по лугу, а я осталась сидеть и ждать. Потихоньку творила руками пасы, тренировалась. Сгибала и разгибала пальцы, чтобы они были гибкими, правильно двигались и не подвели при необходимости. Немного побросала кинжал, который Микулишна заказала у местного кузнеца. Кинжал больше походил на кухонный нож, но бросала я его хорошо. Потом смотрела на небо и чего-то ждала. Чувствовала, что что-то произойдет.

И вот на тропинке, идущей вдоль опушки, появилась легкая фигурка женщины. Она не шла, а как будто летела по воздуху, не касаясь земли, только длинная юбка хлестала по ногам. Таковую необычную личность я еще не видела. Женщина поравнялась со мной и стала, не стесняясь, пристально меня рассматривать. Так пристально на меня ещё никто не смотрел, разве что коза, когда я ее собиралась доить, и она ждала от меня кусочек хлебушка. Я постаралась вежливо поздороваться и сделала вид, что ничуть не удивлена появлением кого-то в моём поле зрения. Женщина была молодая и с невероятно яркой внешностью. Глаза у нее горели, а губы таинственно улыбались.

Она сказала:

– Интересно. Здравствуй, не тот, кем кажешься. А не хочешь ли узнать свою судьбу?

– Здравствуй. Почему ты меня так назвала? И чем я тебе интересен? Мне нечем заплатить тебе за гаданье, да и судьба у меня, наверно, самая обычная.

– Говорю, что не тот, кем кажешься, потому, что хоть и в штаны одет, и внешне похож, да не парень ты, а девка.

– Ну, может, и не мальчик, но на него похож, а кем я еще кажусь и чем интересна?

– А заинтересовала ты меня тем, что ты не такая.

– Какая не такая? Дикая, грязная, уродливая?

– Не такая, как большинство, потому что таких много, очень много. Они заполонили весь мир и мне изрядно надоели. Их мечта – услышать, что в будущем их ждёт богатый, красивый муж и куча детишек. Мечтают о принце, а сами от корыта головы поднять не могут. Я за свою жизнь так много видела людей, что и без карт могу сказать, кто они, а иногда – что их ждёт, потому что они как раскрытая книга, и жизнь их проста и незатейлива – дом, труд, май от слова маяться. А ты интересная. Люблю загадки. Для меня их не так уж и много.

– Может, я тоже мечтаю о принце?

– Может, и мечтаешь. Но не только о нём. Так что давай погадаю. У меня особые карты, они не похожи на обычные.

– Человек не может заранее знать, что ему откроется: дивный новый мир или то, что заставит его свести счеты с жизнью. Зачем мне это?

– Хорошо, буду тебе гадать на вероятность, так как твоя

жизнь, как я вижу, ещё не определена, ты дочь пути, а вот от того, каким пойдешь, будет зависеть твоя судьба. Знаешь, бывают люди непутевые или беспутные. Они сбились со своего пути и не хотят ничего менять. Я могу предложить тебе много путей, и многие из них счастливые. Какой выберешь? Вот смотри – это «путь дома и любви». Многие девушки его желают, да не все получают. Вот «путь детей и хозяйства», «путь ожидания счастья». А можешь выбрать «путь странствий», твоя карта. А вот будет ли там и любовь, уже зависит от тебя. Вот видишь – это карта пути, а вот это – ты, путница.

Я смотрела на мелькающие карты, почти в каждом раскладе мне выпадали пути. О каком из них я мечтала? Я сказала:

– Да, уважаемая госпожа Гадалка, я понимаю, что меня ждет дорога, я чувствую это. Может, я и странница, а может, мой путь недолог, но он манит, зовет, я без него умру. Он говорит, что я должна найти что-то, а что – не знаю. Как в сказке: пойдти туда, не знаю куда, найди то – не знаю, что.

– Смотри, а вот карта выбора. Направо пойдешь – богатство найдешь. Налево пойдешь – друзей найдешь. Прямо пойдешь – любовь найдешь.

– Нет, любви мне пока не надо, я и себя-то не люблю, как могу кого-то полюбить? Пойду-ка я налево, интересно ведь, как это – друзья, я ведь только с Русалкой и Мавкой дружу. Микулишна мне как мать, но я знаю, что не так уж долго я с ней еще проживу.

– А я все равно брошу тебе карту на короля. Суженый –

он ведь и есть суженый, а тут ещё и суженый для ряженой, интересно.

Она быстро перетасовала колоду и, закрыв почему-то глаза, стала шептать слова. Потом ловко бросила карты веером, но порыв ветра сбросил часть их на землю. На коленях осталось лежать несколько. Гадалка хмыкнула.

– Ой, как интересно, а тебе выпадает два короля: и понравишься ты им, и рядом будут, а вот будешь ли с кем из них – от многого зависит.

Она еще раз раскрыла карты и усмехнулась опять.

– Карта судьбы у тебя больно странная. Не видела еще, чтоб она в таком раскладе выпадала. Вот смотри: Богиня Жива, «дающая жизнь», дала тебе при рождении столько сил, сколько вынесешь. А вот, смотрю, пожаловали в дом три сестры Суденицы – духи судьбы, как положено, на третий день после родов, но так и не смогли пророчество сотворить. Да и сама Макошь с дочерьми Долей и Недолей нити твоей судьбы не определяют, узор не они выкладывают.

Она опять кинула карты.

– О, да ты родилась в единственную ночь в году, когда приходит богиня неписанных судеб и запретных дорог, и кто в эту ночь родится, того ждет судьба дивная, и ходить он будет тропами нетоптанными, много невиданного узнает. Лотта, многие будут пытаться изменить твою судьбу – и ведьма злая, и Микулишна, что часть проклятья сняла, и другие. Но никто не сможет повлиять на течение твоей жизни. Плести её

будешь сама, а вот как получится – не знаю, и не на кого тебе будет пенять – раз сама выбираешь, то и отвечать тебе. Редкой женщине такая доля выпадает. Вот так-то, Золотушка. Я обязательно приду посмотреть, что получится через время – развернулась, сложила колоду и быстро зашагала прочь.

А я и забыла спросить, откуда она меня знает.

Вскоре пришла Микулишна, я взяла у неё муку и стала рассказывать про странную гадалку.

Она призадумалась.

– Что-то скоро изменится, Лотта, недолго тебе здесь осталось зайцев гонять.

Русалка Сильведея

Лес полон обитателей. Это не только звери и птицы, но и мавки, лешие, болотницы, русалки, дриады. Просто не надо бояться леса – и они не будут бояться тебя и трогать не будут. Микулишна научила меня с ними общаться, да мне кажется, что я и раньше умела. Бродя по лесу, я встречалась со многими. Зная, что я живу у Микулишны, никто не пытался меня обидеть, а потом, познакомившись со мной ближе, они относились ко мне с какой-то трогательной нежностью. Удивляюсь, что у людей они назывались нечистью: все бы были так бесхитростны, как они – было бы прекрасно. Ну, заставят поплутать кого-то чуть-чуть, ну, могут неосторожного затащить в болото, ну, утянут к себе в озеро, так не со

зла же, просто скучно ведь. Я подружилась я с двумя лесными обитательницами, вернее с одной лесной, а с одной водяной – с Мавкой и Русалочкой. Каждая из них была для меня кладезем знаний о жизни. Они были просто необыкновенными, и я их обожала. Часто, особенно в летнюю жару, я прибегала к озеру, бросалась в воду и, когда появлялась Русалочка, мы плавали наперегонки, ныряли, брызгались, потом я плюхалась на песок, согревалась и перебиралась на большой пень, торчащий из воды. Русалку звали Сильведея. Откуда произошло столь экзотическое имя, она не знала, а чаще всего её просто звали Сильва, лесная. Она приплывала ко мне, вылезала до пояса из воды и начинала расчёсывать свои удивительные голубоватые волосы. Когда она проводила по ним гребнем, казалось, все вокруг замирало от восхищения, а когда ближе к вечеру, наболтавшись, она начинала петь, даже ветер замирал на окружающих озеро ивах.

Вы думали – я такая,
Что можно забыть меня,
И что брошусь, моля и рыдая,
Под копыта гнедого коня.
А я усмехнуться посмею,
Глаза от губ отведя,
Я душу мужскую не грею,
я просто краду ея.

Глядя на неё, я понимала, почему перед ней не может устоять ни один мужчина.

– Нравятся тебе мои волосы, Лотта?

– Да, очень красивые.

– Они не просто красивые, ведь это правда, что рассказывают о «русалочьих волосах». Если захочу, они поплывут сами, оплетут тело купальщика и вызовут они в человеке необъяснимое пресильное любовное томление, такую страсть, что, когда увидит меня, ничего уже не помнит.

Она знала мужчин и, конечно, любила поговорить о них.

– Никто лучше меня не знает мужчин, Лотта. Слушай и учись. Лотта, ты девочка глупая ещё и неопытная. Я не могу тебя не просветить.

То, что меня это ещё не так уж и интересовало, она не могла понять. Но послушать подругу было интересно.

– Лотта, через мои руки прошло очень много мужчин. Разных. Они меня все любили, я зачарую – и меня невозможно не любить. У меня чудесные ножки, а не хвост, как у морских русалок. А грудь! Посмотри только на мою грудь, она мечта любого из них. Как сказал мне один мужчинка, она не меньше четверного номера, но я не ношу эти штуки, в которые её помещают дамы из города, и она до сих пор не опала. Я не старею, я умру только вместе с озером. Правда, один мужчинка рассказывал (ох уж эти аристократы), что такая грудь – это мечта простых мужланов, у которых баба должна рожать каждый год и кормить детёнышей, а у них,

аристократов, всегда ценилась грудь, которую можно взять в ладошку.

Она зевнула.

– Ох, может, это и так, но как этот засранец любил целовать именно мою грудь, не передать словами. По-моему, он и повелся на меня прежде всего из-за груди, когда я вынырнула и села на пень. Увидев её, он уже был готов идти за мной хоть в ад. Лотта, девочка, жаль, что у тебя ещё нет большой груди, но надеюсь, что будет, тебе тогда будет легче привлекать мужчин.

Я очередной раз вздохнула.

– Сильва, ну зачем сдались такие груди, если всё остальное у меня страшнее не придумаешь?

– Лотта, ну что ты говоришь, ты просто красавица, только маленькая еще.

– Где ты нашла красавицу? Хотя у меня нет зеркала, но я вижу свои большие ноги, волосатые руки, не тонкую талию, серую кожу, а когда смотрю в озеро, вижу такую страхолюдину, от которой любой парень убежит. А волосы тонкие, блеклые, лохматые, непослушные, непонятного цвета, вроде как рыжеватые. Да я и совсем на девочку не похожа – просто невысокий страшненький паренек.

– Ах, Лотта, не знаю, что ты видишь, наверное, у меня другое зрение. Поверь мне, ты красавица, а за год, что тут живешь, стала еще краше.

– Ладно, Сильва, кончай эти разговоры, расскажи про се-

бя что-нибудь ещё, я так люблю слушать твои сказки.

– Какие сказки, настоящая быль, – обиделась Сильва. – Поверь, просто преинтересные истории рассказывали мне мужчины. Многие мужчины, очень многие. Они приходили в мою жизнь ненадолго, но мне нравилось не только заниматься с ними любовью, но и слушать их истории. Хотя ты знаешь, не люблю простолюдинов, их истории скучны и однообразны, они не изощрены в любви, приходится их учить. А чему можно научить за сорок дней неотесанного лесоруба? Как ты понимаешь, немногому. Он привык к одной позе сверху, которой достаточно, чтобы сделать ребёнка, но он никогда не думал, что жене нужно доставить удовольствие. Другое дело принц. Ах, какой был принц, – она вздохнула.

Про эту встречу она любила рассказывать особенно. У её чудесного озера однажды остановился парень. Он напоил коня и устроился на ночлег. Потом пошел искупаться, так как был весь в дорожной пыли.

– Когда я его увидела, – говорила Сильва, – я поняла, что, если не околдую его, моя жизнь будет прожита зря. Он был удивительно хорош – высокий, черноволосый, просто не могу описать словами его грудь, плоский живот с рельефной мускулатурой, аппетитные ягодицы, сильные руки. А лицо! До сих пор не могу забыть. Ресницы, как у девушки, губы, созданные для поцелуев, глаза, как мое озеро во время заката. Я пустила к нему мои волосы, и они оплели его. Его глаза наполнились томлением. Я приплыла и запела так, как не пела

никогда. Он не мог не пропасть, просто не мог. Первую неделю мы только и делали, что занимались любовью. Он был неутомим в ласках, и он умел ласкать. До сих пор помню его поцелуи за ушком, потом ниже по ключице, а как он целовал мою красивую грудь! Как горели мои губы, когда он касался их, как дрожали мои ноги, как слабели руки, когда он дотрагивался до меня. Если я кого-то и любила, так только его. Со второй недели мы начали иногда разговаривать. Он рассказал мне, что земля за лесом очень большая. Что на земле есть не только леса и озера – есть моря, которые в миллионы раз больше моего озера, места, где вообще ничего не растёт, он назвал их пустынями. Ты представляешь, какой это страх – ничего не растёт, кроме колючек, и нет ни одного большого озера. Там живут совсем другие звери. А ещё есть леса, в которых вообще практически нельзя пройти, он назвал их джунглями, там водятся страшные хищные ягуары и обезьяны, которые чем-то похожи на людей, но они не нечисть, а животные. А в реках водятся огромные крокодилы с зубастыми пастями, способные перекусить человека пополам. Он много чего повидал. Его путь лежит по разным странам, и ездит он по ним уже несколько лет – ищет то, чего не хватает его душе. Понимаешь, нет какой-то части его души, и без нее он не будет счастлив. Мои мужчины не могут жалеть о прошлом, но он, вернее, его душа, не нашедшая своей части, грустила. Ты знаешь, я отпустила его.

Мне было страшно интересно, моя душа очень хотела

узнать, кто я такая, откуда, и еще она просто хотела увидеть мир за пределами нашего леса. Удивлённая, я спросила:

– Разве ты можешь отпускать своих мужчин?

– Конечно. Раз в десять лет я могу отпустить одного человека, и он не будет помнить обо мне. Может, останется только сладкое воспоминание о моих ласках, не более. Ты ведь знаешь, что они не могут жить в озере больше сорока дней, потом душа покидает их тело, и они погибают окончательно. Но большинство из них что жили, что не жили – одинаково. Что их жизнь, для чего? Мне их не жалко. А принца мне было жаль. Я, наверное, все-таки любила его. Как он целовался, какой ласковый был! И мне было жаль его душу. Он ушёл от меня через тридцать дней. Если бы он пробыл еще хоть день, я бы не смогла его отпустить. Потом почти год я никого не зазывала в озеро. Наверное, это была любовь, кто её знает, какая она на самом деле.

– А кого ты ещё отпустила?

– Да были изредка отдельные экземпляры. Помню одного паренька. Он попал ко мне как-то странно, сказал потом, что ему показалось, что это кто-то знакомый его зовет, и пошел в озеро. Он очень любил свою жену, как я поняла потом, когда отпустила. Мы весело кувыркались с ним, он был сильный и красивый, неистощим на ласки и приколы, и у меня в озере он не мог ее вспомнить. Но где-то в глубине его глаз я видела ее образ, они любили друг друга очень сильно, и душа его не могла забыть её даже под моими чарами. Она ждала его, я

чувствовала это. Однажды она пришла к озеру, села и стала петь так же, как я пою, когда хочу заманить мужчину. Её любовь была сильнее моих чар, он очнулся. Жить ему у меня осталось совсем немного, и мне стало жаль их. Я отпустила его.

– Красиво-то как, вот это любовь. Я ещё в жизни никого не любила. И смогу ли я кого-нибудь полюбить или это чувство для избранных, достойных? Меня-то вряд ли при такой внешности могут полюбить. Говорят, от несчастной любви страдают. Только страдать и мучиться не хочу, а может, и любви вовсе не хочу, просто ты про нее так сказочно рассказываешь. Так кого ты еще отпустила?

– Ещё я отпустила одного учёного. Вот уж кто был странный. Воистину странный. Он сам пришёл ко мне на берег и стал спрашивать, как я живу в воде, сколько лет, чем дышу, какая у меня кровь. Я и пела ему, и смотрела на него так призывно, как только могла, но он не соблазнился. Потом сказал, что у того, кто сильно чем-то увлечён, вся энергия уходит на решение той задачи, которая для него жизненно важна. Даже слово такое, сказал, есть – сублимация. Сказал, что долгие годы искал русалку и, наконец, нашел. Вообще странно как-то – сказал, что он не из нашего мира.

– Интересно, а разве так бывает?

– Наверно. Он пришел ко мне в озеро сам, без чар. Любовник из него был как из меня птица, но зато умный. Интересно было его послушать. Кстати, он рассказал, что таких,

как я, в его мире нет, и еще что земля круглая, и если начать идти, то можно обогнуть ее и вернуться в то же место, что в его мире существует много народов, которые говорят на разных языках, у них разные обычаи, что его мир невероятно большой и интересный. А у нас он хочет попасть на чудный остров на севере, что называется «остров Буян», или его еще кличут «Макарийский», и залетают на этот остров птицы райские Гамаюн, Феникс, Алконост, Сирин. Есть там и другие чудные птицы, только очень трудно туда добраться, не каждый может – одного желания мало. У него пока не получилось. Вообще-то я его даже боялась, вдруг прирежет, расчленит и будет смотреть, как я устроена изнутри. Просто маньяк научный. Но про остров рассказывал интересно. Даже мне захотелось стать птицей и полететь посмотреть на тот остров, но я ведь не могу, а зачем мечтать о несбыточном. Мне бы мужика сейчас, только как ты тут поселилась, даже лесоруб ни один не дошел до озера. Интересно, почему?

– Я бы тоже хотела путешествовать, но ведь это путь мужчин, наверно. Интересно, почему мужчины видят в девушке только домашнюю хозяйку? Как смеется Микулишна, удел наших женщин – босая, беременная и на кухне. Я не хочу так. Не понимаю, чего хочу, но точно не этого. Буду думать.

– Почему, если очень хочется, ты можешь уйти. Учёный рассказывал, что в одной из стран существует традиция: девушка, обязательно девственница, совершает обряд и приносит клятву, что никогда не будет спать с мужчиной, рожать

детей, будет носить только мужскую одежду и навсегда отказывается от своей женственности. После этого ей дают мужское имя и одежду. Она становится тем, кого называют «бурнеш». Никто больше не видит в ней женщину и к ней относятся как к мужчине, считаются с её мнением как с мнением других мужчин, и она становится равна мужчине, может сражаться с оружием в руках, заниматься мужской работой. Но нужно ли тебе это?

– Очень-очень интересно. Я сейчас и так почти как парень – одета как парень, выгляжу как парень, навыки у меня совсем не женские. Конечно, козу подоить умею, приготовить самое простое, чтобы наестся, умею. Может, мне отказаться от всего женского в себе до конца, принять обет?

– Дура ты, Лотта, не от хорошей жизни, наверное, они стали этими «Бурнеш». Не всегда и не все по здравому уму уходят в монахини. Думаю, что ты еще найдёшь себя, не стоит отрекаться от радостей, не испытай их. А эти радости, поверь мне, ну очень приятные.

– Все-таки эти девушки молодцы, они не побоялись стать другими. Ведь так сложно взять на себя ответственность и стать мужчиной. Они храбрые. А чего ты боишься, Сильва?

– Ой, да много чего. Боюсь, что пропадет озеро, и мне негде будет жить, боюсь холодов – когда мороз сковывает озеро льдом, мне не всегда снятся сладкие сны. А больше всего я боюсь влюбиться. Они ведь все уходят от меня, даже если я сама кого-то отпустила, они покидают озеро, берег,

лес и уходят по своим делам, зачем я им? А я остаюсь одна.

– Ты, наверно, хотела бы, чтобы вернулся принц?

– Принцы – явление редкое, все девушки их ждут, только принцев на каждую не напасешься, вот и мой ушел.

– Ну, а мы с тобой сказочные персонажи, про которых можно сказать: «Если им больно – не плачут они, а смеются». Мы не заплачем, а защекочем. Правда?

Мы стали валяться, веселиться и петь песни. А также ждать Мавку, так как втроем было веселее.

Мавка Анисья

К нашей веселой компании вскоре присоединилась Мавка. Она как всегда свалилась как будто ниоткуда, просто раз – и появилась. Не менее красивая, чем Русалка, она была легкая, как ветер, и прекрасная, как весна. По мне, так она была живее всех живых, только вот тени от нее не было и, когда бежала по лугу, трава не пригибалась. Анисья, так звали Мавку, была, как всегда, в новом венке из множества цветов и с распущенными зелёными волосами. Высокая, стройная, босоногая, со смеющимися огромными глазами – о ней можно было сказать: ребёнок с мудростью всего света. Как вихрь, она закружилась по берегу, прокатилась на ветке и закричала:

– Жизнь прекрасна и удивительна! Смотрите, косуля родила детёныша, он такой хорошенький, а у сороки, что живет

недалеко отсюда, вылупились целых пять птенцов. Это ли не чудо? Что эти люди твердят, что нам известны тайные знания, какая чушь. Тайна только в том, как что-то рождается и живёт, а не в том, как заработать больше денег, найти клад. Каждый может быть счастливым, если умеет радоваться и не завидовать. Правда, девчонки?

Мы с Сильной переглянулись. Мавка была одновременно дерзкая и добрая, мудрая и доверчивая. По некоторым людским поверьям, если принести в лес мёртвого младенца, да некрещёного, он и превращается в Мавку, да только это не так. Манок рождал сам лес. Когда что-то очень хорошее случилось, в лесу на полянке появлялась маленькая девочка с зелёными волосами в прозрачном платье и начинала плести венок. Венок плести её никто не учил, она все знала просто так. Не было существа добрее Мавки, не было существа независимее Мавки.

– Вот помню: на Мавкиной неделе мы танцевали на лугу, а парень, ну помнишь его – такой русявый, красивый, сильный – увидел меня весной и присох, без меня жизни не мог представить. Так представляешь, он лёг на меже на Мавкину неделю, совсем не видно его было, а я мимо пробежала, схватил за руку и держит, а я ему и говорю: «Хоть и поймал, хоть и не пускаешь, всё равно вместе не будем».

И вырвалась, ведь что скажу в такую минуту, то и будет. Смешно.

– Анисья, а тебе его не жалко?

– Жалко? Странные вы, девчонки, а Вам меня не жалко? Да я ему добро сделала, ведь ему что нужно – чтобы я рядом была, в избе жила, сначала любила с ним, а потом полы мела. Ему бы мало было, если бы мы в траве покувыркались, ему душу мою привязать надо. Я на такое не подписываюсь, вы же сами знаете, что это невозможно. Так что я его пожалела. Я добрая. Да и не такая я, как Сильва, не падкая на мужчин сильно. Девочки, вы же всё про меня знаете. Ты же, Лотта, мне подпевала:

В сизых травах у ручья
Я лежу – и я ничья.
Я ж гляжу на дно ручья,
Я пою – и я ничья.
Что мне ветер!
Я быстрее!
Рот мой ягоды алей!
День уйдет, а ночь глуха
Я живу – и я ничья.
А. Толстой

– Никто никогда не скажет мне: «Моя». Да, я ничья, я вольная и я своя, я лесная, я просто Мавка.

Анисья схватила меня за руки и закружила.

– Лотта, жизнь прекрасна, как весело, как смеяться хочется, смотри – жук, у него рога, а вот птица, она улетает. Ты

улетишь скоро, Лотта, я это чувствую. Вот помнишь, когда Леля пришла этой весной, ты ещё удивлялась, что она такая нежная, что улыбка у неё такая доверчивая, что она, как птенец, беззащитная? Но ты знаешь, в чём ее сила – она пробуждает всё и тебя начала пробуждать. Ты сейчас, как она, такой же птенец или первый цветок, но в тебе просыпается девушка. Никто никогда не замечает, в какой момент девочка вдруг становится девушкой. А сейчас уже и Лада пришла, лето привела. Она сильная, всезнающая, а вот когда осень придет, тебя здесь уже не будет.

Я испугалась:

– Что ты такое говоришь, Анисья? Куда я от Вас, от Микулишны, что я умею, куда такая страшная пойду?

– Ха, если ты страшная, тогда я на свинью похожа. Лотта, ты красавица. Только не это главное, не потеряй себя. Тебе многое дано, и многое спрашиваться будет.

Опять они заладили. Что я, не вижу, что ли, какая я?

– Лотта, смотри на ковш на небе, это большая Медведица, мы знаем, что это богиня Макошь смотрит с неба.

– Мавка, расскажи мне о ней.

– Хорошо. Я чувствую, что ты её любимица. Макошь ведь не просто богиня судьбы, но «Мать счастливого жребия», или Богини удачи.

Звезды ковша чуть-чуть дрожали и как будто подмигивали мне.

– Расскажи еще про неё.

– Ну, я уже сказала, что она Богиня всей Судьбы. Она ещё и Хозяйка Перекрестков Мироздания между мирами. Людские женщины поклоняются ей, так как она их защитница и покровительница хозяек. Но не думай просить, чтобы она сплела тебе судьбу, она не любит строгой определенности. Ты будешь сама день за днём сплетать своё кружево, она только нить протянет. Ведь для тебя жить – это значит ткать кружево своей жизни самой.

– Анистья, а откуда ты это знаешь?

– Сорока на хвосте принесла. Ты, когда находят черные тучи, знаешь, что пойдёт дождь? Вот так и я знаю. Просто знаю – и все. Подаришь мне гребешок, раз в парубочью одежду одета, люблю подарки.

Богиня смотрела на нас с неба, а мы говорили про неё, про судьбу, конечно, про любовь и про свободу от неё, про пути, которых не ведали, но которые манили и манили. Сладко сжималось сердце от предвкушения неведомого. На то оно и неведомое, что непонятно, что это – счастье, дорога, удача или еще что другое.

Наконец, началось

Мы с Мавкой сидели возле озера и слушали, как падают листья. Пришла осень. Пришла Сива. Нам было немного грустно, никто не хотел зимы, она такая непредсказуемая. Мавка уже приготовила себе дупло, но ей еще хотелось ве-

селья, тепла и солнца. А мне хотелось перемен. Вот уже почти два года я живу у Микулишны. Я не сильно изменилась – такая же плоская, рыжая, лохматая, длинноносая, с шелушащимися ушами – в общем, ужас. Мы в лесу привыкли уже, что никто не нарушает наш покой – ну, прилетели утки, ну, пришёл попить олень – и вдруг... Всё всегда начинается вдруг.

Вдруг что-то громко затрещало в кустах, и на поляне появились два всадника. У нас троих открылись рты. В нашем лесу уже почти два года не было людей, лес был как заколдованный, но это были люди, два парня на красивых белых лошадях. Парни тоже были ничего, но разглядывать их пристально мне было неудобно, а вот Русалка плотоядно улыбнулась. Сразу выползла на пенёк в полупрозрачном платье и мечтательно захлопала глазками.

– Здравствуйте, девушки-красавицы и ты, паренек, здравствуй, – поздоровались всадники. – Мы вот заплутались, уже три дня по лесу блуждаем, все запасы закончились, и куда ехать – не знаем. Не поможете выбраться?

Русалочка улыбнулась самой своей соблазнительной улыбкой.

– Ой, добры молодцы, как же таким красавцам не помочь, мы всем помогаем, особенно я стараюсь. Я не ленивая, я добрая, я очень, ну очень отзывчивая. Расседываете коней, искупайтесь, ведь запылились, чай, с дороги, да присядьте отдохнуть в нашей скромной компании. Знакомьтесь (я при-

жала палец ко рту) – я Сильва, это Анисья, а это – это Лот. А как вас звать-величать, кто вы и откуда?

Ребята немного замялись, а потом один из них сказал:

– Я Карен, а это мой брат Михел, мы едем по поручению короля к Марье Искуснице, но, попав в Ваш лес, не можем выехать. Сможете ли вы нам помочь?

– Сильва, не думай только о себе, дай хоть поговорить, – сдержанно сказала Мавка, но в глазах Русалки уже полыхала страсть.

«Все, если окунутся парни сейчас, им конец», – подумала я.

Наша с Микулишной избушка была недалеко от озера, и я стремглав побежала за помощью. Микулишна – она мудрее нас, женщина рассудительная, умеет с людьми разговаривать, да и погибели парням точно не желает.

Она пришла на берег и сказала:

– Сильва, цыц, бесстыжая. Видишь, люди издалека, да и непонятно, как они попали в наш в лес. Дай разобраться. Пойдемте за мной, путники, я помогу вам, – и увела их подалее от греха.

Я робко потащилась сзади. Молодцы явно принимали меня за паренька и совсем не стеснялись.

Микулишна привязала коней, попросила меня дать им корма и пригласила в дом.

– Не ходите пока на озеро. Лот даст вам воды умыться, поедите, отдохнете, а там видно будет. Я недавно сварила вкус-

ные щи, угощу вас.

Она налила нам всем щей, дала хлеба и сказала:

– Все разговоры после еды.

Я так давно не видела нормальных людей, что чуть ложку мимо рта не пронесла, пытаясь глядеть на них не прямо, а искоса. Очень неудобно было их явно разглядывать, а хотелось. Они были чуть старше меня, может, на три-четыре года, но уже возмужалые и удивительно красивые. Я не очень знала, какими должны быть парни, но эти были к р а с и в ы е. Один, который постарше, был светловолосым с голубыми глазами, а второй – с более темными волосами и карими глазами. Оба высокие, ловкие, ладные, и вызывали такое любопытство, что и есть-то я могла с трудом. Парни были очень голодны, поэтому щи, как говорят, кинули за себя – съели все и очень благодарили.

– Теперь отдыхайте, у нас никто вас не тронет, а мы с Лотом пойдем пройдемся. Разговоры завтра с утра.

Мы вышли из избушки, она была небольшой, и вчетвером разместиться было негде, да и поговорить нам было надобно.

– Вот так, Лотта, прибыли к нам люди – и это изменит твою судьбу, – сказала Микулишна, с грустью посмотрев на меня.

– Я знаю, – и горестно вздохнула.

– Завтра вывезешь их из леса, а там как сложится. Непростые это путники, белая кость, и судьба у них с тобой как-то связана: то ли они тебе помочь должны, то ли ты им – не

понимаю.

Мы подошли к озеру.

– Сильва, – позвала Микулишна, – и думать забудь про свои шалости. Ты Лотту любишь, погубишь молодцев – и ее судьбу можешь погубить. Терпи, девка, и тебе еще будет радость.

Сильва громко вздохнула.

Наутро выпавшиеся Карен и Михел выглядели отдохнувшими и повеселевшими. Они подмигнули мне и спросили:

– Как тебе живется в такой глуши, не скучаешь?

– Уф, чего скучать? Лес, он скучать не дает, здесь всё время что-то меняется. Только очень хочется увидеть, что за лесом находится. А вы далеко ли едете? – полушепотом спросила я.

– Да не знаем, далеко ли, как дорога выведет. Вот у вас в лесу три дня блукали и, если бы не вы, не знаем, сколько бы ещё времени потратили.

Я провела парней на пруд, и под громкие вздохи Сильвы они искупались, а я следила, вдруг она не утерпит.

Микулишна уже собрала им поесть в дорогу, да и я взяла немного своих нехитрых вещичек. Вдруг по лесу долго ездить будем – непонятно, захочет ли лес их выпустить сразу, да и вообще захочет ли.

Мы сели перед дорогой. Я сосредоточилась, обдумывая, что сделать, и в первый раз, прищурившись, увидела тропу, что шла прямо от домика. Тропа была прямая и между дере-

вьями не путалась, как будто её для нас прокладывали. Удивилась очень, ну да разное бывает в заколдованном лесу. Показала ее Микулишне, но она не увидала, да и никто, кроме меня, ее не видел.

Мы собрались, попрощались, я попросила Велеса, бога-мудреца, дать нам мудрости в дороге, а Макошь – не оставлять нас в пути, и мы стали седлать коней. Меня посадили сзади на коня Карена, и мы поехали. Я лёгкая, так что конь особо и не заметил лишнего седока.

Мы ехали, и кусты расступались, ветки поднимались, пропуская нас. Карен сказал:

– Вот теперь я вижу, что лес хочет нас выпустить. Интересно, что на это повлияло?

Я вздохнула и стала указывать тропу. К вечеру мы остановились на ночлег, и я быстро разожгла костер. Надо забывать, что я девочка, я Лот, напомнила я себе, Лот, парень, мне 16 лет, из-за того, что живу в лесу, такой худой и маленький, но я много знаю и могу быть полезным. Думать про себя как про мальчика не составляло труда, к мужской одежде я привыкла, а уж при такой внешности да одежде никто не подумает, что я девочка. И что я так из-за этого переживаю? Даже если бы знали, что я девушка, такие красавцы на меня бы и не глянули, только большее бы было. А парни, правда, были хороши, так бы и любовалась, из-за одного их ласкового взгляда, наверно, голову бы потеряла. Все, запрещаю себе об этом думать. Вдруг пришла мысль: а может, удастся

уехать с ними и не возвращаться? Они едут далеко, и я, наконец, вырвусь за пределы леса, за пределы этой жизни, и впереди будет много чего. Хочу. Правда, хочу. Сильно. Макошь, помоги! С мольбой посмотрела на ковш Большой Медведицы: звезды ручки ковша как будто подмигивали мне, обещая помочь.

За день все устали. Хорошо, что было с собой что поесть – Микулишна положила, не надо было добывать, но завтра-то тоже есть надо. Я соорудила петли и поставила их на зайцев, завтра проверю.

Еда всегда способствует беседе. Я стала подбрасывать парням вопросы: откуда они, долго ли в пути. Они сначала отмалчивались, я потом махнула рукой – ну кто я им – и рассказали.

Были они, оказывается, принцами, погодками. Карен, старший – наследник престола, а Михел младший.

– Лот, ты понимаешь, так уж выпало, что отцу с матерью надоело наше уклонение от дам королевства. Ты не представляешь, какие они страшные и вредные – толстые овцы и глупые курицы. Не хотим мы еще жениться, а попутешествовать хочется, хочется мир немного посмотреть. Отец приказал ехать к трем любимым царевнам на выбор и получше с ними познакомиться. Может, какая приглянется, может, мы им. Вот туда и направляемся сейчас, да заплутали в вашем лесу, если бы не ты – может, и пропали бы. А как тебе удастся дорогу видеть?

– Не знаю, вижу – и всё. Я её вижу так же, как дерево или огонь, она у меня перед глазами. А что, это так странно?

– Да есть малость. Мы вот точно не видим. Мы умеем мечами махать, из лука стрелять, на коне скакать, Карена вон управлять учили, да как-то так скучно эта грамота идет, не знамо почему – вроде и запоминаем, а как будто мимо ушей. Не нагулялись еще.

Парни расстелили плащи на собранные листья, чтобы не так жестко было, и сказали:

– Все, ложимся, завтра, может, из леса выедем.

Поставили охранный заклинание, хотя я сказала, что в этом лесу ни один зверь к нам подойдёт, и стали ложиться. Я сидела ни жива, ни мертва. Никогда еще рядом с парнями не спала, как это? Но другого выхода не было, я по-быстрому сбегала в лес, чуть умылась и пристроилась с краю за Михелом. Кожу обдало жаром от запаха мужского тела, полыхнули щеки, я таких запахов и не чувствовала раньше. Когда на коне ехали, ветер обдувал, да конем сильно пахло, а тут запах, мужской, но не противный, а какой-то притягательный, так и хочется в нем раствориться, прижаться и уткнуться в рубаху, а то ещё прижаться покрепче. Ой, что это со мной делается? Наверно, надо бежать.

Пришла мысль: «Логга, ты что, хочешь, от себя бежать, от мечты, от пути? Ну, нет, не на ту напали. Все перетерплю, а то, что смущает, так мало ли что смущает. Даже Сильва, и то выдержала и виду не подавала, что страсть в ней огнём пылает,

а то бы пропали молодцы. А я что, грудь свою тощую потуже полотном перевязала, не почувствуешь, что девушка. Микулишна еще подтрунивала: Лотта, может, настойкой какой её помазать, чтобы росла? А на что мне грудь вообще при такой внешности, пусть будет как будет».

Как больно иногда чувствовать себя уродкой, когда рядом такие красавцы.

Утром проснулась как ни в чем не бывало. Сказала себе строго-настрого: «Что нельзя получить, о том и мечтать не смей, ты поняла, Лотта, то бишь Лот? Имеем то, что имеем и умеем, а я в лесу много чего умею».

Побежала проверять силки. В них попали два зайца, быстро их освежевала, завернула в лопухи, чтобы до вечера не испортились, и мы продолжили путь.

Мы ехали, и парни болтали о своем, о мужском. Вспоминали дворцовую жизнь, свои шалости, иногда спрашивали меня про лес, животных и удивлялись, как я много знаю. Они были довольно разные: Карен посерьёзнее, основательнее, более спокойный, потому и посадили меня к нему на лошадь, а Михел был как огонь, он все время то горячо рассказывал что-то, то смеялся, подтрунивал надо мной и Кареном, называя его Хи. Я сначала очень удивилась, что за странное прозвище, но потом узнала, что и у Михела есть прозвище – Ха, и что эти прозвища у них с детства. Они так много смеялись, что нянька, поддразнивая их, стала звать Хи и Ха. Они выросли, но прозвища остались, и эта вольность грела душу

во дворце, насквозь пропитанном правильным поведением.

Вторая ночёвка прошла также, я уже не так краснела. Даже когда замёрзший Михел прижал меня посильнее, я только охнула про себя, и по животу пробежали толпой мурашки. Заяц был сытный, и спали мы хорошо.

На третий день мы выехали на опушку. Впереди простирался огромный луг, была видна река, небольшие лески и перелески – и так до самого горизонта. Парни переглянулись: куда ехать? Вопрос стоял очень явно, нигде не было видно ни одного поселения, спросить не у кого, и мы остановились в задумчивости.

– Ну что, Лот, ты свою работу сделал, можешь направляться домой, а вот куда нам двигаться, сказать затруднительно. Поедем, куда глаза глядят.

Это они, конечно, здорово придумали – по-мужски, умно.

– Нет, давайте подумаем, – сказала я. – У меня есть идея. Я, пока мы ехали по лесу, явственно видел тропу – может, сейчас хоть направление увижу. Скажите, куда вы едете точно и что об этом месте знаете?

Карен вздохнул и сказал:

– Сначала хотели заехать к Марье Искуснице. Про неё разное сказывают: и красивая, и ладная, и на всякие игрища искусная, – при этом Карен странно покраснел, – и готовит вкусно. Живет в тереме посреди Лисьего озера с подружками да прислугой и ждет суженого своего. Замуж пойдёт только за того, кто ей приглянется. Хорошо, чтобы мы ей не при-

глянулись – не хотим жениться, но познакомиться интересно. Да и отцу дал слово, что мы к трём царевнам съездим, а слово принца – оно крепкое и нерушимое.

И такое гордое выражение на лице у него написано было, что я чуть не расхохоталась.

– Карен, – сказала я, – дай попробую представить себе это место и, если Макошь поможет, укажу Вам путь.

Я села, поджав под себя ноги, и уставилась вдаль, представляя себе Лисье озеро с теремом посредине. Где-то, видимо, прошел дождь, и на небе перекинулась радуга, да такая красивая, отродясь такой красивой не видала. Да и расположилась на небе она как-то странно – не на горизонте повисла, а как будто от холма, где мы сидели, краем отходить начала и на восток перекинулась. Я посмотрела на это чудо, и концы арки как бы сами собой соединились по земле в легкую дымку, что бежала по траве. И я увидела тропу. Это был путь, мне его дали.

Подскочила, запрыгала на месте.

– Ура! Ура! Есть, мы едем.

– Стой, Лот, кто это едет? Тебе домой надо, к Микулишне, мы уж как-нибудь справимся.

Я чуть не разрыдалась, так сердце сжалось. Поняла, что мне обязательно ехать надо, что если не поеду, то хоть топись. Посмотрела на парней и, набравшись смелости, выпалила:

– Ничего с Микулишной не случится, я ей не родня, про-

сто она меня на проживание взяла, а я уже вырос, могу и сам жить попробовать, а вы вот без меня не доедете, тропу ведь только я вижу, заплутаете опять, а я вам не буду помехой.

Принцы переглянулись и... согласились.

Поехали. На прощанье я прижалась к дубу.

– Прощай, – прошептала, – Расскажи Мавке, она передаст Микулишне, что я дальше поехала. Не печальтесь обо мне, я вернусь. Просто это моя дорога, и она начинается. Лес будет всегда со мной. Лес мне отец, а мать мне дорога, и я хочу с ней познакомиться.

Мне нравился простор, но после густой чащи леса казалось, что я как будто раздета, незащитна перед этим ветром, который стегал наших коней, солнцем, которое светило не сквозь листву деревьев, а норовило ослепить и согреть своим последним теплом. Осень входила в свои права. Все равно я люблю тебя, Сива. Пожелай мне удачи.

Кони перешли в галоп, радуясь, что выбрались на простор, а я, спрятавшись за широкую спину Карена, чувствовала себя удивительно счастливой. Вперед, что там нас ждет? Что ждет тебя, Лотта? Что??

Марья Искусница

Мы скакали до озера три дня. И когда за леском появился изумительно красивый терем, как будто вырастающий из озера, мы даже сразу не поверили своим глазам. Неужели

приехали?

Остановились на берегу, расседлали коней, но почему-то никому не захотелось побыстрее попасть в этот терем.

– Эх, Михел, – сказал Карен, – может, там и судьба тебя или меня ждет, а так не хочется торопиться, тревожно на сердце. Может, она и красавица, а может, еще та курица, да и вообще, кто их, этих женщин, разберет. Утро вечера мудреней, давай тут заночуем. Может, последний день свободными ходим.

Утро все равно наступило, и отступить было некуда. Водная гладь озера заманчиво серебрилась и была такой заискивающей, зовущей, что у меня заныл зуб. К чему бы это?

Побродив по берегу, нашли лодку.

– Лот, может, тут останешься коней стеречь, а мы съездим, ознакомимся?

Я судорожно замотала головой – нет, не хочу. Женятся – так женятся, а до этого их не брошу.

Мы погрузились, и лодка, как по волшебству, сама поплыла к терему.

На островке нас ждали. Целая толпа девиц в разноцветных нарядах с кучей украшений выстроилась на бережке и приветственно махала руками. Мои принцы, распираемые чувством собственного достоинства, готовы были выпрыгнуть из штанов. Господи, знала бы я, что это будет так, сама бы лодку продырявила.

Среди толпы явственно выделялась неопишимо красивая

девица в малиновом одеянье, шитом золотом, и янтарном украшении. Она не махала руками и не кланялась, но взгляд ее притягивал моих принцев как магнит. Попали, поняла я, попали. Некоторым мужикам, как говорила Микулишна, красной тряпкой помахал – и они твои. Тут было все сложнее. Особливо смущало, что среди толпы не было ни одного мужчины. Куда это они подевались?

Лодка причалила, и мы выпрыгнули из нее. Принцы только что не в воду выпрыгнули, так спешили припасть к ручке. Прекрасная Искусница открыла свои прелестные губки и пропела:

– О, мои мужественные рыцари, я приветствую вас в тереме, где вы получите то, о чем мечтает каждый мужчина...

Краткая заминка, и она продолжила:

– Вас ждет тепло и уют, забота, вкусная еда, сладкое вино и еще раз... забота.

Мне почему-то это показалось странной реакцией принцев на ее слова. Вроде бы не придурки – вон как трезво и весело разговаривали все дни пути, глаза светились разумом, улыбки были ехидные, но человеческие, а тут идут как овцы на закланье. Неужто так очаровались красотой ее неземной? Ну, красивая, ничего не скажешь: брови тонкие, черные, дугой, волосы короной уложены, а губы... Да, губы красные, припухлые, капризные, как у малого ребенка, не просто притягивают взглядом даже меня, а обещают рай земной. Чувствую, что мужики так и хотят к ним прильнуть

и попробовать, какие они на вкус. Да и вся царевна была такая... «Вкусная», привлекательная, притягательная, обворожительная. Она протянула принцам руки, и они, как два послушных олуха, припали к ручке: один – к правой, другой – к левой.

«Попали», – еще раз пронеслось в голове.

На меня глянули как-то странно, но уж больно замухрышисто я выглядел, чтобы даже дворовые девки на меня глаз положили. Принцев повели в терем, а я следом за девками пристроилась.

Принцесса показывала терем – красивый, я уж точно такую красоту никогда не видывала. На стенах картины вышитые, украшения резные, светильники диковинные. Терем уютный, надёжный, как скала, а у меня мелькнула мысль: «А вот если убежать надобно, как из него выбраться?» Но мысль скользнула и ушла прочь, кто ж нас насильно-то держать будет, чай, не пленники. Как пришла мысль, так и ушла, а зря. В тереме, как и на берегу, не было ни одного мужчины. Где они, интересно?

Марья Искусница ввела парней в залу, где был накрыт стол. Изысканные блюда теснились, почти не оставляя места, и от их изобилия разбегались глаза.

– Гости дорогие, эти блюда готовились под моим руководством и по моим рецептам. Прошу откусать, ведь недаром зовусь Искусница, все умею делать.

Парней усадили: одного по правую руку, другого по ле-

вую. Тут же набежали девушки и стали накладывать им то лебедя запечённого, то поросёночка молочного, то вообще такое, что я никогда и не видывала, тем более не пробовала. Мне нашлось место в самом конце стола, и я была рада, что на меня никто не обращает внимания.

– Вина у меня самые лучшие, сладости самые сладкие и ещё у меня...

Я поняла – «объятия самые страстные». Это было не прознесено вслух, но мои неокрепшие детские мозги почему-то осознали недосказанную мысль.

«Попали!», – опять подумала я.

Пир продолжался долго. По осовевшим от сытости и выпитого вина лицам принцев я понимала, что им хорошо. Очень хорошо. Но когда Искусница подошла к арфе и запела, я поняла, что это конец.

Песня не лилась, она обвивала принцев, манила, обещала райское блаженство, завораживала, заколдовывала и лишала последней воли. Если бы я была не знакома с Русалкой, я бы не поверила, что такое существует, но наглядный пример был у меня перед глазами. Оба принца уже пристроились у её ног на полу и с обожанием смотрели на Марию, а она шурилась и облизывалась, как сытая кошка.

– Следуйте за мной, – приказала Искусница, – я сама провожу вас в вашу опочивальню.

И они ушли. Рядом со мной сидела симпатичная молоденькая девушка, которая странно посмотрела на меня и ска-

зала:

– Постарайся не попадаться никому на глаза, я тебя спрячу, уж больно ты молод, погубят быстро и ...

Она отвела меня в какую-то коморку, в которой был тюфячок, небольшой стол и бадья для умыванья. Девушка сказала, что ее зовут Милка, и ещё раз попросила не высываться.

– Я буду приносить тебе еду и прослежу за тем, как будут развиваться события. Если что – помогу, у меня на этот счёт свой интерес имеется.

Я сидела в своей коморке уже почти неделю, вечером меня навещала Милка. Было бы скучно, но я умела придумать себя разные занятия. Я придумывала сказки, разговаривала с Макошь, представляла, какую судьбу она бы могла мне сплести, думала, как там мои подруги и Микулишна, чем живет лес, как готовится к зиме зверье, прилетели ли уже гуси, и пролетели ли над лесом журавли, пела себе песни и ждала, ждала вестей.

Все это время Милка только приносила мне еду и грустно качала головой. Сегодня она пришла особенно опечаленной. Я не выдержала, схватила ее за руку, усадила на тюфяк и сказала – рассказывай, вижу, дело плохо. Если они пропадут, то тут всем несдобровать. Я казалась себе такой грозной, а на самом деле просто не знала, что делать. Но ведь хватит сидеть сложа руки.

– Лот, ты смешон, что ты, маленький захудалик, можешь

сделать против Искусницы? Вот если принцы не выдержат, она и за тебя возьмется, когда голодной будет. Понимаешь, она искусница, искусница во всем и в любви тоже, она их залюбит.

Я тихо ахнула.

– Как залюбит?

– Да просто, в этом она особенно искусница. От ее ласк мужчины забывают все на свете, они продают душу, они ласкают ее до изнеможения, а ей все мало, мало, мало. Одного она бы уже залюбила насмерть, но их двое и они молодые, сильные. Она ведь и с двумя может, её на всё хватает. Она черпает свои силы из страсти. Господи, ты не представляешь, что они творят в её покоях! Ни один мужик по собственной воле не бросит ее. Сразу по прибытии на остров у парней начинается помутнение разума, они не принадлежат больше себе, они под её властью – полной и беспрекословной. Она забирает их силы во время любовных игр, её чары невероятны, и их трудно преодолеть. Мой брат не смог. Я не знаю, как ты не попал под них, другой бы парень сидел и рвался бы в её покои, а ты тут песни поешь. Может, она не наложила чары из-за того, что ты такой страшный?

Милка продолжала:

– Мы с братом пришли на берег, он сел в эту дурацкую лодку и больше не вернулся. Я ждала его на берегу месяц, и когда ещё один искатель счастья появился на берегу, я попросилась с ним. Так и попала на остров. Но мой брат про-

пал, а он был такой добрый, такой славный. Я не поверила, что он погиб. Девушки говорили, что в подвале у неё живут мужчины, с которыми она не доиграла, и она держит их на случай, если не будет совсем никого нового. Они сытые и чистые, но кроме неё и любовных игрещ уже ни о чём не могут думать. Я спустилась в подвал, думала, там найду брата, увидела этих... умалишённых. Страшные, поизмывались надо мной, не знаю, как жива осталась. Я ненавижу её, но не знаю, как убежать.

Так, дело дрянь. Нашли себе невестушку. Думай, Лот, думай.

– Милка, а она когда-нибудь спит?

– Спит, но мало, да и как их выманить, они же только о ней думают. Сначала ревновали друг к другу, а теперь вместе, вдвоем с ней кувыркаются, а ей нравится. Довольная, сытая.

– Да еще если мы увезём их и не расколдуем, то они всех поубивают, лишь бы вернуться к ней.

– Попали. А как расколдовать-то можно?

– Знаю только, что до заката должна их поцеловать невинная дева, которой от них ничего не нужно, то бишь бескорыстно, а где тут такую возьмешь? Да ещё так срочно. Попали!

– Ладно, Милка, план такой. Ты сообщаешь, когда Искусница засыпает, постараешься выманить этих двух озабоченных, крадем лодку и отправляемся на тот берег, а там видно будет. Милка, действовать надо быстро, как я понимаю.

Случай выпал на рассвете. После удачной ночи Марья пошла в другие палаты, а «эти» остались спать тут. Милка облила их водой, чтобы проснулись и сказала:

– Карен, Михел, Марья просила передать, что вы ещё в озере любовью не занимались, и просила вас туда проводить.

Хи и Ха сильно удивились, но в глазах уже проснулось желание, и они, как коты, побежали к берегу. Там их ждала я.

– А где Марья? – спросили эти сладострастники и уставились на Милку, повернувшись ко мне спиной.

У меня была приготовлена большая сковородка, добытая Милкой, ей-то я и огрела их со всей силы каждого по голове, чтобы отключились. Мы погрузили их в лодку и попытались отчалить. Но не тут-то было. Лодка была призвана привозить людей с того берега, а не увозить с этого, и мертво стояла на месте.

«Попали», – опять прозвучало в голове.

Но пропадать не хотелось. Я прыгнула в воду, стала толкать лодку от берега, но процесс шёл очень медленно, лодка тормозила и не хотела двигаться.

– Макошь, – закричала я, – помоги! Я сделаю всё, о чём ты попросишь, чего бы мне это не стоило. Обещаю. Я твоя. Спаси нас.

И вдруг с неба спустилась нить, тоненькая. Я поняла – Макошь услышала меня.

Я привязала нить к лодке и стала тянуть, лодка поплыла быстрее. В это время на берегу появились служанки, стали

громко кричать, звать Искусницу.

На берегу появилась разъяренная Марья.

– Шутите, молодцы, я не только пироги печь умею, но и стреляю хорошо, я ведь Искусница, забыли? Я белке в глаз попадаю, и нить вашу перебью, я свои игрушки просто так не отдаю, – она выхватила лук и вложила стрелу.

Стрела зазвенела, и я с ужасом посмотрела на спасительную нить. Все... Но нет. Стрела коснулась нити и отскочила, потом полетела вторая, третья – всё без результата.

В ушах прозвучало: «И даже тоненькую нить порой не в силах перебить стальной клинок, стальной клинок»...

«Особенно если это нить Макошь», – додумала я.

Мы доплыли, вытащили этих сладострастников из лодки и свалили как мешки на берег. Ну и красавчики! От них и половины не осталось, «любовники», леший их задери. Но что же делать?

Милка запричитала:

– Они скоро очнутся и хоть раком побегут к ней. Где девственницу искать будем?

Я горько вздохнула и сказала:

– Одна имеется, хоть и страшенькая, но только вот к их губам мне теперь противно прикасаться.

Милка ахнула от удивления.

– Так ты девка?

– А что, не похожа? – буркнула я в сторону.

Ну, противно не противно, а делать-то что-то надо. Я на-

клонилась сначала над Хи, уставилась на его опухшие от поцелуев губы, покусанные, жадные, и с отчаяньем прильнула к ним. Был ли это поцелуй, о котором я подспудно даже мечтать не могла? Конечно, нет, но искра пробежала, я её почувствовала. Оставив этого горе-любовника, пошла ко второму. Ха лежал как мертвый. Он был на год моложе Хи и, понятно, ему было тяжелее.

«Нашла кого жалеть, – мелькнуло внутри. – Им с ней неплохо было. Они там любят, а мне их спасай».

Но нагнулась и коснулась губами почти синих губ Ха. Когда почувствовала пробежавший разряд, отпрянула и вытерла губы. Пусть теперь отходят – и пошла искать коней. Кое-как вдвоем погрузили тела на лошадей и отъехали от греха подальше.

Проехав мили две, остановились – уж больно жалко было смотреть на этих двух «любовничков», болтающихся на лошадях, как кули. Мы сгрузили их тушки на собранные листья. Благо, на лошадях осталась некоторая поклажа – запасные плащи и, главное, некоторое количество денег – иначе пришлось бы возвращаться во дворец («а может, это и к лучшему было бы», – подумала я). А пока они очухаются, можно и отдохнуть.

Я разожгла костёр, и мы начали варить кашу, а поговорить хотелось.

– Вот ты мне скажи, Милка, неужели неизвестно, что по приезде к Марье Искуснице парни не возвращаются? Чего

же это они лезут к ней, как медом намазанной?

– Лотта, ты слишком молодая и плохо знаешь мужчин.

– Да я их вообще знать после такого не хочу. Полные придурки.

– Не скажи. Они такие по природе. Стоило пустить слух, что царевна выйдет замуж за парня, который лучше всех удовлетворит её в постели, многие как побесились. Какая там добродетель, какие правила. Если бы она сказала, что выйдет за самого умного или там умелого в работе – это было бы не так интересно, все они кобелины в душе. Это мужчины, каждый из них считает – ну, может, не каждый, но многие – что уж в этом они точно сильны и умелы. Понимаешь, ради доказательства своей «мужественности» они способны на самые большие, просто огромные глупости. Они при этом похожи на глухарей на току, бери готовенькими. Вот Марья и пользуется. Нас потом порой отправляли к ним в подвал, чтобы не сгорели от желаний, но они уже были просто животные. У Марьи магия такая особая, она пробуждает в мужчинах желание, а силу при этом забирает себе, потому и такая могучая.

Она грустно опустила голову и продолжила:

– Вот мой брат – он был первым парнем на деревне: что на кулаках подражаться, что канат поперетягивать, что девок потискать. Как уж они к нему льнули – и красавицы, и хозяйственные, а ему хоть бы хны. Неумный был, всё на подвиги тянуло, понять, что ему надо, не мог. Лучше бы в солда-

ты пошел, мечом помахал, был бы шанс живым остаться. А так на царевне сторел. Как услышал про её причуду, совсем обезумел, сказал: «Что мне жизнь эта пресная, царевну хочу. Смысл один в этой жизни – или пан, или пропал. Находить – так сундук золота, любить – так царевну». Собрался и ушел, а я провожать пошла. Что было потом, ты уже знаешь.

Я качала головой и не верила, что такие разумные с виду парни могут играть в такие глупые игры. Неужто правда, что желание сильнее разума?

Наевшись кашей, я пошла ставить силки. Проснутся, наверное, жуть какие голодные.

Принцы проспали целые сутки, и, проснувшись, были слабее котят. Да, подвысосала она из них силушку. Мы с Милкой накормили их, помогли дойти к ручью, чтобы обмыться. Хи и Ха тупо смотрели перед собой и ничего не говорили. О чем они думали – непонятно, что помнили – тоже непонятно. Жестом попросили Милку к ним не приближаться. А вдруг коё-что все-таки помнили? На теле увидела следы каких-то побоев. Кнутом их, что ли, били, ничего себе игрища. Жалко мне их было совсем чуть-чуть – знали же, куда идут, хоть бы мне рассказали, что может там произойти. Так нет, молчали, мужское свое достоинство потешить решили. Доигрались, и спасибо никто нам не говорит, да и вообще никто ничего не говорит, только едят и спят.

Так продолжалось трое суток. Наконец, после того, как я кратко рассказала о побеге, Хи вымолвил:

– Спасибо тебе, Лот, и тебе, Милка, за то, что вытащили. Видно, мало я молился, чтобы боги дали нам мудрости. Спасибо, Макошь, что помогла. Милка, мы придём в село, и я отправлю тебя во дворец с письмом. Возвращаться тебе, как понимаю, некуда, а за спасение венценосных особ тебе полагается награда. Там выберешь, что хочешь. Ты, Лот, тоже можешь поехать с ней, и тебя наградят. Зачем ты будешь подвергать себя опасности?

Ехать в замок я не хотела, сказала, что останусь и дальше с ними, только просила, чтобы рассказывали мне о том, куда ехать собираются, да о причудах своих королевских сказывать.

Парни помаялись, покручинились, но все-таки решили продолжить дорогу. Впредь, мол, умнее будем. Как выяснилось, следующей по плану стояла Елена Прекрасная. Она, по слухам, у Змея Горыныча сейчас жила. После посещения этой красотки надлежало съездить к Василисе Премудрой. Мне кратко изложили очень расплывчатые данные местоположения замка Горыныча, типа – где-то там в степи. Дорогу представляла долго, и выглядела она какой-то неясной. Ехать по такому ориентиру было сложно, но понадеялись, что во время пути что-то прояснится.

Мы ещё два дня просидели на этом месте, пока Хи и Ха начали ходить нормально, не качаясь.

Однажды, сидя возле костра, все ели и молчали, как обычно. Стыдно, видеть, им было говорить, а может, наоборот –

жалели, что забрали, кто их знает, этих мужчин. И тут Хи вдруг сказал:

– Мне было виденье или странный сон, который вырвал меня из огня страсти. Как будто прекрасная девушка без умысла и страсти коснулась моих губ, и я очнулся. Её поцелуй был как лунный свет или лунный ветер, неслышный, полный тайны и подающий надежду, что в мире есть что-то больше, чем страсть, что я не просто похотливая скотина, а человек. Он спас меня. Если бы не он, я бы сошел с ума от стыда и отчаянья. Мне это приснилось? Или Богиня сжалилась надо мной?

Мы с Милкой переглянулись, пожали плечами – мол, ничего не знаем, не ведаем, так как договорились молчать – зачем давать ненужную информацию. Зачем кому-то знать, что, если бы не было этого поцелуя, ты бы опять лежал в объятьях Искусницы и вскорости тебя бы зацеловали до смерти? Богине была угодно оставить вас в живых. Значит, живите.

А был ли мальчик, или в гостях у Бабы Яги

По каким-то глубоко внутренним, неизвестным и непонятным мне причинам, я в основном прокладывала дорогу вдаль от посёлков и городков. Принцы иногда удивлялись и огорчались, что нам так мало встречаются села – им хотелось нормально поесть и помыться, выспаться не на земле. Но они терпели эти маленькие неудобства ради своей при-

зрачной цели, и мы ехали вперед по безлюдным местам. В тот день конь у Ха захромал, что-то с подковой случилось, и срочно нужно было найти кузнеца. Прикинула, где мы, кинула глазом по округе, загадала себе увидеть пути к людям – и моя путеводная нитка свернула направо, а к вечеру мы были в довольно красивой деревеньке, расположившейся у озера возле старой дубравы.

На постой устроились в хате на краю села у нестарой женщины и её дочери с красивым именем Зоряна. Нас накормили ужином, натопили баньку и очень удивились, что я не пошла мыться вместе с парнями. А как тут объяснишь, что не могу я вместе с ними? Хозяйкина дочка странно на меня посмотрела и предложила сходить с ней на пруд. Мол, одной не хочется, со взрослыми парнями неудобно, а со мной в самый раз.

Только мы отошли от дома, она дернула меня за руку и сказала:

– А ты ведь девка. Правда, не отвертишься, у меня глаз верный.

– Как узнала?

– Не знаю, чувствую. Парни, даже совсем безусые, на девушек особенно смотрят. Твои спутники, хоть и знатные, видать, но всё равно бросили оценивающий взгляд, а ты – нет. А потом эта история с банькой. Поняла, что надо выручать, вот и позвала тебя на пруд. Да и помощь твоя нужна.

– Спасибо, что выручила. А что за помощь?

– Нужна скорее даже не помощь, а присутствие. Мы сегодня с девушками гадаем, нам компания нужна – страшновато. А ты, видно, бесстрашная, много по дорогам проехала, лишней не будешь. Да и тебе, чай, любопытно, кто суженый.

– Да как-то не задумывалась, если честно. Про каких суженых можно говорить при моей внешности?

– Да, внешность у тебя не очень. Но не отчаивайся, некоторым везет. У нас в деревне рябая Марфа за хорошего парня замуж вышла, бывает и такое.

– Бывает, наверное, только не хочу пока об этом думать.

– А парни, что с тобой едут, ничего себе так. Я бы с такими не стала мальчиком рядиться, кто её судьбу знает – вдруг понравиться. Подумай. А дело у меня к тебе вот какое. Тут на берегу пруда возле леса купальня есть, мы, как взойдет луна, там соберёмся, свечки зажжем, зеркала принесем и будем наших суженых высматривать. Я верю, что можно в такую ночь увидеть лицо своего суженого, а коль знаешь, кто он, так и вести себя будешь правильно, на других не разминаться.

– Не знаю, хорошо ли это. Может, неинтересно так жить, когда наперед всё известно?

– Ты чего, зато потом всю жизнь счастливой будешь. А так – вдруг ошибешься? Ладно, думай, что хочешь, а компанию составь. Я матери сказала, чтобы нас не искали. Твои спать сейчас будут, видно, что утомились, а ты уж потерпи. Все равно кузнец раньше обеда не появится, уехал он к теще в

соседнюю деревню, так что выспаться успеешь.

Ночь была тихая, по-осеннему прохладная. Купаться в пруду, конечно, совсем не хотелось, и я очень сожалела, что не удалось помыться в баньке. Хорошо, в купальне стояла большая лохань, и удалось немного привести себя в порядок. Вскоре стали приходиться девушки. Настороженные, в венках из красных листьев, они тихо подходили к купальне. Видно было, что им тоже страшно – и темноты, и неопределённости, и, главное, вдруг выпадет такое, что и в страшном сне не приснится. Всем заправляла бойкая девушка Зиновия, все ее слушались. Красивая, но какая-то уж слишком напористая, не понравилась она мне почему-то.

– Так, – руководила она, – сейчас все окунаемся в озеро, одеваемся во всё новое. Все захватили вещи? Волосы распускаем, берем зеркала, свечи и идем на поляну. Хорошо, Зорька, что ты тринадцатую привела, нужна она нам будет.

Почему-то тринадцатой мне быть тоже не хотелось, но таинственные приготовления завораживали. Новой рубашки у меня не было, но мне кто-то дал запасную. Мы искупались и, дрожа от холода и предвкушения тайны, пошли на поляну. Шли босыми, трава холодная, мокрая – зубы так и стучали. Воздух тоже холодный. Эх, лежала бы я сейчас рядом с принцами на плаще, а не участвовала бы в этом обряде, который всё больше пугал меня. Поляна оказалась большой, с высохшей травой, на ней посередине лежал огромный плоский камень. Вокруг него по кругу находились двенадцать неболь-

ших камней.

Зиновия сказала, чтобы девушки расставляли свечи и устанавливали зеркала так, чтобы они все были направлены на камень посередине.

– Ты, Лотта, – приказала мне Зиновия, – посиди пока на среднем камне, а лучше приляг, пока девушки свои свечи будут расставлять. Ты ведь все равно гадать не собиралась, просто побудешь сегодня срединным лучом. Так при серьезном гадании в круге полагается.

Мне было не по себе: ну ладно посидеть, а вот лечь точно не хотелось. Девушки расставили и зажгли свечи и расселись спиной ко мне. Зиновия затянула песню, девушки подхватили, и через некоторое время на поляне начали происходить необъяснимые вещи. Воздух сгустился, вокруг меня стали закручиваться вихри листьев, сверкнули молнии – одна, вторая. Пламя от всех свечей нагнулось ко мне, огромная птица опустилась рядом на камень, и я услышала:

– Жертва будет принесена. Вы получите силу и счастье, узнаете свое будущее.

И в этот момент что-то ударило меня по голове. Сознание медленно покидало меня, унося в вихре в какой-то другой мир.

Карен. А был ли мальчик?

Мы с Ха, разомлевши после баньки и перекусив пирогами

с капустой, наконец с удовольствием устроились в доме на мягкой постели. Хорошо отдохнуть в тепле, под крышей, а не под открытым небом. Расслабились и быстро провалились в сон. Последней моей мыслью было: «Где же задержался Лот? Наверное, с хозяйской девчонкой гуляет». Долго поспать нам не удалось – где-то сразу после полуночи к нам в комнату ворвалась Зоряна с воплями:

– Ваша спутница помирает!

Какая спутница? Нет у нас никакой спутницы. Или, может, я спросонок ничего не соображаю? Но она настойчиво схватила меня за руку и сказала:

– Потом расскажу, спасать надо.

Натянув штаны, мы бросились за девушкой, которая бегом бежала к пруду и дальше в лес. Мы выбежали на поляну, где возле камня толпились перепуганные девушки, а там, на камне, лежало окровавленное тело Лота в женской исподней рубашке. Только вот не мальчик это был, а девочка, и в такой одежде это ясно было видно. Разберемся с этим потом.

Я заорал:

– У вас тут есть лекарь?

– Да какой лекарь, вон к знахарке все ходим, она тут, к счастью, не так далеко живет.

– А что за знахарка – хорошая? Хоть поможет?

– Лучше не бывает, её по-разному кличут: Баба Яга, Яга Ягеишна, Яга Виевна, Яга Змиевна, Яга Умнейшая, Зараза Мымровна, – кому как нравится. А мы кличем Йогиней-Ма-

тушкой.

– Да как ни назови, лишь бы помогла.

Я схватил Лота – то бишь девушку, и звать ее, наверно, Лотта – на руки. Легкая, а по лесным тропинкам да ночью тащить её все равно тяжеловато. Хорошо, хоть нас двое, менялись. Зоряна бежала впереди по только ей видимой дорожке, а мы пытались не отставать. Голова девушки безжизненно болталась, и мне пришлось прижать ее к себе, чтобы кровь меньше шла. Луна освещала ее мертвенно бледное лицо. Парень страшненьким казался, а уж девчущку вообще жалко стало. И как такой в жизни себе парня найти? Что я про глупости думаю, тут лишь бы жива осталась.

– Кто ее так?

Зоряна испуганно обернулась.

– Не знаю. Мы гадали, а тут как зашумит, засверкает. Я обернулась, а над Лоттой фигура какая-то склонилась. Я как закричала, а она прошипела: «Не мешай принять жертву». Я не знаю, что мной двигало, но даже испугаться не успела, только бросилась к этой фигуре и оттолкнула ее от Лотты, она и пропала. Вижу – та лежит вся в крови. Я сразу за вами и бросилась.

В голове пронеслось: «Ничего себе тихая деревушка». Наконец мы добежали до лесной избушки. Лотта в этот момент была на руках у Ха, а я рванул дверь, и мы оказались в маленькой светелке, в которой сидели три молодые красивые женщины и пили чай. Думал, раз Баба Яга, так старая и ужас-

ная, а тут она не одна, а трое их, и вполне симпатичные. Зоряна поклонилась им и говорит:

– Прости, что побеспокоили Вас, Йогиня Матушка, но беда у нас. Вот на девушку во время гаданья кто-то напал, а это ее спутники, они принесли ее к Вам. Не обессудьте, помогите.

У меня в голове пронеслось: «Это она что, их троих сразу одним именем называет?» В это время одна из женщин нахмурилась и произнесла:

– Кладите ее на лавку, посмотрим, сможем ли помочь.

Потом обернулась к нам и сказала:

– А то, что нас трое, не удивляйтесь, мы ночью расслабляемся и молодеем, так как женщины для себя всегда выглядят на столько лет, на сколько себя чувствуют. А то, что трое, так в каждом разумном существе несколько личностей обитает, а у нас они еще и материализоваться могут, но только ночью, а днем опять в одно лицо сливаются. Я представлю нас, чтобы вы не переживали, принцы-путешественники: вот справа от вас Яга Богатырша, сила у нее необыкновенная, может любого богатыря победить, а слева – Яга Ягинишна, что лихое творит для тех, кто заслуживает, а я – Яга Дарительница, спасительница, так что будем спасать Вашу белу лебедь, красавицу.

В голове пронеслось: «Это она про Лотту, что ли, такое говорит? Так страшнее ее трудно девушку найти. Да ладно, как ни назови, лишь бы спасла. Мы вместе путь держим, зна-

чит, в ответе за него, то бишь за нее».

Бабы Йошки, все втроем, внимательно осмотрели Лотту, руки возложили и сказали:

– Никак Чернобог с ведьмой не успокоятся, не могут девушку в покое оставить. Хорошо, что не удалось ее убить, спасибо Зоряне, спасла. Сейчас лечить будем. Вы, рыцари, скажите: золота на нее не жалко?

Я удивленно глянул на них:

– Золото у нас есть, а сколько надо?

Яга Ягинишна хитро глянула на нас с Ха и сказала:

– Все несите, а там видно будет. Аль жалко? Сейчас пожалеете – всю свою жизнь жалеть будете.

Тут я отчетливо осознал – не стоит то золото хранить. Хоть и дорога впереди – возвращаться не будем, выкрутимся, надо девушку спасти. Развязал пояс, где деньги защиты были, и отдал женщине. Она, ни слова не говоря, как так и надо, вынула монеты и кинула большую часть в печку.

– Сейчас тесто месить будем.

Я аж опешил. Причем тут тесто, когда лечить девушку надо? Хотел было что-то сказать, но на меня так посмотрели, что замолчал. Втроем они быстро намесили огромную кадку теста, а потом скомандовали:

– За занавесочной посидите, а ты, Зоряна, помогай, раздевай ее. Сейчас девицу лечить будем.

Мы с Ха тихонько сидели в углу, и нам был виден край лавки с ногами Лотты. Каково же было наше удивление, ко-

гда эти ноги стали обмазывать тестом.

«Боже, – мелькнуло в голове, – они ее не запевать ли со-
брались?»

Потом услышал слова:

– Печь нужной температуры. Давай, на лопату ее уклады-
вай.

Тут мне совсем не по себе стало, выскочил с ужасом и
действительно – увидел, как Лотту кладут на огромную ло-
пату, и Яга Богатырша засовывает её в печь.

– Вы что делаете, остановитесь! – заорал я и кинулся к
женщинам.

– Охолонь, милок, – кивнула Яга Дарительница, – огнем
неопалимым лечить её будем. От огня пострадала, огонь и
проблему ликвидирует. В наших краях, парень, недоношен-
ных детей в теплую печь завсегда засовывали – чтобы допек-
лись, доросли. А тут почти взрослую девушку придется в «ло-
но матери» снова засовывать, чтобы родилась заново. Ина-
че никак не получится, от молний Чернобога по-другому не
вылечишься.

– И надолго Вы ее туда? – почему-то прошептал я.

– А пока печь не остынет, а там как получится.

Потом Ягинишна обернулась к Зоряне и сказала:

– Молодец, Зоряна, не растерялась даже в такой ситуации,
толк из тебя будет. Пожалуй, возьму тебя в ученицы. Зна-
харкой хочешь быть? Или только за мужем сидеть мечтаешь?
Решай, мужа мы тебе за то, что сделала, так и быть, устроим.

Тут Зоряна залилась краской и сказала:

– Учиться хочу, а потом видно будет. Вы, правда, меня возьмете?

– Возьмем, а теперь ставь самовар, чай-то мы так и не попили.

В гостях у Бабы Яги. Лотта

Солнце заглядывало в окно. Я очнулась на незнакомой лавке, в незнакомой комнате, надо мной висели пучки трав, приятно пахло какой-то снедью, а за столом сидела очень пожилая женщина.

Я и слова не успела произнести, как женщина быстро обернулась ко мне.

– С возвращением, девица, – обрадовано сказала она.

– Откуда? – не поняла я.

– Да с того света. И с рождением, девица. Считай, у тебя сегодня день рождения. Как тебя из печки живую вынули, так и народилась ты. Спасли всем миром – и мы, и принцы твои, и Зоряна, так что тебе есть кого благодарить.

Я попыталась сесть, но на меня грозно глянули и приказали:

– Лежи, тебе еще вставать нельзя. Кожа больно нежная. Пусть подживет, я тебя сейчас травками напою, а ты не крутись, потерпи немного. Принцев твоих в деревню отправила, им выспаться надо. А то всю ночь тебя таскали, переживали.

Я пролежала в избушке Яги три дня. Почти все время спа-

ла – может, от слабости, может, травки какие давали. Днем в доме хозяйничала пожилая женщина, а ночью возле стола, тихо о чем-то беседуя, сидели три милovidные молодые женщины. Я уже ничему не удивлялась, только радовалась, что так спокойно и тихо. Однажды в избе появились Хи и Ха и очень обрадовались, увидев меня живой.

– С выздоровление и днем рождения, Лотта, – проговорил Хи.

А потом добавил:

– Не знали мы, что ты девушка, поаккуратнее бы на язык были. Прости.

– Это Вы меня простите, что обманула и сразу не сказала, что девушка, а то не взяли бы вы меня с собой. А так в дорогу хотелось. Вы сильно на меня сердитесь?

– Да уже и отсердились, и отбоялись, – улыбнулся Ха. – Выздоровливай, а как дальше быть – потом решать будем.

И, поблагодарив еще раз Ягинишну, принцы покинули избу. Этой ночью мне разрешили попить чай вместе с тремя Ягинишнами. Одна из них сказала:

– Молодец, быстро поправилась. Интересная ты девка, и судьба интересная у тебя будет. Вот ты скажи, сможешь ли ты ответить на мою загадку? Что это такое, что люди теряют, когда становятся старше, и обретают, когда становятся старше, – и нет ничего на свете ценнее этого, и это самая желанная вещь в мире, и если ты не родишься с желанием её обрести, то никогда её не получишь?

В голове ясности не было, и поэтому я, честно подумав, сказала:

– Нет, не знаю.

Ягинишны переглянулись и огорченно сказали:

– Только Василиса одна и ответила на этот вопрос, не зря её теперь Премудрой кличут. Знания это, детка, знания. Твоя судьба еще не написана, но скажем сразу – научиться тебе многому придется, и место учёбы у тебя необычное, но ты на этот путь уже стала – и в дремучем лесу училась, и в дороге училась, и дальше учиться на ней будешь. А странствовать тебе долго придется. Может, и всю жизнь. Надо будет шаг за шагом идти в неизведанное, помогая людям, не имея при себе ничего, кроме собственной настойчивости, храбрости, веры в себя и желания учиться и узнать, кто ты и зачем на этой земле. Любовь тебе и поможет, и научит, однако не лишит трудностей. Но всему своё время, Лотта-Золотушка, краса неписаная. А теперь ложись спать, завтра вернёшься в деревню – и опять в путь. И ещё помни – дух зла является, чтобы забрать жизненные силы, сея страх и сомнения. То, что произошло с тобой, конечно, пугает. Чернобог на этот раз хорошо подготовился: и подкова вовремя сломалась, и девушки гадать решили. Может, это и не последняя его попытка. Но знай – ты сильная, и ты не одна в этом мире. Но от тебя самой многое зависит, чтобы побороть страх неизведанности. И «Только смелость может спасти нас от страха. Если мы не идём на риск, то совершаем насилие над смыс-

лом жизни»1. А теперь спать.

Поутру я обнаружила на шее странный золотой кулон с красным камешком, но спросить, откуда он взялся, не успела – пришли принцы. Они низко поклонились Ягинишне, обернулись ко мне и сказали:

– Не переживай, дальше мы опять вместе поедem. Хорошо, что ты выздоровела.

Часть вторая. Зимовка – не сказочная, а почти человеческая

Постоялый двор «Приют нужных путников»

Мы ехали все дальше на восток. С деревьев облетали последние листья. Последние перелётные птицы покидали свои края и уносились прочь к теплу, сытости, определённости. А мы ехали вперед и вперед, день за днём, не делая остановок. Мы потеряли счёт дням, тёмные скелеты деревьев не обогревали наши души, а холод, темнота и печаль с каждым днем опускались все ниже и ниже.

Последнюю неделю мы всё больше молчали. Неизвестность снедала нас. Даже Ха, постоянно замечающий что-то необычное вокруг – то птичку, то цветок, то облака – молчал. Хотя Хи, просыпаясь по утрам, спрашивал, как и раньше:

– Здравствуй, новый день, с чего начинаешься? И вообще, что на завтрак?

А Ха говорил (даже если небо было затянуто тучами, или шел дождь):

– Ой, какой прекрасный день! И что хорошего с нами сегодня случится?

Я, когда просыпалась, думала: будет ли чем накормить ребят, попалось ли что в силки, а уж потом – интересно, куда заведёт нас дорога. Прагматично. По-женски. Ну почему на мне больше ответственности? Я ведь младше. Если задуматься, эти месяцы пути многому меня научили. Может, девочки действительно взрослеют быстрее ребят, но порой я чувствовала себя старше принцев, во всяком случае, Ха.

Дорога бежала вперед, и конца ей было не видно. Все реже встречались поселения, все беднее они выглядели, а на обогрев уходило все больше дров. Все чувствовали, что Сива покидает край, и с неотвратимостью понимали, что скоро прилетит холодная зима Морана, сея смерть тем, кто не может жить без тепла, укладывая в зимнюю спячку, тёплую нору. Морана холодная и опасная, она сама неопределённость, ведь что может сделать путник, продолжая путь по её холодным просторам? Смерть, холод, смерть. Морана каждое утро всё явственнее пытается подкараулить и погубить Солнце, и её Черная Луна всё чаще появляется на небосклоне. Всё живое прячется, всё живое спит, всё живое улетает. А мы? Мы идем вперед.

Хорошо мне было в избушке Микулишны не бояться зимы. Хоть и долги зимние вечера, и одна оставалась, без по-

друг, но училась у знахарки, а потом приходила весна, приходила Леля, приносила зелень, цветы и счастье.

Я опять стала приставать к Хи:

– Не молчи ты в конце-то концов, ты у нас самый умный. Решай, будем поворачивать к дому, зимовать или вперед двигаться?

– Лотта, прости, ты девушка и тебе труднее, чем нам, переносить невзгоды (это ещё бабушка надвое сказала, приспособленные Вы наши), но мы так далеко уехали, что возвращение невозможно, а вперед двигаться мы не можем – зима. Давайте думать. Возможно, нам надо найти место, где мы сможем перезимовать. Я всё надеялся, что мы найдем подходящий городок, поселение или замок, где можно было бы попроситься на зимовку, но ничего нет уже более двух недель пути. Лес и перелески, поле, поле и лес.

Может, я виновата, что мы в таких странных местах, но дорога ведет нас сюда, я её вижу.

По утрам на деревьях появлялся иней, мы теснее жались ночью друг к другу, забывая, кто мы – юноши, девушки – лишь бы не замёрзнуть. Меня положили в серёдку, и по утрам я могла обнаружить себя в кольце рук одного из принцев, а то и двух сразу, при этом грел только прилив крови к щекам от смущения. Чудны дела Ваши, боги.

Проснувшись, умылась уже совершенно студёной водой, сбегала проверить силки. Благодарю тебя, Девана, ты не оставляешь нас без улова. Зайцы были жирные, голодными

мы не оставались, но так хотелось хлеба, молока, сыра.

– Не гневи богиню, а то голодными будем, – откусывая от ножки, проворчал Ха, когда я сказала, что мечтаю хотя бы о сухарике к мясу. – Вкусные зайцы, да и утку ты вчера при-манила, так что полное разнообразие. Ягоды есть, вот компот сварим. Живём, Лотта.

Его жизнерадостности можно было только позавидовать. Вот уж кто не унывал, да и не сильно задумывался о возможных трудностях. Будет день, будет пища.

Может, придёт Морана – зима, Морана – смерть и заберет нас. Мавка говорила, что смерть – это не конец, а переход в другой мир, и бояться не стоит, но мне почему-то хотелось пожить ещё в этом мире.

И когда прилетел в черных одеждах студёный Посвист-Хладовой – леденящий души Северный Ветер – мы решили, что путь надо прекращать и искать, где зимовать.

Когда решение принимается, то и разрешение проблемы приходит. За поворотом дороги неожиданно-негаданно появилась довольно большая постройка с явными признаками жизни. Подъехав ближе, мы увидели надпись: Постоялый двор «Приют нужных путников». Ничего себе название – «нужных путников», а с ненужными как, а мы какие?

Мы стояли у ворот, стучали и ждали. Интересно, мир нам ловушку расставляет, даёт ценные уроки, или, может, и то, и другое?

Ворота со скрипом отворились, и из них выглянул охран-

ник, взглянул на нас и быстро захлопнул ворота назад.

– Неужели мы ненужные путники, Хи? – тихо прошептала я. – Мы, конечно, поободрались, но у вас вид всё равно вполне представительный. Нас немного, и мы не страшные.

Мы опять начали стучать в ворота.

– И не стучите, не открою, – сказал охранник.

– Это ещё почему? Мы что, ненужные путники?

– А вы посмотрите, кто за вами увязался, с ней ни за что не пущу.

Я оглянулась и увидела её. На обочине стояла Бадзула – дух бродяжничества. Худая, ободранная, с наброшенным драным покрывалом, всеми брошенная, в том числе и собой, забытая и нелюбимая. Ближе к зиме она ищет, к кому бы пристроиться в поисках пристанища. Больно кольнуло в сердце, почему-то стало её жалко. Хотя у каждого свой путь и свой выбор, да ещё к тому же она дух нечистый, нельзя её жалеть. На то и рассчитаны её действия. Микулишна учила, что нельзя всех жалеть, некоторые получили то, что заслужили, нам ли понимать волю богов, но если ты можешь что-то сделать от тебя зависящее – делай. Отделяй человека и его суть от поступка, пойми, что им движет, если он ошибся, или его подставила такая нечисть, как Бадзула, пожалей и помоги ему, а если он есть этой сутью – не жалей, гони от себя, не исправишь, только замараешься.

Бадзула смотрела на меня голодными глазами. Вот это новости. Плохи наши дела, потому как если Бадзула к кому

прицепится, то неудач не оберешься, а если войдет в дом, то вместе с ней туда войдет лихо, лень, нищета, и обитателям дома покоя уже не найти.

– Скажи, Бадзула, ты решила, что я в душе бродяга, и нам с тобой по дороге?

– У-У-У, – провыла Бадзула и как-то неопределенно качнула головой.

Я испугалась. Вдруг к старости или еще раньше такой стану? Ничего себе дела.

«Да, – подумала я, – я люблю дорогу, путешествия, новые впечатления, но не такой участи себе жду, да и не шатаюсь я без цели. Только этот вопрос еще обдумать надо. В чем разница?»

Мелькнула здравая мысль. А может, это она и не за нами пришла, а в эти «хоромы» хочет заселиться. У их порога сидела и к ним прибиться хочет, и чуяла, что в доме неладно.

– Эй, хозяйева, – набралась я наглости, – это она не с нами пришла, это она сама к Вам прибиться хочет. Скажи им, Бадзула.

– Бу-бу-бу, – проворчала довольно громко Бадзула, как бы подтверждая мою правоту.

– Я расскажу вам, как её не пустить, а вы нас на постой пустите.

Охранник явно заинтересованно засуетился за воротами.

– Вынеси плащ для Бадзулы, но не драный – одеть её надо. Вымети двор да жильё, убери порог, а мусор в восточную

сторону выброси. Поклон домовёнку отбей да молока ему налей.

Охранник засопел, но пошел выполнять указания. Крикнул кого-то, и за забором развернулась активная деятельность.

Как только мусор полетел на восток, Бадзула крутанулась вокруг себя и исчезла. Пошла искать другой приют.

Мы облегчённо вздохнули, и в этот момент ворота перед нами открылись.

Наконец-то мы попадем в тепло, и я вымоюсь в теплой воде, выплюсь на нормальной кровати, поем что-то, кроме жареных или запечённых зайцев, и нормально расслаблюсь.

– Лотта, – остановил меня Хи, – я должен тебе кое-что сказать. У нас почти нет денег, я не знаю цену на жилье и питание, скорей всего, денег надолго не хватит. Но я попробую как-то договориться.

Опять новости, да ведь у Хи было с собой немало золотых, да и тратили мы их очень аккуратно. Я посмотрела на него с недоумением.

– Так получилось, Лотта, – сказал Карен и почему-то посмотрел в сторону.

– Да что случилось? Ведь у тебя был совсем немалый запас, и мы не покупали почти ничего.

– Так получилось, Лотта. Были непредвиденные расходы. Поэтому теперь можем оказаться в затруднительном положении.

Навстречу нам вышла хозяйка. Молодая, симпатичная, она встретила нас с доброжелательной улыбкой и сказала:

– Я рада приветствовать Вас под нашей крышей. Вы к нам на зимовку или проездом?

Карен ловко поймал её руку и со всей галантностью, которая была ему свойственна, проговорил:

– Как зовут прекрасную хозяйку, и не будет ли прости- раться благожелательность её на наши скромные особы?

– Можете звать меня Клевенс.

– О прекрасная Клевенс, да будут долгими годы Вашей жизни, и пусть радость живет под Вашей крышей. Сложны- ми путями пришли мы в Ваш уютный приют. Нам очень нуж- но жильё, но мы находимся в некотором денежном затруд- нении, и если у Вас найдется работа для нас с братом, мы с удовольствием будем работать за жильё и простой стол для нас.

Вот так Карен. Интересно, а что он вообще может делать? Раньше не замечала за ним прикладных навыков. Судя по его рассказам, все его умения были связаны с управлением королевством, отвлечёнными знаниями о мире – географии, математике, придворном этикете и другой, не применимой в быту, ерунде. Даже охотились они с егерями и собаками, а так добыть пищу у них не очень получалось. Не чувствовали они зверье.

– Разве вы можете что-то делать? Насколько я вижу, ва- ше происхождение не предполагает склонности к столярным

или кузнечным работам, – улыбнулась Клевенс.

– Но мы можем выполнять любую тяжёлую работу.

– Например, пилить и рубить дрова? – хитро усмехнулась хозяйка.

– Всенепременнейше, я всю жизнь готовил себя к пиленые и рубке дров, это мое второе призвание.

– А первое какое?

– Пока неясно, я к нему только готовлюсь.

Удивлению моему не было предела, воспринимала-то я их как принцев и не задумывалась, что они действительно всю дорогу обеспечивали нас дровами. Мы готовили пищу на костре, и проблема с готовкой и обогревом из-за недостатка топлива никогда не возникала. Наши обязанности как-то распределились сами собой. Я охотилась и готовила, иногда мне принцы этом помогали, а костёр и ночлег был полностью на них.

– Ну что ж, помещение большое, нужно постоянно поддерживать огонь, чтобы было тепло, а Франс – это он встретил Вас у ворот – один, и ему довольно трудно справляться. С этого дня вы работаете истопниками и ещё так, на подхвате.

– Мисс, я тоже могу на что-то сгодиться, – я вышла вперед, так как не привыкла, чтобы за меня кто-то отдувался. – Я могу быть полезной как уборщица и посудомойка, а главное, думаю, смогу обеспечивать дом мясом, у меня имеются некоторые навыки охоты.

– Договорились. Будем считать, что в «Приют нужных путников» прибыли истинно нужные путники.

Её лицо отражало искреннюю доброжелательность.

– Мой дом странно называется, но ведь знаете, «как лодку назовёшь, так она и поплывёт», поэтому – как дом назовёте, так и жить в нём будете.

Мы осмотрелись, внутри помещение было большим и довольно уютным. В зале-столовой стоял большой стол и несколько маленьких. Главным же украшением был большой камин, который не только обогревал, но и очень украшал гостиную. Возле камина стояло несколько кресел, в которых можно было греться и смотреть на огонь. Очень уютно.

– Пойдемте, я покажу вам ваши комнаты.

Моя комнатка была небольшая. Основное место занимала кровать, покрытая простынями с весёленьким рисуночком, также имелся шкаф, вот только складывать мне было нечего, а жалко, после купания переодеться в чистое хотелось бы. Да и истрепалось всё уже сильно.

Стоящая рядом Клевенс, кажется, поняла проблему.

– Не переживай, раз уж ты у меня теперь работаешь, я обеспечу тебя чистым платьем и сорочкой.

Каким блаженством было смыть грязь дороги. За последние две недели из-за холода практически невозможно было нормально вымыться. В довольно большую бадью с тёплой водой я быстро нырнула с головой. Хорошо, волосы не длинные, свою рыжую шевелюру быстро отмыла. А мыло-то ка-

кое душистое. Как мало иногда человеку надо для счастья.

Комната принцев была не так далеко. Они у меня неприхотливыми стали, быстро их привычка к комфорту выветрилась. Дорога не терпит неженков.

К вечеру мы спустились в гостиную. За столом и столиками сидело шесть человек кроме нас. И все такие разные.

Принцы были сильно голодными и присели за стол, на котором стояла большая миска с пирожками, а я осталась стоять с хозяйкой и рассматривала постояльцев.

За одним столом, напротив друг друга сидели довольно молодой мужчина и девушка, но их явно ничего не связывало друг с другом, каждый был сам по себе, живя в своих мыслях, воспоминаниях. Но они чем-то неуловимо были похожи друг на друга. Иногда они перекидывались ничего не значащими словами, просто чтобы заполнить пустоту вечера и души. «Что-то с ними не так, – мелькнула у меня мысль, – потом разберусь». И взгляд скользнул дальше.

В самом конце зала совершенно отдельно сидел еще один человек, на которого вообще невозможно было смотреть спокойно. Неопределённого возраста, скорее старый, он, казалось, собрал в себя всю вселенскую тоску и боль. Неопрятный не потому, что обтрепался, а потому, что ему было все равно, как он выглядит, и что вокруг. Жизнь не представляла для него никакого интереса, да и было понятно, что в этой жизни он видел всё и всех. Такого невозможно ничем удивить, будто он познал всю скорбь и отчаянье мира. И почти

полное безразличие – умрёт он завтра или будет жить дальше.

Да. Таких людей я еще не видела.

Удивлённая, я обернулась к Клевенс и шепотом спросила:

– Кто этот странный человек, и почему он забился в самый дальний угол?

– О, это Собиратель людских грехов, он собирает их у тех, кто искренне покаялся, чтобы они могли дальше жить. Он берёт их на себя и сейчас явно взял слишком много – ни унести, ни смыть в простой реке уже не сможет. Если не удастся избавиться от чужих грехов в течение месяца – погибнет. Он не может есть, только пьёт. Душа больше не принимает ничего. Посмотри, какой он худой.

Я немного жалостливая от природы, и мне нестерпимо захотелось хотя бы просто поздороваться с ним и чем-то утешить, сказать, что всё еще может быть хорошо.

– Лотта, не прикасайся к нему, это опасно. Он как натянутые до предела меха, а они могут лопнуть, тогда нам всем достанется. Если он выпустит эти грехи в мир, многим плохо придётся, и нам в первую очередь.

– Клевенс, – еще более тихо спросила я, – если он так опасен, зачем ты его пустила?

– А что ему, помирать на морозе? Жалко ведь человека. Всякому, даже проклятому, нужен отдых. Мы так и зовем его – Собиратель.

– Странное имя.

– Здесь у всех истинные имена или соответствующие состоянию на этот момент. Я, например, знаю, что тебя зовут Ловелия – прекрасная. А мое имя Клевенс обозначает предвидение.

– Вот ведь издеваются каждый, кому ни лень, – насупилась я. – Нашли прекрасную. Просто обидно, ей богу, кому я что сделала, что обзываются.

– А это Фантом. Ты видишь его? – и она указала, на что-то прозрачное, отдаленно напоминающее фигуру мужчины, мерцающее сбоку от у Клевенс. – Он призрак. Мирный и симпатичный. Он мне очень нравится, только это секрет, – тихо прошептала она мне на ухо и засмеялась.

Да, страшненькая компания тут собралась. И я продолжала дальше рассматривать публику.

– А это Кающийся. Его душа мучается и сгорает от стыда за содеянное.

– Он сделал что-то ужасное? – тихо ахнула я. – Убил?

– Нет, что ты. Многие такое совершают, но некоторые осознают это особенно остро и, пока не ситуация не изменится, жизнь их теряет смысл. Почему богиня наказала этим жгучим страданием именно его, не знаю. Говорю тебе, многие совершают подобное.

– Клевенс, но тут же есть Собиратель грехов, почему он не поможет ему? Одним грехом больше, одним меньше, взял бы и забрал.

– Легко сказать: отдать грех кому-нибудь – сборщику гре-

хов, богине – и успокоиться. Может, он раскаялся не до конца, зацепка или осуждение в душе остались, может, есть грех, за который надо просить прощения только у того, перед кем виноват. А это потяжелее, чем покаяться перед богами или раскаяться самому.

– А что, с тем, перед кем он виноват, ему трудно встретиться и поговорить?

– Его невозможно найти в Яви. Лотта, я думаю, тебе нужно поесть, а с людьми и после ужина можешь познакомиться. Помогать начнешь с завтрашнего дня, мне трудно одной управляться. Думаю, стоит послушать вот того симпатичного мужчинку, это менестрель-сказитель. Он собирает предания и удивительные истории. Он очень много знает. Его здесь так и зовут – Сказитель. Тебе понравятся его баллады, и будут полезны его истории. Может, и Ваша история его заинтересует.

– Да нет никакой истории, Клевенс.

– Как знать, как знать, – сказала загадочно Клевенс. – У нас есть время, тебе будет интересно и полезно познакомиться с постояльцами.

Я присоединилась к ребятам, которые с удовольствием уминали невероятно вкусные пирожки. Вот только были они сладкими. Как я забыла, завтра вся шелушиться буду да с пятнами на пол лица. Та еще красавица. Но мысли текли все медленнее и ленивее. Сегодня и разговаривать ни с кем не хотелось, усталость брала свое. Хотелось есть и спать, спать и

есть, и еще лежать в теплой воде и смывать с себя усталость, пыль дороги и трудности.

Утром выпал снег. Первый снег. Как же ты бываешь прекрасна, Морана. Как будто очищаешь весь мир от грязи и греха, покрывая его своим белоснежным покрывалом. Прости меня за осуждение, ты просто иная, чем Жива, но тоже прекрасная. Искрились снежинки, прихорошились ёлки, став не такими суровыми и тёмными. На небольшом окне скакали воробьи и озабоченно щебетали. При такой красоте не хотелось думать о том, что может налететь вьюга, заметая все вокруг. В камине потрескивали дрова, а работу, на которую мы подрядились, никто не отменял.

Утром принцы пошли рубить и пилить дрова. Я выглянула во двор, и в голове мелькнула в который раз мысль – до чего красивы. Как ладно работают. Под тонкими рубашками перекатывались мышцы. Движения выверенные, точные, приятно посмотреть, как будто с топором с детства знакомы, а не в королевских палатах выросли.

Хи и Ха посмеивались и ловко складывали дрова в поленницы, а я накинула плащ, взяла силки и пошла искать хорошие места, тропки, где их поставить. По первому снегу и охотиться легче, видно, кто и где пробежал.

День прошел в заботах, да и коротким он стал, не заметила, как вечер наступил. Хотелось получше присмотреться к нашим соседям, уж очень необычными и загадочными они были.

В гостиную к вечеру опять собрались все постояльцы. Что, интересно, они вообще днём делают? Гуляют? Книжки читают?

Клевенс сидела и вышивала. И напевала интересную песню.

Пока Земля еще вертится,
Пока еще ярок свет,
Господи, дай же ты каждому
Чего у него нет.
Мудрому дай голову,
Трусливому дай коня,
Дай счастливому денег
И не забудь про меня.

Пока Земля еще вертится,
Господи, твоя власть,
Дай рвущемуся к власти
Навластвовать всласть.
Дай передышку щедрому
Хоть до исхода дня,
Каину дай раскаянье
И не забудь про меня.

Я знаю, ты все умеешь,
Я верую в мудрость твою,

Как верит солдат убитый,
Что он проживает в раю,
Как верит каждое ухо
Тихим речам твоим,
Как веруем и мы сами,
Не ведая, что творим.

Господи мой, Боже,
Зеленоглазый мой,
Пока Земля еще вертится
И это ей странно самой,
Пока ей ещё хватает
Времени и огня,
Дай же ты всем понемногу,
И не забудь про меня.
Булат Окуджава

– Что ты напеваешь, Клевенс, откуда такая красивая песня?

– Это песня другого мира, у нас тут перепутье недалеко, песни и даже люди в особую ночь залетают. Я прошу этого незнакомого мне бога не забыть про меня. А песня помогает раскрыть тайну и понять, что нужно и что ждет человека в будущем. Не для каждого человека боги дают мне откровения. Но кому они хотят его дать, приводят ко мне в приют. Я вижу это, а вышивка моя для них иногда становится ключом для дальнейшей жизни. Могу открыть секрет, у меня есть

дар «наузника», волхва, который, совершая обряд плетения или вышивания нитями, может повлиять на течение жизни человека или открыть его будущее.

– Так ты и для нас что-нибудь вышьешь?

– Обязательно.

– А себе ты тоже можешь вышить?

– Вот себе я не могу вышить ничего. Я не могу даже носить одежду, которую сшила сама, мне её надо покупать, я могу только дарить и через подарки передавать предвидение. Я только проводник знака судьбы, пророчества, ожидаемого события. Если начну вышивать себе, то нарушу это условие, и мой дар пропадет. В чем тогда моё предназначение? Но ведь и самой тоже хочется счастья, поэтому и прошу не забыть про меня. Ночами бывает так одиноко и холодно, – и она посмотрела в сторону призрака.

«Странный взгляд», – промелькнуло в голове.

– Уж он-то как может согреть? – спросила я тихо. – Он вообще разговаривать умеет?

– Умеет, но слышу его только я, и он очень-очень милый, только тело своё найти не может. Его Фантом зовут.

– А оно у него осталось?

– В том-то и вопрос, тело где-то есть, но неизвестно где, а душа в призраке. Вот он и не может найти тело – оно-то без души. Если бы оно было мертво, то душа ушла бы в Навь, и он бы долго не просуществовал, а так живёт у меня с весны. Поэтому есть надежда, что тело обнаружится.

– А как он тело-то искать будет? И почему здесь сидит? Полетал бы, поискал.

– Так просто не найдешь, оно ж бездушное, неизвестно где шатается и что делает. Скорее всего, оно в другом мире, в этом мире без души недолго живут, а в том бездушных множество, и живут они прекрасно. А он мечтает с богами пообщаться, вдруг они помогут.

– Да как он с богом собирается знакомиться? Они, я думаю, появляются, только когда сами захотят, а так – где их искать?

– Да будет скоро случай. Тут все его ждут.

И она загадочно посмотрела на меня.

Какой-то уют тайн, люди странные, судьбы странные. Непонятно, что ждут. И чего мы тут среди этих странных оказались?

Хи и Ха в это время о чем-то оживленно беседовали со Сказителем и жевали пирожки. Вот только мне сладких не надо, а то сегодня золотуха замучила.

Чтобы не соблазняться, пошла и присела за столик к молодой женщине, которую вчера заметила сидящей с мужчиной. Сейчас она сидела одна и печально смотрела в окно.

– Добрый вечер, – вежливо поздоровалась я, – можно к Вам присесть? Я недавно приехала и чувствую себе немного потерянной, ни с кем ещё не знакома. Я Лотта, но Клевенс почему-то называет меня Ловелией, а это страшно раздражает. Это просто издевательство какое-то, хотя я вижу, что

хозяйка добрая.

– Меня зовут Фрости, вроде бы это означает замороженная. Тоже довольно смешно, как и в твоём случае. Ты, конечно, хорошая, но явно не красавица.

Странные здесь иногда появляются имена. Девушка улыбнулась.

– Да, новеньким тут не просто. Здесь своеобразный приют, и почти у каждого имя соответствует его настоящей или будущей роли в жизни. Моё имя сейчас вот такое, и пока моё будущее не ясно, как и твое. У каждого свой путь, может, ты ещё будешь красивой. Сюда не попадают просто так, и сидящие тут люди не просто путники, все ждут дня, вернее, ночи...

Она остановилась.

– Может, тебе и не надо это знать, – и замолчала.

– Нет, мы с парнями не ждём ничего особенного, мы остановились просто перезимовать. Зима, а мы в пути, вот и решили где-то в тепле пересидеть морозы.

– Нет, Ловелия, сюда просто так не приходят. Путь сюда отыскать трудно, но для того, кому очень надо, он сам сюда заворачивает.

– Да ничего нам не надо особенного, честное слово. Мы вот ехали-ехали, вокруг ни одного поселения, не то что постоянного двора, я дорогу каждый день видела, просто холодно стало, вот и решили остановиться. А как решили, так к этому дому и попали.

Фрости улыбнулась краешком губ.

– Я рада, что Вы здесь. Не знаю, для чего, но ты нам нужна.

– Да что мне, принцев мало, я им тоже нужна – дорогу показывать. А вообще-то мне не жалко помочь, особенно если это так важно. Расскажи свою историю, если это, конечно, не секрет и не сильно тебя напряжет, вдруг чем помогу, хоть словом добрым.

А сама подумала – может, пойму, что я должна сделать-то, раз без предназначения сюда никто не попадает.

– Нет, не сложно и рассказать, я вот Сказителю рассказала, да и этому мужчине, с которым мы часто вместе сидим, у него немного похожая история.

Фрости, или история мучительно-поучительная

Мне тогда семнадцать лет стукнуло. Самое время влюбляться. Веселая, шептунья, певунья. Всегда лезла с головой, куда не нужно.

Встретила его – он вернулся со службы, такой красивый, сильный, таинственный, много повидавший. У нас в деревне немногие ходят на службу, деревенька-то маленькая. А тут такой парень – необыкновенный. Девчата в деревне как с ума посходили, все вокруг него выются. Ну и я за компанию, сначала из любопытства, а потом уже серьезно. Как захлестнула меня любовь, ничего в голове нет. Только он, он, он. Самый-самый, единственный, другого не может быть. Умру,

если не женится. Девчата говорили, что я хорошенькая была, да настырная. В общем, стала я с него глаз не спускать. Семья моя была не самая бедная в деревне, отец постоянный двор держал, маленький, но путники не жаловались, хоть кто у нас останавливался, не только крестьяне, что на ярмарку шли коров да коз продавать, а и публика побогаче и познатнее. Я завидной невестой по деревенским меркам была.

А он как вернулся, так погуливать стал, на девок заглядываться, да мать у него строгая больно – увидела, что сын может сильно загулять, сразу начала ему невесту присматривать. А я вся как на ладони со своей любовью. Вот мать ему и присоветовала на меня внимание обратить – мол, неплохая партия может быть. Чем не жена? Не уродка, ловкая, смышленная, не ленивая, да и приданое отец за меня неплохое дал. В общем, сосватали. Я была от счастья на седьмом небе. Вот как всё замечательно складывается. В осень и свадьбу сыграли. Он, как мы обженились, стал отцу помогать, лишние руки не помешают. Он не вредный был, не бил, не шибко ругал, если что не так. Чем не муж. Девчата завидовали: повезло тебе, Стефания, такой мужик достался. Только было возле него как-то холодно, будто смотрит он на меня, а думает о чём-то другом. Целую его, а губы холодом обдаёт, хоть и целует, не просто так к губам прислоняется. Но я, горячая да глупая, думала: если и не любит горячо, как я его, так моей любви на двоих хватит.

Зиму перезимовали. А весной его друг приехал и стал с

собой звать в городишко, что не так уж и далеко от нас был. Мол, чего в этой дыре сидеть, там и людей больше, и работа денежнее, да и жизнь веселее. Муж загорелся, видно, тяжко ему в деревне было, не того от жизни ждал. К лету решили попытать счастья в городе. С моего приданого, да и отец помог дочке единственной, на въезде в город купили землю и быстро построили небольшой трактирчик. Я уж как только не украшала его: и ставенки резные заказали, и лавки удобные, столы особенные, чтобы не как у всех. Пока строились, пошла куховарить учиться, изысканные блюда готовить, чтобы посетителей вкусеньким побаловать. Ни дня, ни ночи, цель вижу, препятствий не замечаю. К осенней ярмарке открылись, я как юла и на кухне, и в зале бегаю, всем угодить стараюсь, а самой весело – вон ведь как красиво да чисто. Да и вкусно у нас все получалось. Посетителям нравилось – и стол хороший, и постели чистые, и хозяйка приветливая. К весенней ярмарке у нас от постояльцев отбоя не было, многие просто покушать приезжали, так стряпня моя им нравилась. Уже я себе и помощницу взяла, хорошую, работающую девушку, она по залу тоже, как ветер, летала, не хмурилась. Помню, посетители говорили: «У тебя, Стеша, как в зале посидишь, да вкусенького съешь, а ты улыбнешься, так на душе, как от вина, тепло. Как тебе так удается?» Я только улыбаюсь. Чего не улыбнуться-то: и мне веселей, и людям приятно. Уже и на улице столы поставили, некуда людей сажать стало. Люди приходят, доход растет. Возле трактира немно-

го земли было – так я там свежую зелень выращивать стала.

У нас даже столичные да знатные останавливаться стали, я несколько комнаток с особым комфортом обставила. Муж выручку считает, вроде бы радоваться должен, а он это все как должное принимает.

Через время стала его подговаривать построить трактир побольше да поуютнее, да и свой дом пора бы построить, что в трактире в маленькой комнатке уютиться. Только он мне говорит: тебе надо, ты и строй. Мне и так хорошо. Ладно, не воспрещают, так и прокрутимся. Стала у селян, что сильно спешат домой, товар брать, да своего человека на рынке поставила им торговать, какая-никакая копейка пошла, дом новый заложили, придумала, какой он будет, землю под еще один трактир прикупила, потом стройку начала. Все ладится, энергия через край бьет, людям улыбаюсь, а они мне.

Мне уже за двадцать перевалило, я расцвела вся, приделалась, мужики все чаще засматриваться стали, только муж совсем мне улыбаться перестал. Ни слова доброго не скажет, ни приголубит. Только и грело, что людям труды мои небезразличны. Ничего, моей любви на двоих хватит, я сильная да ловкая, удачливая. Вот уже и в доме своем живём, и трактиров два, один для люда попроще, второй с приличными комнатами, где и дворянину остановиться не зазорно. А я все придумываю, какое бы дело еще затеять. Открыла школу кухарок, они и учатся, и мне помогают, опять же деньги, лучших учениц себе оставляю. Все в радость, только мужу

никак и ничем не угожу. Я уж и так, и эдак, и про деток стала поговаривать, ведь года-то идут. А он – как ты работать-то с дитём будешь. Подождем.

Семь лет прожили. Да и не только ради денег я занятия придумывала. Хотелось и самой почувствовать, что могу что-то сделать путёвое, чтобы людям радость и особенно муж похвалил, погордился: вот какая у меня жена хозяйственная да умелая. На все глаза закрывала – что горничных тискает, что барышням богатым странные, лукавые улыбки посылает, что выпивать стал, что до всего нашего дела ему интереса нет, скучно оно ему. Но ведь муж, да еще красивый, желанный. Только не греет он меня своей любовью. Ничего, сама его согрею, я все могу, я сильная, вон сколько всего напридумывала. Вперед, улыбнемся, песню вечером со сказителем споем, да и расшевелим любого унылого, еще и танцевать заставим. Но вот вдруг (не люблю я это слово) муж присаживается за столик и говорит так спокойно-спокойно:

– Устал я от тебя, Стеша. Другая приглянулась, уходила бы ты отсюда. Она молодая, богатая, отец ее в столице не последний человек, продам всё, уеду туда и новую жизнь начну, столичную, отдохну от этих твоих постояльцев, надоели – жрут да пьют, я возвышенного хочу, необычного. Да и в постели Кларочка уж больно мастерица, не то, что ты, дура деревенская, тонкостям искусства любви не обученная.

Как сказал он это, так сердце мое будто Моравы-смерть в полон взяла: биться бьется, а не чувствует ничего – ни горя-

чего, ни холодного, ни боли, ни радости. Только и спросила:

– А я куда же?

– А вот это меня не касается, ты ловкая, что-нибудь да придумаешь. Только имущество все мужу принадлежит. Ты тут никто, и зовут тебя никак. Мое все по закону, всё имущество за мужем записано. А ты? Вон светлый лорд на тебя глаз положил, можешь к нему в любовницы идти, только кому ты больше, чем на три раза в постели потешиться, нужна, нет в тебе женской силы, что мужиков держит. Пустая ты, а в постели, что кукла.

Это я – то кукла? Когда я от одного взгляда, от одного прикосновения его загоралась, и внутри вся таяла, только бы приголубил, в постели согрел. Я даже не заплакала, отвернулась и пошла. Три дня под лестницей в трактире для посетителей попроще, где он и не бывал уже, пролежала, будто окаменелая. Сердце вообще льдом обросло. Любила я его сильно. Не поверила сперва, что такое быть может. Что ему нужно, моей же любви на двоих хватало? Можно было, конечно, к градоначальнику пойти, может, какое имущество и оставили бы мне, да и вообще, может, бросать бы меня запретили, я этими законами не интересовалась. Мысль одна крутится – уйти, ну не из жизни, конечно, грех это, а далеко, будто и не жила здесь никогда. В деревню не возвращусь, родителей позорить, а куда?

Вышла вечером – то ли я живая, то ли призрак, шататься не шатаюсь, а улыбнуться не могу. Тут один сказитель сидел,

часто к нам захаживал. Увидел меня и говорит:

– Ты ли это, Стеша? Так все плохо?

– Может, и не я, – говорю, – кто знает.

А он посмотрел на меня, накрыл руку своей рукой и скандирует:

– Чтобы сердце разморозить – у тебя один путь. Если угодно будет богине Макоши, направит она твоего коня в место, где Велес в дикой охоте в зимнюю ночь пролетать будет. На восток надо ехать, там находится место – Перекресток, или Перехлестье миров называется, там

Я не заплачу, я буду идти,
Пусть не вижу, что впереди
Я не брошенная, не оставленная,
Я печалью не раздавленная,

Хотя сердце еще заморожено,
и судьба моя искорежена.

Ты меня променял пусть
На другую, на молодую,
На богатую, статную, знатную
И в постели очень приятную.

Я не заплачу и не завою,
Сердце уже не чувствует боли.

Всё равно душа хочет жить,
Своё прошлое изменить.

Буду опять повторять упрямо:
Голову вверх, держим спину прямо.
Я не брошенная, не оставленная,
Я печалью не раздавленная,

Поэтому не заплачу и не завою,
Не захлебнусь в отчаянии и горе,
Хоть и сердце мое заморожено,
и судьба моя искорёжена.

Завтра будет день, а потом ночь.
Перехлесть беду унесёт прочь,
А коней богов сумасшедших бег
Унесёт мороз и растопит снег.

Я не брошенная, не оставленная,
Я печалью не раздавленная

К нам подошла Клевенс.

– Извините, что вмешиваюсь в разговор, хочу ещё раз сказать, – она качнула головой и присела рядом с нами. – Фрости, прости, но думаю, у тебя была не любовь, а страсть. В истинной любви любят не только тело, но и душу. А ты душу

его тёмную не видела, просто телом симпатичным очаровалась. Себе напридумывала, сама себя уговорила и, как околдованная, вокруг него крутилась. Но все тайное когда-нибудь становится явным. Вот и у тебя прояснилось. Лучше раньше, чем позже. Одной страстью долго не проживешь, даже если она обоюдная. Фрости, хорошая ты моя, ты сильнее, чем думаешь, я чувствую, вижу это в твоём взгляде. Смотри прямо в глаза, не бойся, не опускай ресницы, кто бы ни стоял перед тобой: муж, друг, враг, зверь или даже бог. Только слабые опускают перед небом свои глаза. Дай почувствовать, понять, что в тебе есть сила и стержень, иначе тебя сломают, раздавят. А тебе, Ловелия, скажу: да, это не простой приют, сюда приходят люди, которым нужно изменить что-то или помочь кому-то, а может, просто открыть глаза на то, на что они были закрыты. Но чаще всего они приходят сюда потому, что ищут самое важное для себя – свое предназначение. Также для того, чтобы или избавиться от любви, или найти её. Иногда чтобы помочь в этом другим. И ещё дорога сюда учит, как быть сильным и чувствовать себя сильным.

Она резко повернулась и пошла в зал.

– Спасибо, Клевенс, ты необыкновенная, – почти хором сказали мы.

Я пошла обратно к принцам, сидевшим со Сказителем.

– Ты как, Лотта, – спросил Хи, – не сильно устала?

– Да нет, нормально, мне здесь нравится, хотя и странно все: люди, их ожидания. Правда, тут так много боли, она как

огромные сугробы, что вырастают, когда Морана в полной силе приходит. Но приют прячет нежные травы под этими сугробами, давая надежду и не позволяя им окончательно замерзнуть.

– Ожидания всегда странные, – вдруг сказал Сказитель, – а живые люди всегда интересны. Вернее, если они живые. А мне нравится это ожидание чуда. Но об этом завтра, а то я потеряю нить истории, которая у меня родилась, пойду додумаю. Чуть– чуть не проворонил начало новой сказки. Замечательной!

Молодые глаза лукаво посмотрели на нас.

– Хорошего отдыха, – и покинул нас.

– Ты знаешь, – опять сказал Хи, – мне здесь нравится больше, чем во дворце, все проще и в тоже время таинственнее. Очень хочется услышать завтра рассказ Сказителя. А вообще работать топором здорово, эти тебе не указы писать. Веселее и, наверное, полезнее.

И они с Ха весело засмеялись.

Что-то внутри пропело: «Молодые еще, совсем мальчишки. И к р а с и в ы е».

Утром мне снилась вьюга, заметающая все следы, несущийся куда-то по воздуху в санях закутанный в шубу человек и необыкновенный парень с развевающимися волосами. Сани облетают огромный дуб, и парень протягивает девушке руку. Она ухватилась за нее, и на этом я проснулась. Сон был невероятно яркий и реалистичный.

Вскочила, умылась и пошла проверять силки. Людей-то кормить надо. Зайцев развелось множество. В силки аж три штуки попало, неплохо. Если так будет всегда, голодными не останемся. Потом уборка, какая-то суета. Чуть-чуть помогла парням перетаскивать. В доме было тепло и уютно. Не страшно, если прилетит ледяной северный ветер – не в поле, не замёрзнем.

Хи и Ха работали справно, попилили и порубили имеющиеся стволы, потом поехали в лес за сухостоем, потом опять пилили и рубили, немного поупражнялись с мечами, а для разрядки устроили игру в снежки, снег еще лепится. Я тут вышла во двор – и меня забросали. Прямо в лоб попали. Больно. Но я тоже ловкая, отбивалась. Ко мне присоединилась Клевенс, против этих двоих недорослей одной не справиться. Как мы играли, все постояльцы смотреть выбежали, но растормошить их не удалось. Просто стояли и смотрели, не сдвинулись, руки не подняли, ну правда – замороженные. Но я попробую их растормошить, чего бездельничают, хоть и за постой заплатили.

Есения. История Предназначенной

Работа не кончается, если ее не остановить, а я уже подустала, поэтому пошла в зал поесть и отдохнуть.

Сказителя в зале ещё не было, и я обратила своё внимание и захотела познакомиться с миловидной девушкой, которая

сидела и явно скучала. Она, наверное, ненамного меня старше. Грустная тоже, как многие тут.

– Здравствуйте. Я не помешаю вашим размышлениям? – спокойно сказала я.

– Что Вы, это возможность отвлечься от моих навязчивых мыслей, я со своим нытьем всем уже надоела. А тут новые люди. Меня тут зовут Предназначенная, а раньше была просто Есения – ясная значит. Знаете, как тут с именами странно. Вас, слышала, Ловелией зовут?

– Да, здешние имена меня напрягают, а моё просто на издевательство похоже. Так и хочется Клевенс мелкую пакость за это сделать. Вообще-то я Лотта, и можно на ты. Мы путешествуем с парнями по их делам. Так уж получилось, что мы едем вместе.

– Но они же мужчины, они к тебе не пристают, хоть ты и не истинная красавица? Вы же всё время вместе. Неужели и мысли не проскочило?

«Ну, если и проскочила, – подумала я, – то, наверное, только у меня, они свой мужской опыт у Марьи Искусницы повысили и надолго, думаю, зареклись от шалостей. На подвиги их теперь явно не тянет, и не думают они об этом. А мне бы, как любой девушке, хотелось чего-то эдакого – мягкого внимания хотя бы».

– Нет, что ты, кто они и кто я? У нас просто дружеские отношения, никакой дури. Я на работе у них по найму.

– Да, у тебя всё ясно и определено, а вот я сама не знаю,

что тут делаю, может, меня с таким именем вообще в жертву кому-то принести хотят.

– Ну, не придумывай лишнего, люди здесь хотя и странные, но явно не злодеи. Расскажи, как ты сюда попала?

– Сама не понимаю, как всё произошло. Понимаешь, я обычная, про таких говорят – ни то– ни се, ни себе – ни людям. Никаких особых способностей ни к чему нет. За меня все решали родители – что надеть, что поесть, чему учиться, кукла их любимая. А я послушная, тихая, спокойная, что скажут, то и делаю. Родители любят, учат, одевают, мечтают хорошо выдать замуж. Чтобы счастливо жила – детки, муж, дом. А вот как к этому пошло, поняла – мне этого не хочется. Не хочу замуж за какого-то толстобрюха старого и облезлого. Богатых, молодых, красивых, чтобы в мою сторону засматривались, не наблюдается, да и не хочу пока ни дома своего, ни ухажеров – ни красивых, ни богатых. Когда об этом думаю, в душе пустота, в ушах звон – не твоё, подожди. Будто обещают что-то непонятное, манят неведомым. А я обычная, ничего не умею, никого не люблю, и себя в первую очередь. Наверно, не все девушки такие, наверно, некоторым приходится становиться самостоятельными. А мне зачем? Ведь, как говорит мама, всё должен обеспечить муж. Он защитит, решит проблемы, расскажет, как жить дальше, будет любить. Вот так и жить по указке, жить жизнью, которую тебе выбрали? А главное, как «Это», то есть меня такую, кто-то будет любить? Расскажи мне? Или как я такая кого-то смогу лю-

бить? Вот сижу тут и всех спрашиваю, особенно Клевенс, зачем меня сюда привело. У всех свои проблемы, и серьезные, а я не пришей кобыле хвост. Я слабая девушка – прекрасный цветок без колючек, который погибнет, если за ним не ухаживать. Ненужная и никчемная. А что ждать, кого ждать? Неясно. Принца на белом коне – так для таких, как я, принцев не напасешься.

– Ой, да придумывают разное про принцев, вот со мной двое едут, и оба на белых конях, а присмотреться, так обыкновенные парни, только красивые и поумнее многих.

– Что, правда, принцы?

– Принцев не бывает.

– Повезло тебе, Логга.

– Да в чём? Вот то, что спутники они мои – да, повезло, а то, что принцы, так в дороге что принц, что нищий одинаково мокнут и мёрзнут. Как люди они интересны, да вот, наверно, Сказитель тутошний как человек поинтересней будет. Помогаю им, хорошие парни, а дорога интереснее. Мы едем уже больше двух месяцев и за это время научились понимать друг друга с полуслова, знаем слабости и особенности каждого, умеем прощать, не обижаемся на шутки, иначе в дороге нельзя, не перебрасываем обязанности на другого, не ноём. Особенно мне нравится, что они понимают – приказывать им некому, мы на равных в пути, иначе бы рассорились. Все-таки расскажи, как ты тут оказалась, ведь сюда просто так не попадают, как говорит Клевенс.

– Ох, – вздохнула нареченная Предназначенной, – это довольно загадочная история. Мне с конца лета стали сниться сны, вернее, один сон. Будто скачу я в санях, рядом сидит кто-то страшный, лохматый, закутанный в шубу, а вокруг вьюга метёт, ночь тёмная, а конями управляет парень с развевающимися волосами. Мы несёмся не по земле, а по воздуху, навстречу вихри снежные летят, и слышится жуткий собачий лай. Странный сон, и так почти каждую ночь. Потом появилась навязчивая идея уехать из дому, узнать, где этот сон реализуется. Я отродясь далеко никуда не ездила, а тут ехать неизвестно куда. Только так меня мысли замучили, что стала говорить родителям, что хочу попутешествовать, мир посмотреть. Тут меня как подхлестнуло что-то – должна уехать, и всё. Даже настойчивость какая-то появилась. Мать рыдает: какое путешествие? Говорит, что я умом повредила, а я не отступаю. Родители, видимо, решили, что на всё воля богов, для чего-то и я пригожусь. Снарядили небольшую коляску, няньку мою ко мне приставила. Ехали месяц, измучились на постоянных дворах, я как сюда добралась, няньку домой отправила, поняла, что здесь долго ждать надобно. Вот и сижу, жду у моря погоды. Но внутри поспокойнее стало, сон этот уже не мучает, только вот скучно, да и страшновато от неизвестности.

Вижу, мается девка, как неприкаянная сидит, а чем поможешь, когда непонятно, к чему она предназначенная. А вот интересно, многие бы – и уверенные, и опытные – решились

бы всё бросить и ехать искать своё предназначение в полной неизвестности? Ещё раз посмотрела ей в глаза, а там било ключом, горело и лилось через край желание жить необычно, ярко, насыщенно.

– А что ты вообще умеешь делать и что любишь?

– Да как все – читать, писать. Вот рисовать люблю, меня даже учили малость. Однако жить без этого могу спокойно. Да и видела я, как мастера рисуют, мне до этого уровня не дойти, ради чего бумагу марать.

– Есения, вот возьми и порисуй, время быстрее пройдет и не так переживаниям предаваться будешь. Пойдем, у Клевенс бумагу да карандаш попросим. Я тебя с ребятами моими познакомлю, приходи, вместе поужинаем, поговорим, только не жалуйся, мужики этого не любят.

Взяла несколько листов бумаги и карандаш, и мы с ней направились к столику, где уже сидели принцы и Сказитель. Вскоре к нам присоединилась Клевенс, а за ней прилетел Фантом. Этот странный призрак всё время оказывался рядом с хозяйкой, как только она присаживалась вечером за столик и брала в руки вышивание. Он как телохранитель устраивался у неё за спиной, застывал и с немым обожанием, если это можно было сказать про призрака, смотрел на Клевенс. Первый раз, когда я увидела, как они кивают друг другу головами, как будто ведут беседу, я очень удивилась и, когда была потом на кухне, спросила об этом Клевенс.

– Да, так и есть, мы беседуем с Фантомом, с ним интерес-

но общаться, только наши беседы неслышны. Здесь никто, кроме меня, не может слышать его, просто моя душа нашла общий язык с его душой. Он не может произносить слова, тела-то нет, но мы слышим друг друга каким-то образом, и он очень интересный собеседник.

Сказитель о Дикой Охоте

Увидев, что за большим столом стал собираться народ, все, кроме Собирателя грехов, стали подсаживаться поближе.

Мужчины приветственно закивали головами, заулыбались, предвкушая рассказ Сказителя.

– Приятного аппетита, присоединяйтесь, – произнес Сказитель. – Ваши зайцы, Ловелия, невероятно украшают наш стол. Все очень вкусно.

Мы жевали, обменивались ничего не значащими словами и ждали рассказа Сказителя. Любопытство меня так и распирало. Таинственность происходящего в приюте бередила душу и воспаляла фантазию. Почему здесь все эти люди, и мы в том числе?

– Таинственность происходящего, – как почувствовав мое неуёмное любопытства, вдруг начал Сказитель, – объясняется тем, что всё ожидаемое тут действительно сложно и неоднозначно. По установившейся традиции где-то перед Новым годом, в который день, неведомо, над этими краями на чер-

ном скакуне проносится Велес – скотский бог – в сопровождении стаи огненных гончих. Они гонят небесных оленей. Страшен бог в своём азарте поймать добычу. Его сопровождают призрачные рыцари, умершие великие воины на таких же черных конях. Воют огненные гончие, сверкают красными глазами призраки, страх и ужас разливается вокруг этой погони. Души умерших несутся вместе с ним в Навь. Ничто не может остановить Охоту, никто не должен появляться у них на пути, иначе смерть. Поняв, что Охота приближается, смертные должны закрыть глаза, чтобы они не остекленели от ужаса, и пасть на землю. Не все переживают, встретив охотников на своем пути. Но многое дается в минуты, когда Велес проносится над путником.

– Неужели люди рискуют искать возможность пересечься с такой Охотой? Это же невероятно опасно, как Вы сказали. А можно как-то уменьшить риск?

– Рискуют, Ловелия, рискуют, так как у каждого своего обстоятельства. Иногда их изменения настолько важны, что люди идут на любой риск, чтобы уйти от прошлого и поймать хоть тень надежды на будущее. Или у них просто нет выбора, и продолжать жизнь такой уже не имеет смысла. Вот, например, наш Собиратель грехов, если он не сможет в течение ближайшего времени смыть накопленные чужие грехи, он умрет. Стоит рисковать ему или нет? Думаю, стоит, и он будет это делать. Или Фрости. Как ей жить с замороженным сердцем? Она будет рисковать, за этим и приехала. Или

Кающийся, что проделал долгий путь ради того, чтобы очистить боль сердца? Или Бездушный, Борислав – как он будет жить без души?

– А я, – спросила Предназначенная, – я сама добровольно пойду на эту страшную Охоту, буду рисковать непонятно ради чего?

– Ты уже приехала сюда, значит, шаг навстречу судьбе сделан, трудно остановиться на переправе, может снести.

Я моргала глазами: мы что, все здесь потенциальные жертвы дикой охоты? А я и принцы для чего?

– Не удивляйся, Ловелия, твое присутствие необходимо. Я догадываюсь, что без твоей помощи не обойтись. Так же как нет пути назад у принцев. Вас привело сюда, и остался путь только вперед. Роль принцев еще определяется в руках Макоши, она сучит нить их судьбы, и там видно будет, что она соткет. Видишь ли, существует шанс – возможность выжить в это время. Для того чтобы выдержать и не пропасть в вихре Дикой Охоты, надо находиться возле великого Дерева Мироздания. Только держась за него, за его ствол, можно пережить неистовство Охоты. Сказывают, что если в такую ночь смертные стоят возле Дерева Мироздания, то в момент, когда пролетает бог со своей свитой и собаками, открывается на небе Перекресток миров; боги Прави снисходят к смельчакам и страждущим, и многие чудеса могут произойти с ними. И Леля, Лада и Сива своей всеобъемлющей силой любви касаются храбрецов, изменяя их судьбы. Много удивитель-

ного происходит в эту ночь. Мне лично ничего не надо изменять в своей жизни, но я Сказитель, и без событий моя жизнь не имеет смысла.

Потом он продолжил.

– Святое Дерево Мироздания имеет вид могучего дуба, что корнями уходит в Навь, ствол и ветви его в Яви качаются, а макушка упирается в Правь. Но не просто найти Дерево Мироздания. Оно становится видимым только в ночь охоты, а в обычные дни путь к нему закрыт семью печатями, покрыт завесой невидимости. До этой ночи искать его бесполезно. Но и в эту ночь только сама богиня Макошь, или видящая пути, может проводить к нему. Судя по тому, что рассказали про ваши путешествия принцы, ты, скорее всего, призванная стать видящей пути, Ловелия. Это удивительный дар, редко кому даётся, я таких ещё не встречал. Но так ли это или нет, будет известно только в ночь Дикой Охоты. Так что от тебя многое зависит.

Я вздохнула. Без меня меня женили. Ведь не собиралась я ни на какую охоту, хотя интересно посмотреть на этот летящий ужас, да и людей, что тут томятся в ожидании чуда, жалко. Только страшно очень.

– А скоро Охота эта произойдет?

– Этого никто не знает, сначала будет предзнаменование. Что это или кто это – никто не знает, но сказывают, когда придёт, не ошибётесь, узнаете, не перепутаете.

Принцы, которые сидели до этого молча и, накупившись,

слушали историю, переглянулись, и Хи сказал:

– Мы проделали большой путь вместе и не бросим Лотту одну в этом ужасе, если она решится идти. В ответе мы за неё. Значит, пойдём с ней. Это не обсуждается.

– Да погодите, спасибо за поддержку, но идти пока некуда. Чего забегать вперед, ничего же ещё не ясно.

И все, перебивая друг друга, начали обсуждать услышанное. Особенно переживала Предназначенная. Она считала себя обычной девушкой, не способной ни на какие подвиги, но я видела, как в глубине глаз ее загорается желание участвовать в этом странном и опасном мероприятии. «А она молодец – пронеслось в голове – не впадает в панику и явно способна к неожиданным поступкам».

– Ловелия, все, кто прибыл сюда, уже вступили в игру с судьбой. Её нельзя остановить. Пути назад для них уже нет. Если начавший путь сейчас отступится, разуверится, предаст свою мечту, его ждет горькое разочарование. Богиня Макошь отвернет свой лик. И тогда возьмёт в свои руки его судьбу Недоля, будет управлять жизнью старуха Лихо Одноглазое, доведя его до того, что душа отправится в Навь, а оплакивать его могилу будут Карна с Жалею.

Вечером долго вспоминала и раздумывала над рассказом Сказителя. Как всё сложно, опасно, неоднозначно. Смогу ли помочь, не погибнем ли все? Правильно ли это? Что я должна сделать?

Вопросы, вопросы, вопросы. Кто бы помог в них разо-

браться? Боги не стремятся вмешиваться в мою жизнь, но, может, это и к лучшему – их забота может дорого стоить. Ещё пришла мысль: если все идем, то надо познакомиться и с другими постояльцами.

Утром, убирая тарелки, я как бы невзначай пригласила сопровождать меня в лес парня, которого Клевенс назвала Кающимся.

– Ты не сможешь мне сегодня помочь в лесу? А то надо поставить побольше силков, да кабаны что-то совсем близко к дому подходить стали, страшновато.

Хотя я, конечно, врала. Уж чего-чего, а леса я не боялась. Лес мне дом родной. Я его отцом своим считала.

Парень с легкостью согласился, ему интересно. Чем в доме кукситься, прогуляемся. Разговор, конечно, зашел об ожидаемой Дикой Охоте. Как он представляет событие, и что ему поможет.

– Меня тут Ловелией зовут, а так я Лотта, ты знаешь.

– А меня мать Чеславом нарекла, вот такой и получился, а здесь меня Кающимся обзывают. Если бы это так было, то боги давно бы меня простили, а так, видимо, не то что-то.

– Мы зашли далеко в лес, дорога не близкая, время есть. Расскажешь, как ты здесь оказался, если тебе не слишком тяжело об этом думать?

– Да рассказать-то можно, только ты после этого на меня и смотреть не захочешь, не то, что в лес ходить. Плохой я человек.

– Да мало ли у кого какие грехи, я не сужу, не дело это – человеку человека судить.

Он явно собирался с мыслями.

– Не знаю, с чего начать.

Я промолчала.

История Кающегося

Всё началось, когда мать померла. Сижу, плачу крокодиловыми слезами. Она хорошая была, мудрая, заботливая. Всё для меня и сестры старалась. На похороны, как водится, Карна с Жалею залетели. Только Карна посмотрела на меня и сказала:

– Не вижу в сердце твоём, Чеслав, должной грусти и печали по матери. Одна корысть заполнила разум твой, и ею только и жил, себя помыслами тщеславными тешил и тешишь сейчас. Забудешь об этом отныне, и поселится в сердце твоём ныне жестоковыйном скорбь по матери, и судить себя будешь судом не человеческим, а таким, как я тебе пошлю, в Нави возвращённом. Будешь отныне каяться до тех пор, пока не простит тебя матушка, а как уж ты это сделаешь, не моя печаль.

И всё, начался с того дня для меня самосуд такой, о котором и не думал, что бывает. По дому иду – её вижу, слова её слышу и ответы свои мерзкие. Обиды, что ей причинял день за днем, в памяти всплывают. Как посмеивался, как ми-

мо печалей ее проходил и не замечал, а только отмахивался да серчал, что жить замечаниями мешает. Грубил, чтобы не задевала совесть словами своими да взглядами печальными. Хотя она и сказывала, что и она все время сама вспоминала свою мать и постоянно просила у нее прощения, что не почитала её так, как она заслуживала. Но это её кара была.

Так вот, после этого по улице иду – кажется, каждый человек видит во мне всю мерзость, мною совершённую. Что, когда болела матушка, не помог, когда о сестре просила, не сделал, как сердце её на части рвал делами своими. Умом понимаю, что и другие не лучше меня частенько были, да только то умом, а то сердцем в надрыв. Уже и старухам на нашей улице помогать стал, они благодарят да время от времени обязательно скажут:

– Если бы так матери своей помогал, как чужим людям, жива бы была по сей день, да радовалась, на тебя глядячи.

От этих слов мне невмоготу вскоре стало в доме жить, всё бросил и стал искать знания, как в Навь попасть, с матушкой свидеться да броситься ей в ноги, прощение вымолить. Не жизнь мне на земле стала, а мука.

Дела оставил, пошел в путь, да кого ни спрашиваю куда идти, никто не знает. Останавливаюсь на постоялом дворе и каждый раз слышу – ты только что разминулся со сказителем, он тут неделю гостил, говорил, что знает, куда идти, чтобы прощение получить. К богам обращаюсь во всех храмах, свечи ставлю да пожертвования делаю, а ответа нет.

Понял, что не принимает мои жертвы Карна. Не очистил еще сердце свое. Скитаюсь по путям, от голода не погибаю, а жар скорби внутри не остывает.

Руки у меня мастеровые, в какое село и поселок ни прихожу, на кусок хлеба себе на обед и дальнейшую дорогу заработаю. Вот так два года бродил. По мере сил помогал, кому помощь нужна была, да каждый день жизни вспоминал и калялся. Месяц назад встретил-таки человека, что присоветовал идти на восток и поведал, что во время Дикой Охоты открывается Перекрёсток миров, Явь с Навьим мостом радужным соединяются. Если у кого душа очистилась, тот сможет по Радуге на тот берег реки Смородины перебежать, с умершими повидаться, тайные знания получить, а кто тяжелый от грехов, падает и тонет в реке, из неё и праведному-то не выплыть. Да мне уже все равно. Утону так утону, только с таким судом в сердце жить больше не могу. А получится увидеть матушку, брошусь в ноги, может, простит меня и почувствует, что я стараюсь измениться. Может, делаю не всё и не так, как Карна хочет, но стал я понемногу чувствовать боль человеческую, скребу каждый день сердце, чтобы от корысти избавиться, хочется верить, что получается понемногу. Вот так-то, Логга, не противно тебе рядом с человеком идти, которого богиня печали судом скорби за грехи наградила?

– Да кто я такая, Чеслав, чтобы судить. Ты и так наказан. Давай надеяться, что получится тебе с матерью встретиться. Нам бы еще до этого Дерева Мироздания как-то добраться.

И я стала смотреть по сторонам, желая развеять тяжесть впечатления от рассказанного. Вот действительно – один украл, обманул ребенка, а еще пуще – убил, и совестью не мучается, а другой? Как, интересно, боги тяжесть греха определяют? Кому больше дано, с того сильнее и спрашивают?

История Бездушного, что звался Бориславом

Домой добрались довольно быстро, все-таки вдвоем как-то веселей, хотя и рассказ не очень весёлый слушала.

После обеда я решила познакомиться поближе с мужчиной, который души лишился. Станный он был, хотя кто тут не странный. Если Фрости с замороженным сердцем просто себя не чувствовала – ни боли, ни радости, как будто жизнь мимо неё проходит, то Борислав (борющийся за славу) смотрел на жизнь как человек, не отличающий добро от зла. Умом понимал, что хорошо, что плохо, а в действительности бездушным был, не проглядывало в нем ни сочувствия другим, ни сопереживания, ни сопричастности к тому, что тут происходит, ни к тем, что тут жили. Вспомнился разговор с Микулишной, она как-то говорила: если человек теряет свою душу, он становится либо безразличным ко всему, пустым изнутри, либо в нем поселяется зло. Такой человек хочет жить дальше, но вот как идти к заветной цели – ему совершенно всё равно, хоть по головам, хоть через трупы. Мне

стало немного не по себе от этой мысли. Если все остальные обитатели приюта явно были безвредными или такими, как Собиратель грехов – не подходи, и всё будет хорошо, то этот мог быть опасным.

Но раз уж начала, и раз мы все тут в одной лодке, всё-таки продолжила его расспрашивать:

– Борислав, а ты не расскажешь, как произошло, что ты лишился души? Или тебе тяжело об этом рассказывать?

– Да нет, не тяжело, все одно эти события как будто и не со мной происходили. Ощущаю, как будто я это в книжке прочитал. Я родился в столице, в довольно обеспеченной дворянской семье. Всё для меня – няньки, мамки, вкусности, одежда хорошая. Любили меня и брата родители. Стукнуло мне восемнадцать лет, стал я серьёзно на девушек заглядываться. Одни меньше нравились, другие больше, но и та не такая, и эта не такая. Пока не появились в городе купец с дочерью молодой, дивной красавицей. Стан тонкий, брови дугой, волосы волной, а когда идет – просто царица. Многие к ней свататься хотели. Только отец сказал – молода ещё, да и неволить я её не буду, отдам за того, кто ей люб будет. Тут во мне страсть и разгорелась. Приворожила она меня. Под её домом пропадать начал, лишь бы в окне мельком увидеть. Если выезжала куда, хвостом за ней. Когда отец праздника устраивал, от неё не отходил. Только холодна моя красавица была, и на слова красивые, на подарки богатые не только от меня, но и от других, внимания не обращала. Как-то

набрался я храбрости и спрашиваю: «Берислава (значит избранная славой), что мне сделать, чтобы глянула на меня ласково, чтобы люб я тебе стал?» А она и говорит: «Ты парень молодой, жизни не видавший, в роскоши рос, слаб ты духом и телом, а мне немощные не нужны. Соверши ради меня подвиг. Тогда и поговорим». На следующий день я записался в полк, что отправлялся на границу с кочевниками. Два года служил, сил набрался, опыта, не одно сраженье прошёл, много в военном деле преуспел, талант у меня оказался – чувствовал замыслы врага, да и сила во мне молодая заиграла. Награды от государя получил за храбрость. Вернулся домой и, как был с мечом да в шеломе, к Бериславе бросился. Встретила она меня, пошли мы с ней по саду прогуливаться. Я стал подвигами своими хвастать – сколько врагов положил, и как меч у меня в руке играет, показывать. Слушала она меня, слушала, да и говорит: «Красиво рассказываешь. Но не люблю я тебя, герой». «А что же мне ещё сделать, чтобы полюбила ты меня, краса ненаглядная?» «Вот вижу – храбрый ты, сильный, а вот на что мы жить будем? Не хочу, чтобы мы за чужой счет жили. Заработай, тогда и подумаю». Сказала, я и послушался, мне к трудностям не привыкать. Все деньги, что во время службы заработал, вложил в товары, корабль снарядил и отправился торговать в дальние края. Плавал два года, все дела мои успешно складывались, чувствовал, что сам Велес мне помогает, мудрости даёт. Велес, сказывают, учил людей: если невозможно сделать сразу,

то не теряй надежды, добивайся своей цели упорно, настойчиво, шаг за шагом. Я так и делал. Ветер Удачи мне паруса надувал. Вернулся в город с товарами заморскими, подарками богатыми – и опять к Бериславе. Сам в кафтане золотом шитом, сапоги с носами загнутыми, ароматами восточными благоухаю. Ей подарки богатые дарю и говорю: «Краса моя ненаглядная, богат я и опыта странствий набрался. Нравятся ли тебе мои подарки, и согласна ли ты за меня замуж выйти?» А она взглянула свысока на товары дорогие и говорит: «Спасибо за подарки. Хороши подарки, глаз радуют. Вот только не люблю я тебя, богач». Помню, кровь мне в голову ударила, хотел всё бросить и уехать, куда глаза глядят и больше её не вспоминать, так нет, дух нечистый в плечо толкает. Что ты за мужик, что своего не добьешься? Собрал все силы, чтобы спокойным быть, и говорю: «Что же тебе, красавица, теперь надобно?» «Хочу, чтобы ты во дворец вхож был, и я там со своей красотой при короле была. Пойди на службу и добейся положения при дворе. Тогда и поговорим». Это для меня не таким уж и сложным заданием было. Я во время войны отличился. Сейчас богатство мое чуть ли самое большое в столице, а я молодой, умный. Чем не придворный? Стал я на этом поприще себе карьеру делать. Быстро в гору пошел. Через год меня на совет приглашать стали, дальше больше. Берислава со мной во дворец появляется как невеста. На балах красуется, улыбается, только чувствую – не люблю ей. Так, выгодный жених, да хорош, но не более. Ещё время

проскакало, все думал – добьюсь любви своей ненаглядной, да как-то выпил на приёме лишнего и опять её спрашиваю: «Вижу, красавица, что все ещё не люб я тебе, как хотелось бы. Пойдешь ли замуж за первого советника короля?» «Пойду, – отвечает, – только вот душу хочу твою получить в придачу». Я возьми и ляпни: «Моя душа давно тебе принадлежит, так что бери – не жалко». Только протянула она руку, а душа моя, как птичка маленькая, выпорхнула из груди, клюнула её в нос и улетела. И тут вся «любовь» прошла, как и не было. Бездушные ведь не могут любить. Внутри поселилась пронизывающая пустота, пожирающая сознание, как чёрная дыра поглощает звезды. Посмотрел я на Бериславу. Дура капризная, красавица холодная да жадная. За что её любить? Говорю: «Уходи от меня на все четыре стороны, не нужна ты мне больше, и никто не нужен». И пошёл домой. На всё смотрю – мир серый, небо серое, люди серые, жизнь серая, всё без радости. Пришел домой, а там брат сидит. Увидел меня, испугался и спрашивает: «Борислав, что случилось?» Я и рассказал. Испугался он ещё сильнее. «Ты знаешь, что в нашем мире человек без души может не более двух месяцев прожить, а потом... потом умирает. Завтра уезжаем». «Куда?», – спрашиваю. А самому всё безразлично. «На восток, искать место, близкое к Перехлестью миров. Ну и рассказал всю историю, что вам Сказитель вчера поведал. Брат у меня мудрый человек, любит он меня и всегда говорил, что не ту девушку я люблю. Собрались и поехали. За месяц добра-

лись. Вот привёз меня сюда. Так что, если не верну душу, так и домой уже не вернусь. Да и зачем жизнь бездушному?

Сказать, что меня впечатляла его история – ничего не сказать. Человек может умереть. И ради чего тщеславие, страсть его и её? Теперь, если не удастся добраться до Перекрестка и получить искомое, уже два человека, что тут живут, погибнут. Жалко обоих – и Борислава, и Собирателя грехов. Только если Собиратель грехов много чужих проблем на себя взял, то Борислав просто заигрался в свои и чужие игры. Примет ли их Перекресток? Дойду ли я до него или все-таки кто-то более опытный дорогу укажет? Сложно ведь ответственность за чужие жизни брать. Кто я? Девчонка без роду, без племени, молодая и неопытная. За что на меня падает такая ответственность?

Встреча с Ветром

Мы уже больше недели провели в приюте. Работа по дому ладилась. Наш приют еще не занесло глубокими снегами, и принцы с большим усердием заготавливали дрова, становясь, как они шутили, день от то дня все здоровее. Я занималась охотой, немного уборкой и так, по мелочам. Уже обзнакомилась со всеми постояльцами и нормально, в меру их особенностей, общалась со всеми, только к Собирателю грехов как-то боялась подойти, да он как бы и не жаждал общения, всё также обреченно сидел в своем углу и пил. Мы с

Клевенс потихоньку приобщали всех к работе. Фрости стала появляться на кухне, и когда она первый раз напекла всем блинов, радости нашей не было предела. Пусть сердце её не растаяло, но себе и нам душу этими блинами она согрела. Бездушный оказался совсем даже не ленивым, как мне показалась раньше, даже помогал принцам то с рубкой дров, то с поездкой в лес. А у парня, что каяться приехал, оказалась склонность к охоте, он помогал мне с охотой и часто ходил со мной в лес, говорил, что я чем-то напоминаю ему сестрёнку, которую он тоже обидел. Особенно радовала Предназначенная. Она рисовала. Рисовала нас, когда мы работаем, едим, просто сидим вечером. Рисовала коней и птиц, и они у неё выходили просто замечательно. А как она пела! Ни один вечер не проходил, чтобы мы не пели. У Сказителя была бандура, и он пел какие-то грустные баллады, где девушки, не дождавшись любимого, бросались с обрыва в море-океан и гибли в пучинах вод или ещё что-нибудь слезоточивое. Умная Клевенс старалась разрядить обстановку и всё время напевала что-то весёлое и жизнеутверждающее, а мы подпевали и рады были отвлечься от гнетущего ожидания.

Этот вечер начинался как обычно. Дневные работы закончились, и мы, уже притершиеся друг к другу, собирались предаться еде и разговорам. Как открывались ворота, мы не слышали. Он просто распахнул дверь в столовую и, казалось, влетел. Быстрый, гибкий, с развевающимися черными волосами, он появился не только неожиданно, но и как бы ниот-

куда. Занавески на окнах запрыгали, и огонь в камине запылал сильнее.

– Наконец-то я тебя нашёл, – сказал еще у порога незнакомец и направился прямо ко мне. – Я ищу тебя давно, Ловелия, ты мне предназначена судьбой.

– Что, прямо-таки я, Вы не ошиблись? – не растерявшись, довольно насмешливо сказала я.

Как ни странно, мои слова заставили его задуматься.

– Думаю, что да, просто пророчество никак не совершится, и я не могу встретить свою нареченную, единственную.

Тут такие миролюбивые принцы вскочили со своих мест и загородили меня собой.

– Молодой человек, Ваши заверения, конечно, очень интересны, но эта девушка путешествует с нами и ни о каких пророчествах на свой счет слыхом ни слыхивала, мы в некотором роде за неё в ответе, да и кто Вы такой?

– Я Ветер, Ветер Удачи, внук Стрибога. Нас у дедушки семьдесят семь внуков, семьдесят семь ветров. Мне Велес, а он удачу посылает, сказал, что жена у меня будет ..., – и замаялся. – Сейчас секрет тебе открыть не могу, пока одно пророчество в твоей жизни не свершилось. Думаю, что это ты, Ловелия.

– Вообще-то я Лотта, и принцы правы, я не собираюсь становиться пока ничьей нареченной, да и Вас я знать не знаю. Хоть Вы и симпатичный, и необычный. Присаживайтесь к столу.

Тут я оглянулась и посмотрела на совершенно растерянную, застывшую столбом Клевенс. Я её в таком состоянии ещё не видела. Толкнула её в бок.

– Клевенс, ты что?

Она как-то странно посмотрела и робко проговорила:

– Прости нас, дорогой гость, не признали сразу, присаживайся. Счастье-то какое, что к нам залетел, значит, не оставляют нас боги, и будет нам удача, и радость в нашем доме теперь поселится.

– Да, я такой, я долгожданный, все просят, чтобы прилетел, а вот девушка, которая мне нравится, в мою сторону и не смотрит.

Я и вправду отвернулась и в окно посмотрела – ну наглый ведь какой.

Ветер шагнул к столу и уселся на свободный стул, при этом не отрываясь смотрел на меня, явно игнорируя окружающих.

– Ловелия, я и не ожидал, что ты такая красивая. Я таких красивых девушек, облетая всю землю, не встречал. Ты дивно хороша.

А у меня при упоминании о моей божественной красоте во рту становилось горько, вся желчью исходить начинала. Я что, в большое зеркало, оно в гостиной, не смотрюсь, не вижу, на кого похожа. Не могу, что ли, сравнивать себя, например, с девушками, которые сидят за столом, с той же Клевенс или Предназначенной. Она хоть и не писаная красавица, но

личико ровное, ручки маленькие, губки пухлые, в общем, симпатичная. Да и Фрости, если бы не состояние ее отгороженности, так вообще почти красавица. А Клевенс – черты лица правильные, глаза умные, немного насмешливые, что придаёт её лицу неуловимое очарование. А я какая? Может, у них, у этих нелюдей, с чувством прекрасного что-то происходит – чем страшнее, тем милее? Вот и Русалочка, и Мавка, да и Баба Яга тоже меня красавицей называли. Точно, у них не всё в порядке с чувством прекрасного.

– А какие у тебя глаза, – опять продолжил этот маньяк. – Я не могу от них оторваться. Посмотри на меня ласково, Ловелия.

Я просто пришла в ярость от его слов.

– Слушайте, Ветер, как Вас там по имени, не надо меня дразнить и ведите себя за столом прилично. Тут кроме меня ещё несколько человек сидит, нечего только к себе внимание привлекать.

Я только что ногой не топнула.

– Ведите себя прилично, а то я буду вынуждена покинуть гостиную и уйти к себе. А мне бы хотелось нормально поужинать.

Постояльцы с нескрываемым удовольствием наблюдали за нашей беседой. Сказитель только в усы усмехался.

– Твое слово закон для меня, – наконец произнес Ветер. – Я посижу, разреши только любоваться тобой.

– Вот любоваться мной не надо, а если просто посидите и

поужинаете с нами – никто, думаю, возражать не станет.

– С удовольствием. А что на ужин, я так давно не ел человеческой еды?

– У нас тушенина, пирог с ягодами и травяной чай. Если хотите, Клевенс нальёт Вам вина. Вы пьете?

– Да, я всё попробую, говорю же, что не пробовал человеческой еды уже очень давно.

– А чем же, извините, Вы питаетесь?

– О, когда я прилетаю, люди очень радуются, и их радость, если она от чистого сердца, наполняет меня до краев. А ещё я очень давно мечтаю почувствовать и попробовать эмоцию любви, на меня направленную, чтобы меня любили, за меня радовались, меня ждали, а не удачу, что я пригоняю. Только вот не везёт.

– А что же, Вас никто так и не любит?

– А кому такой ветреный мужчина понравится? – и он опять лукаво улыбнулся.

Хотя, что греха таить, он был очень красивым и необыкновенным, только вот ещё очень наглым. А может, он не привык с людьми общаться – уже начала оправдывать я его. И была готова его простить, если не будет мне так явственно знаки внимания оказывать непонятно зачем. Не всегда ведь к Вам под крышу Ветер Удачи прилетает.

– И как же Ветру Удачи может не везти в любви?

– Да запросто. Это ведь я другим удачу пригоняю, а себе ничего не остается, – и он как-то так искренне усмехнулся,

что я поняла, что он говорит правду.

Вообще-то он даже очень симпатичный. Но я тут же себе запретила кого-то жалеть, не то это чувство, на котором отношения строятся. Думаю, его и за другое уважать можно.

Клевенс принесла чистую тарелку, а я решила поухаживать за так называемым моим ухажером – налила немного вина и положила жаркого.

– О как вкусно, божественно. Жаль, что я раньше не нашел тебя, Ловелия.

– Зовите меня Лотта, – немного кокетливо сказала я и даже сама смутилась – откуда у меня такой игривый тон появился, ни с кем ведь не кокетничала никогда, но ведь никто за мной и не ухаживал, и комплименты не говорил.

– А Вы разве меня искали?

– Да, искал, и давно. Лотта, когда ты повзрослела, то стала, видимо, жить в недоступном для меня месте, где я не мог почувствовать тебя, увидеть. А вот тут, рядом с Перехлестьем, вдруг понял – ты здесь. И вот я тут, а ты на меня сердисься. Мне грустно от этого.

Вот право-дело маленький ребенок, а на вид довольно взрослый парень, хотя и явно немного хулиганистый. Ну, может и не хулиганистый, но игривый. Он начинал мне нравиться.

– Ветер Ветрович, – вдруг вступил в разговор Сказитель, – не поведаете ли нам, что там в мире делается? Мы тут сидим, разговоры между собой разговариваем, а что за пределами

приюта делается, не ведаем – только и слышим, как птицы щебечут.

– В мире всегда что-нибудь происходит. Влюбляются, женятся, детей рожают, умирают, жизни радуются, из-за разных ситуаций печалются, сказки рассказывают, песни поют, слезами умываются, ненавидят, завидуют, гордятся, заботятся о других, помогают друг другу – много и хорошего, и плохого происходит. Что вас интересует? Вот Стратим птица летела, великую бурю на море подняла, в одном месте вода от берега отошла и чудесные сады морского царя обнажила, я вот кораллов насобирал, бусы сделал. Это тебе, Ловелия. Можно их тебе подарить? – он тряхнул как-то неопределённо рукой и откуда-то в ней появилось намисто коралловое.

Я так растерялась, мне парни никогда подарков не дарили, да еще таких красивых. Красные кораллы, нитки в три ряда, как огоньки светились в его руке. От такой красоты отказать у меня не было сил, тем более он сам ее сделал, не купил.

– Если это меня к чему-нибудь обяжет, то не возьму, – а сама от намиста глаз не могла отвести.

Ветер держал намисто в руках и говорил:

– Я очень расстроюсь, если ты даже такую малость, как намисто, не возьмешь, ведь ты достойна ходить в жемчугах и есть из золотой посуды, а я тебе самодельное намисто дарю. Но я исправлюсь. Чего пожелаешь?

– Если будете так говорить, то и намисто не возьму.

Он всё понял и моментально оказался сзади за моим стулом.

– Позволь надеть его, – и низко наклонился к моей шее.

Я вся залилась краской. От Ветра удивительно хорошо пахло хвоей, пылью экзотических незнакомых мне трав, ещё массой странных запахов, таинственных и манящих. Щеки покраснели ещё сильнее, когда бусы коснулись шеи и опустились ниже.

– Тебе очень идет, – очень серьезно сказал Ветер. – Хочешь, я подарю тебе весь мир? Впрочем, подарю – это красивые слова, ты просто увидишь весь мир. Мы можем летать над ним, и ты увидишь невиданные тобой края.

– Спасибо, мне и здесь хорошо, – буркнула я, а самой так захотелось увидеть, что же там за пределами уже пройденного нами с принцами пути.

Русалочка говорила, что мир огромный и очень разный, в нём много чудес, а мы с принцами ехали почти два месяца, но вокруг были поля, перелески, леса, реки, болотца, много всего интересного, но ни морей, ни океанов, ни птицы Стратим не видывала, а хотелось. Мне всегда хотелось увидеть мир, за тем и в это путешествие отправилась. Знал Ветер Ветрович, чем меня соблазнять. Бусы бусами, а мир с его чудесами для меня многократно интереснее всех украшений вместе взятых. Я опустила голову, боясь, что в моих глазах горит желание убежать с ним сейчас же, лишь бы лететь, лишь бы видеть новое, чувствовать ветер в своих воло-

сах. Даже сама себя испугалась, такой жар внутри полыхал. Поэтому тихо сказала, не поднимая глаз от тарелки:

– Благодарствую, но с малознакомыми людьми или не людьми в путешествия не отправляюсь.

И тут же поймала себя мысли: «А с принцами ты, Лотта, как поехала, они же тебе даже не сказали вначале, кто они, а ты не побоялась и отправилась?» Чувствовала ведь, что не обидят, да и в Ветре опасность не чувствовалась, только больно он напористый был и слова такие странные говорил – не привыкла я, чтобы со мной заигрывали.

– А разве я не представился? Поверь, у меня самая лучшая репутация среди ветров. Подумай, ещё время есть.

– Ветрович, – опять вступил разговор Сказитель, – мы, вернее многие тут, ждут Велеса. Вам не известно, когда Дикая Охота будет пролетать над нашими местами?

Все остальные сидели тихие, как мыши.

– О, вы тут такие храбрые и отчаянные, не боитесь окаменеть от ужаса? Даже мне не по себе бывает, когда они проносятся мимо.

– У нас нет другого выхода, Ветер, – тихо сказала Фрости. – У каждого своя проблема. За других не отвечаю, но я буду рисковать – так жить больше не могу, буду искать выход. Мне назад пути нет.

– Да и мне, – сказал Борислав, – без души просто не могу.

Остальные согласно закивали.

– Думаю, времени немного, но мы успеем вернуться, ещё должен появиться предвестник, тогда точно будет известно.

Он засмеялся, и смех его был такой веселый, не обидный.

– Хорошо, я пригоню вам удачу и помогу, чем могу, только заступитесь за меня перед Ловелией. Я так устал гонять по миру один, может, хоть ненадолго кто-нибудь будет рядом со мной. Я её ни за что не обижу, ты меня знаешь, Клевенс.

– Да, Ветер Ветрович, знаю я тебя, хороший ты парень, только больно легкомысленный. Вдруг заморозишь её или наоборот – перегреется она в жарких странах, она ведь совсем юная девушка, а ты парень у нас больно быстрый.

Ветер засмеялся.

– Да я её пуще цветочка аленького беречь буду. Соглашайся, Лотта. Не обижу, но ты увидишь невиданное.

– Ты еще нас не спросил, – вдруг выступил Хи. – Она с нами приехала, и мы в ответе за нее. Чего это она с посторонними парнями по миру шастать будет?

– А вы ей кто – братья, сватья, женихи? – тоже стал в позу Ветер – Вы невест себе ищите, а она вам только как помощница нужна. Не как на любимую девушку вы на неё смотрите, я – то вижу. Может, она со мной счастье найдет, почему вы только о себе думаете? Сказал ведь – не обижу, а слово моё верное, неизменное. Соглашайся, Лотта. Я завтра утром прилечу за тобой. Сейчас полечу, пригоню удачу одним путникам, иначе они погибнут, замёрзнут в пути. А как солнце встанет, прилечу за тобой. У тебя на размышления вся ночь.

И растаял так же быстро, как и появился. В гостиной стояла невероятная тишина. Только запах трав и тайны остался. Приходить в себя от произошедшего публика начала только минут через пять.

– Лотта, мы, конечно, не можем тебе приказывать, ты сама себе хозяйка, но я бы не советовал такой молодой девушке вступать в эту авантюру и отправляться неизвестно куда с совершенно неизвестным мужчиной, – как-то очень сердито и царственно произнес Хи.

– И он очень ветреный, я ему не доверяю, – добавил Ха.

Вот себе они, значит, доверяют, и с ними путешествовать – это не авантюра, а с Ветром, значит, авантюра. И мне, как любой девушке, в противовес запрету сразу захотелось сделать обратное. Вот поеду, и всё. Но я посмотрела на остальных и вдруг услышала голос, который никто не слышал уже много дней. Это из своего угла говорил Собиратель грехов.

– Лотта, я десять лет странствую по свету, и много раз Ветер удачи спасал меня от беды. Поверь, он не обидит, он самый добрый из Ветровичей, да и подумай, каково тебе потом будет понимать, что упустила шанс увидеть свет. Может, всю жизнь жалеть будешь.

– Ловелия, я тоже могу поручиться за Ветра, давно его знаю, с тех пор, как поселилась в этом доме. Он ветреный, но заботливый, ты не пропадешь. И он точно тебя не обидит, я вижу. Таким серьезным он ещё ни разу мне не показывался, всё как пацан шаловливый.

– А я бы полетела, – вдруг сказала Предназначенная. – Что ты теряешь? Мы все равно сидим, стулья от пыли протираем, ждем своей участи. Если не захочешь, так я за тебя слетать могу, интересно ведь.

Я знала, что в ней что-то неужённое живет, но чтобы так в авантюру на ровном месте с головой броситься – не ожидала, я – то хоть привыкшая к жизни в лесу да чистом поле, а она домашняя девочка – и туда же.

– Я пошла спать, утро вечера мудреней, у меня есть время подумать. Клевенс, вы без меня справитесь, если что?

– Справимся, Лотта, думай о себе, – она улыбалась.

Принцы смотрели с осуждением и явно были обижены. И чего дуться, я же их не бросаю совсем, ну летаю немного, свет посмотрю, если, конечно, надумаю летать. Ну кого я обманываю? Думать, мол, я до утра буду – уже всё решила. Если впереди дорога, меня не остановить.

Утром я уже была готова и сложила свои нехитрые пожитки в небольшую сумочку. Вот с тёплой одеждой у меня плоховато, плащ на большие холода не совсем рассчитан.

Вышла на крыльцо и увидела небольшие чудесные расписные сани, запряженные удивительными конями. Кони-то были крылатые. Не белые, а какие-то бело-голубые с золотистыми длинными гривами, которые развевались сами собой.

Как только я появилась на пороге, Ветер выскочил из саней, схватил что-то и бросился ко мне. В руках он держал чудесную шубу и меховую муфту.

– Это тебе. Чтобы не мерзла, – улыбалась мне эта довольная и нагловатая личность.

– Спасибо, – и царственным движением (как мне казалось) я позволила накинуть на меня белоснежную песцовую шубку.

– Да, чуть шапочку не забыл, – добавил ветер и бросился доставать её из саней. – Не хочу, чтобы ты замёрзла, пока будем летать над снегами.

Я реально растеклась в мыслях и ощущениях. За мной ещё ни один мужчина так не ухаживал, да и вообще, если честно, не ухаживал. Никто из мужчин так не заботился, не думал о моем удобстве, не дарил украшения и шубы. А это, оказывается, приятно. Тут кольнула мысль о том, как я неблагодарна в своих мыслях по отношению к принцам. Они совсем не жадные и, если бы было что подарить, обязательно бы подарили. Они согревали меня в холодные зимы, и эта странная история, которую я помню очень смутно, произошедшая до встречи с Бабой Ягой: какие-то девицы, лес, костёр, круг. Не помню, а почему – не пойму. Но почему я стала сравнивать их с Ветром? Вероятно, потому, что они никогда не видели во мне девушку. Вернее, девушку, достойную внимания не как друг, попутчик, человек, который указывает дорогу, но девушку, которая нравится. Никогда в их глазах я не видела восхищения, которое сияло в глазах Ветра, желания поймать мой взгляд, украдкой коснуться руки. Стало приятно и обидно одновременно. И почему девушкам

всегда что-то не так?

Я села в сани, одетая, как королева, и довольная, как сто слонов, которых, конечно, не видела, но слышала, что огромные. Кисленькое что-нибудь бы пожевать, чтобы не улыбаться так глупо.

Нас провожали все обитатели постоянного двора, кроме Собирателя грехов. Все, кроме принцев, улыбались, а они стояли, как в воду опущенные, и выглядели как люди, у которых произошло крушение основных жизненных понятий. Было ясно, что они не могут поверить в то, что я могу кому-то приглянуться, особенно такому лихому парню, как Ветер.

«Вот и хорошо, пусть удивляются», – пронеслось в голове. А другая мысль была: «Жалко, что расстраиваются, не обижайтесь, я к вам очень хорошо отношусь».

Ветер усадил меня, потом вскочил в сани, махнул рукой, и кони рванули вперед с необыкновенной скоростью. Сначала они бежали по земле, а потом как-то без видимых усилий поднялись в воздух и понесли нас. Я от страха схватилась за Ветра, а он приобнял меня одной рукой за плечи шепнул на ухо:

– Не бойся, красавица, прокачу с ветерком. Со мной не пропадёшь.

А вот и не буду бояться, я девушка не пугливая, неважно, что никогда по воздуху не летала, но во мне возникло странное чувство, что я создана для полёта, что со мной ничего не

случится, что я могу чувствовать себя в воздухе так же естественно, как и на земле. Я повернулась к Ветру и сказала:

– А кто тут боится, мне нравится, только плохо видно, что там внизу.

– Звездочка ты моя, радость, конечно, ты создана для полёта, и тебе не будет страшно, потому что тебе это дано от рождения. Но мы опустимся пониже, чтобы лучше видно было.

– Вот только не надо громких слов, я своя собственная, ничейная, да и руки убери, сама держаться буду.

Ветер засмеялся, радостно так, одобряюще, но руки с плеча не убрал.

– Я немного придержу, пока ты совсем не освоишься, а там видно будет. Прекрасная панна, куда направимся?

– Вот мечтала увидеть море-океан, долго ли туда лететь?

– Дня два лететь будем. Сначала над степями, далее над Хвальнойским морем, в которое впадает великая река Ра, что степняками именуется Идел, где ловят осётра-рыбу, потом полетим над горами и пустынями к Эритрейскому морю – океан Инди.

Леса закончились, и внизу расстилалась степь – бескрайняя, как небо, и белая, как облака над нами. Кое-где были видны стоянки кочевников. Над странными домиками струился дымок. Везде люди едят, пьют, любят друг друга, вот только что толкает их к ненависти, к войне? Нехватка земли? Так вон она, степь, какая огромная.

Вокруг нас со свистом проносились вихри метели, но в санях было тепло и уютно. Ветер подлетал то к каким-то поселкам, то к путникам, застрявшим в снегу, что-то шептал, и у людей в глазах появлялась надежда. Я радовалась и гордилась им. Мы иногда опускались на землю, я ведь человек, не могу сидеть, не двигаясь, да и в кустики сбегать надо. К вечеру оказались возле Хвальнойского моря. Я никогда не видела моря. У берега тоненькая корочка льда, а дальше вода, вода, вода. Когда смотришь вправо, далеко на горизонте виднеются вершины гор.

– Тебе нужно отдохнуть, весь день сидишь, все тело, наверно, задеревенело. Это я привык целый день в движении, а ты у нас девушка, тебе отдых нужен, пища.

– Да и тебе тоже отдохнуть надо.

– Да я привык, так иногда, отдыхаю, когда домой залетаю.

– А где твой дом?

– Далеко – если лететь на север, можно увидеть мой дом на семи ветрах. А из дома моего виден остров Макарийский, иногда его остров Буян называют, на нем птица Гамаюн обитает, и птицедевы живут. Много необычного на том острове происходит. Только туда не просто попасть. Даже я там нежеланный гость. Как-нибудь расскажу тебе об этом чудо-острове. А дом мой хороший, только хозяйки там нет. Одиноко в нем. Вот и не тянет, по земле скитаюсь, а иногда и в другой мир залетаю. Весело бывает, когда братцы залетают погостить. Рассказывают, что видели. Бывает это раз в году,

когда птица Алконост яйцо в море кладет. Дедушка Стрибог запрещает нам дуть, на море великий штиль устанавливается на семь дней, нельзя, чтобы море-океан колыхалось, пока птенец не вылупится.

– Ветер, мне вот неудобно спросить – как тебя матушка зовет, ведь у каждого есть имя?

– Матушка зовет меня Лаки, я ведь ветер удачи, – и он опять засмеялся.

– Ладно, пойдем к людям, поедим, что дадут. Хоть ты и взяла с собой, а горячая пища для человека важна, да и ночевать в санях ты не сможешь. А я сыт радостью, что от тебя исходит, что нравится тебе мир видеть. Хорошо мне с тобой.

Мы опустились возле небольшой рыбачьей деревушки. Кони наши потеряли свой волшебный вид и стали походить на обычных. Лаки протянул мне руку, помогая выйти из саней. Приятно, когда за тобой ухаживают и заботятся.

Я устала от впечатлений и в то же время жаждала их больше. Но надо было поесть и лечь спать, чтобы завтрашний день был наполнен до отказа. Этот день выдался удивительный – снежная степь, полёт, рука Ветра, заботливо поддерживающая меня в санях, его участие, восхищенный взгляд – всё это вместе рождало сумятицу в мыслях. Казалось, они сами несутся на конях по ухабам, уносятся в небо прямо к солнцу. Страшно упасть, опалив крылья, страшно поверить в то, что происходит, и в то же время не можешь от этого отказаться. Я поняла, что не смогу больше жить без путеше-

ствий с Ветром, что вот оно, мое истинное, моя суть: дорога и снег, море и горы, кибитки, странные люди со странными привычками, неизвестные края, маленькие и большие поселки, города, реки и озёра, деревья и цветы, поля и луга, табуны коней, стаи птиц, диковинные рыбы – весь этот огромный мир с его тайнами и неожиданностями, трудностями и опасностями. Только в нём я живу – не сплю или нахожусь в полудрёме, не провожу день до вечера, а дышу, летаю, вижу – просто живу. Это я, это моё, я дочь леса и дороги, и я не хочу это терять.

– Спасибо, Лаки. Ты подарил мне мир. Ты подарил мне понимание его необъятности, пусть мы летим всего один день. А главное, что это мое, то, без чего я не смогу быть собой, – я дотронулась до его руки. – Ты лучший. Лучший из Ветров. Я буду отдыхать, слишком много впечатлений за один день.

И я пошла к небольшой лежанке в углу кибитки.

Конечно, сразу я не заснула. В моей душе горел огонь. Пока огонь благодарности к Ветру. Смогу ли я когда-нибудь ответить тем, что ждал от меня Лаки, я не знала. Мой жизненный опыт был так мал – что я знала об отношениях между людьми? Я – девочка без прошлого, в четырнадцать лет обнаружившая себя в заколдованном лесу. Зачем, кому это было надо и надо ли сейчас? Я много знала и умела, но все знания в основном касались того, как выжить в лесу. Знала зверей и птиц, умела охотиться, ездить на коне, умела спрятать-

ся и переждать дождь, развести костер, знала, какие ягоды или грибы съесть, чтобы не отравиться, я чувствовала кожей и понимала каждый шорох в лесу, как будто меня воспитывал сам отец-лес, как будто я была его дочкой. Я иногда так и говорила, что мой отец лес, а теперь поняла окончательно, что мать моя – дорога, но мне ещё надо научиться её путям. Я просто маленькая девочка, мне только шестнадцать, я чувствую себя в лесу как дома, но я почти не знаю мир людей.

Мои подруги – Русалочка и Мавка, такие разные в отношении к мужчинам, к жизни, к своему предназначению, сходятся в одном: для них жизнь в радости сегодняшнего дня, они счастливы малым – песней, солнцем, дождем, приходом весны и лета. А я – куда меня несёт, что гонит вперед, снедает сильнее, чем голод, заставляет просыпаться по ночам и думать: земля такая большая, и столько звёзд на небе, а я, маленькая тень в этом огромном мире, почему я в нём? Кому я нужна, и нужно ли быть кому-нибудь нужным? Может, лучше быть ничьей, как Мавка? Или жить минутной страстью, забирая чужую жизнь, унося частичку чужого тепла и холодное тело, как Русалочка? Нужен ли мне свой очаг или счастье от смены мест, бег по пространству мира заменит его? Все люди вокруг такие разные со своими судьбами, плохими или хорошими. А я? Счастлив ли Ветер? Зачем он пришёл ко мне? Его ветреной сущности захотелось почувствовать что-то другое, непривычное? Искал ли он любви? И что такое любовь для Ветра? А для меня? Все так мечта-

ют о ней, а я в основном видела только похоть у Марьи Искусницы и страсть у Русалочки. Страсть, которая губит, не жалеет, страсть, которая сломала жизнь Фрости и Богуслава, погубила брата Милки. Как отличить любовь от страсти? Я чувствовала себя такой маленькой в этом мире, который за один день стал просто необъятным.

Микулишна воспитывала меня два года. Она многое мне рассказывала полезного: как собрать и высушить травы, сделать травяной сбор, лечить некоторые болезни, ухаживать за животными, да я откуда-то это и так знала, а вот как жить между людьми – не учила, она сама жила в лесу. Она сообщала какие-то факты: как кто жил в деревне, кто женился, кто родился, а мне хотелось знать, почему так, а не этак.

В ней самой была какая-то тайна, вернее, тайная грусть, которая снедала: не то обида, не то потеря – не просто же так молодая женщина ушла в лес и общалась с людьми только по крайней нужде.

Потом это знакомство с принцами. Они замечательные, они постоянно что-то рассказывали. Какие-то истории, которые с ними случались в детстве и в недавнем времени, вспоминали свои шалости, своих друзей и врагов, случаи на охоте, обсуждали придворные интриги, девушек (правда, до тех пор, пока не узнали, что я девушка), собак и лошадей. Когда спрашивала, рассказывали про людей и королевства. Поэтому за эти два месяца пути я узнала кое-что из жизни людей, но только по их рассказам. Мы мало останавливались в де-

ревнях и поселках, да и вообще ехали по малонаселённым землям. Как-то странно я прокладывала дорогу, надо было бы больше среди людей быть. Я слушала и впитывала всё, как жаждущий воду, и мне всё было мало, всё интересно. Я умела читать, но у меня не было книг, которые помогли бы мне узнать больше, а так хотелось понять этот мир. Постепенно мысли сладко унесли меня в сон.

Рассвет наступил так быстро, что было чувство, будто я и не ложилась. В кибитке уже началось движение, и я выскочила на улицу.

– Проснулась, красавица? – и Ветер с нежностью приближал меня. – Завтракаем и летим дальше?

А в это время...

Карен. Разговор принцев
о девушке без прошлого

Мы ехали за дровами, я правил лошадьми, запряжёнными в сани, как будто для этого родился. Как человек быстро привыкает к другой жизни. Жизнь при дворе отошла в прошлое, как будто это и не со мной было. И не могу сказать, что это мне не нравилось. Ха, видимо, тоже. Он теперь ловко махал топором, правил лошадьми, ухаживал за ними. Смотрел на происходящее и, как всегда, отмечал всё необычное в лесу. Ему нравилось.

Отправляясь за невестами, мы совершенно не представ-

ляли, насколько опасен и в тоже время интересен этот мир, и насколько мало мы о нем знаем. Почему нас не готовили к тому, насколько он неожиданный? Нам даже магическую защиту как-то правильно не преподали, ведь могли погибнуть уже несколько раз. Хорошо, что родители не догадывались, что может произойти в дороге. Я бы своим детям, зная, что может случиться, ни за что не разрешил бы ввязаться в такую авантюру. Вот родители выросли и жили в теплице дворцов, избаловала их жизнь. А может, они знали и хотели, чтобы мы поняли, что есть другая жизнь, научились ее ценить и понимать хоть немного жизнь других людей. Приеду – обязательно спрошу.

Вечером мы вели интересные беседы со Сказителем. Он знал невероятное количество историй, его рассуждения о жизни, людях, странах были удивительные. Как он мог заметить удивительное в обычном, а потом рассказать это так, что дух захватывало! Остальные постояльцы тоже были люди со странными судьбами, мы в этой компании были самыми нормальными. Это во дворце мы были принцами, и одним только рождением уже были особенными, а здесь? Никто не ценил нас за то, что где-то там в королевстве мы были принцами. Кому было дело до того, что я знал придворный этикет, умел пользоваться невероятным количеством столовых приборов, умел писать указы, знал, как правильно себя вести с послами, и разговаривал на нескольких языках. Здесь меня ценили за иное. Почему Лотта, девушка без прошлого,

оказалась так нужна? Что в ней особенного?

– Ха, – обратился я к брату, – ты вот скажи, что такого в Лотте, или, вернее, что не так в Лотте, кроме того, что она путь видит?

– Ты меня удивляешь, Хи, только это уже удивительно. Ты знаешь кого-нибудь, кто путь видит?

– Богиня Макошь, – засмеялся я. – Она пути прокладывает тем, кому сочтет нужным.

– Ну уж Лотта совсем не богиня, и ничего магического я в ней не чувствую, нет в ней магии, разве только магия обаяния. С ней приятно общаться, она располагает людей к себе. Это, конечно, здорово, но есть ещё что-то непонятное, ты тоже чувствуешь?

– Конечно, чувствую, она разговаривает – ей все улыбаются, ещё в дороге на это обратил внимание. Меня особенно удивляет то, как мы к ней привязались, и не только потому, что она хороший проводник.

– Когда мы с ней познакомились, она даже парнишкой выглядела страшненьким, а когда я узнал, что она девушка, просто пожалел – ну как же ей трудно будет в жизни с такой внешностью.

– И тем не менее меня все время тянет с ней пообщаться, мы ведь раньше всё время вместе были, а теперь я скучаю, когда её нет рядом, вот сегодня всё время думаю: ну как она могла с этим Ветром улететь?

– И нас бросить, – добавил Ха почти серьезно.

– Эта история с Ветром донельзя странная. Он искренне ей восхищался и говорил, что она красавица, смотрел влюблёнными глазами. Да и вспомни – Баба Яга её тоже красавицей называла. Может, мы что-то не понимаем в девичьей красе?

– А может, они видят что-то такое, что нам не видно.

– Ну, глаза у неё красивые.

– Смеёшься? Сам знаешь, когда про страшенькую девушку хотят что-то хорошее сказать, говорят, что глаза у неё красивые. Нет, тут что-то еще, мы вот и не думали, а тут какой-то Ветер её может у нас увести. Ты хочешь без неё остаться?

– Вопрос. Конечно, нет. Раньше не задумывался, а без неё пусто. Она нужна не только как проводник, как путница, я привык к её шуткам, ненавязчивой помощи, возле неё просто тепло. Поговорить с ней интересно, она лес, как себя, чувствует, не говоря уже про дорогу.

– А может, она с этим Ветром свое счастье найдет, а мы со своим эгоизмом ей мешать будем?

– Может, и так, но почему-то ужасно неприятно думать, что дальше мы будем ехать без неё, даже если она и не будет дорогу показывать. Хорошо с ней, уютно. Я раньше в дружеские отношения между парнями и девушками не верил, но что, кроме дружбы, к ней можно испытывать, явно ведь не влюблённость. Хотя, как девушку, мне её как-то особенно защитить хочется, оградить от опасности, и от этого Ветра

тоже. Откуда он только взялся?

– Да, это проблема. Как представляю, что он её обнимет, не говоря уж про поцелуи, сразу ему в морду дать хочется.

– Мне тоже, и это удивляет. Все-таки её тайна где-то в прошлом кроется, в её происхождении, какое– то оно таинственное, у этой девушки без прошлого. И ещё она всё-таки настоящая девушка. Помнишь, матушка говорила: настоящую девушку от ненастоящей отличает наличие в ней загадки.

– Разгадать эту загадку не помешало бы. Может, и ей, и нам легче было бы. Может, ночью на Перекрестке что-нибудь прояснится?

– До Перекрестка ещё дожить и дойти нужно. Сейчас думаю: лишь бы вернулась, так не хочется её потерять. Правда?

– Как говорят мудрецы, окончательно потерять можно только жизнь, всё остальное можно найти и исправить.

Продолжение путешествия с Ветром

Мы опять сели в сани. Я ещё куталась в шубу, но воздух был значительно теплее, чем возле постоянного двора, где мы начали путь. Мы летели на юг, и сейчас под нами было бескрайнее море. Ветер решил пролететь пониже над водой, и наши сани почти касались волн, а солёные брызги залетали внутрь и касались лица. Красота. Море, такое огромное, немного беспокойное, где у него конец, и есть ли? На рассве-

те, когда вылетали, оно стало светиться под лучами солнца, и брызги играли всеми цветами радуги. От восхищения захватывало дух. Неужели я это вижу? Видя мое восхищение, Ветер наклонился и прошептал:

– Прошу тебя, будь со мной. Ловелия, счастье, которое исходит от тебя, наполняет меня до краев. Я не испытывал такого сотни лет. Ловелия, я счастлив, счастлив, будь рядом, не оставляй меня. Ты моё счастье, Ловелия, – он обнял меня за талию и прижал к себе.

Его горячие губы коснулись моей щеки. У меня закружилась голова. Да, я счастлива, но немного не так, как Ветер, мне хорошо и от того, что он меня обнимает, даже приятно. Но я не готова к такому, пусть всё будет так, как есть. Я закрыла глаза, чтобы как-то очнуться от нахлынувших эмоций, но, видимо, Ветер понял это по-другому, и вдруг моих губ коснулись невероятно горячие губы Лаки.

– Ты мое счастье, Лотта, – выдохнул он и коснулся губ снова.

Я растерялась, мне хотелось и продолжить поцелуй, и было страшно – всё так быстро развивается, у меня кружится голова, что это, страсть? Мы ведь совсем не знаем друг друга, зачем это? Голос разума захлестнули эмоции, так хочется прижаться к нему, так интересно коснуться его волос, и эти его горячие губы... Макошь, помоги!!!

В этот миг с неба послышался голос:

– Не спеши, Ветер. Это ещё не твоя удача. Дай ей поду-

мать. Отпусти.

Мы отстранились друг от друга как будто громом пораженные, да это и был гром.

– Почему? Почему? Почему? – застонал Ветер.

Под санями взметнулся вихрь, и брызги фонтаном взлетели вверх.

– Я так долго искал её, я устал быть один. Велес, ты обещал!!! Ловелия должна быть моей. Её радость чиста и не омрачена никакой фальшью. Она такая единственная. Почему? Почему нет?

Я опустила голову. Мне было больно, губы и щеки горели огнем. Я почувствовала: что-то мы делали не совсем правильно, поспешно, необдуманно. Но так сладко грела душу эта неправильность, так щемило сердце. А вокруг шумело море, и ему пока не видно было конца.

– Прости, Логта, я неправ, богам виднее. Просто ты удивительная, а я, наверно, действительно ветреный парень, но мне так хорошо с тобой. Прости. Но знай – ты очень дорога и нужна мне.

Кони несли нас дальше, а справа стали видны вершины гор. Я никогда не видела гор и, как зачарованная, смотрела на их силуэты.

– Это горы, мы ещё побываем на них, и ты увидишь их вблизи. Они великолепны, но ты лучше.

– Лаки, ты смешной, как это можно сравнивать?

– Просто горы будут всегда, а тебя я боюсь потерять. Вдруг

растает, как дымка.

И он взял мою руку и поцеловал кончики пальцев.

– Не надо, боги гневаются.

Он грустно улыбнулся.

Незаметно мы почти пролетели над морем, вдали показался берег.

– Давай остановимся, я устала сидеть.

Кони послушно опустились на песок, я вышла из саней и сняла шубу. Тепло. Зеленая трава, диковинные цветы, бегают какие-то маленькие ящерики, а по берегу ходят удивительные птицы.

– Мы с другой стороны Хвалейского моря. Возможно, где-то к вечеру будем на берегу океана. Тебе понравится. Давай перекусим, ты немного отдохнешь, и мы полетим дальше. Хочу, чтобы ты увидела, как солнце вечером ныряет в океан. Это очень красиво, – и отвел глаза.

И опять был полёт, под нами проносились горы, плоскогорья, пустыни.

И вот перед нами океан. Он неожиданно вынырнул из-за облаков, и его мощь меня поразила. Вода – и такая разная. Моря – и такие разные. Берег, куда мы опустились, был песчаный, и было очень тепло. Я разулась, пальцы погрузились в песок. Щекотно. На берегу бегали маленькие крабики – так назвал их Ветер. Они носились и совсем не боялись нас. Над океаном навис диск солнца. Огромный, красный, он еще не спрятался в море и горел огнем. Интересно, устану ли я ко-

гда-нибудь удивляться? Казалось, что душа выплеснула весь возможный восторг за время полёта над морем, горами, пустыней, но океан... Мне хотелось плакать от счастья, я – и море-океан, разве я могла мечтать об этом? Даже принцы не мечтали его увидеть, так далеко и трудно до него было добраться, а тут два дня – и океан.

– Ветер, он удивительный. И такой тихий, ни одной волны.

– Я договорился со Стрибогом, он уgomонил волны, океан будет тихим, пока мы тут. И я рад, что тебе нравится, на нашей земле много океанов, но я особенно люблю это место, у меня здесь маленькая пещерка, где мы переночуем. Здесь поблизости никого нет. Искупайся, вода очень теплая. Ты умеешь плавать?

– Да, я плавала в озере с Русалкой, но тут так страшно.

– Не бойся, просто окунись, попробуй, какая соленая вода, только не заплывай далеко, скоро начнется отлив. Я подожду тебя возле лодки, купайся, подсматривать не буду.

Я быстро разделась и забежала в воду. Проплыла пару метров – боязно как-то, столько воды я отродясь не видала, полежала неглубоко, опираясь руками о дно, вода будто держала меня. Но надо было вылезать, Ветер, наверно, заждался меня. Может, он тоже хочет искупаться, но стесняется.

– Подожди меня немного, я быстро вернусь, раздобуду что-нибудь поесть для тебя, – и исчез.

Я залезла в брошенную лодку с дырявым боком и, не отрываясь, смотрела на океан. Интересно, можно к нему при-

выкнуть и не замечать этой красоты или вот так и будешь, ничего не делая, смотреть на этот бесконечный простор, когда, кажется, жизнь замерла и существует только он, такой огромный и непостижимый?

Вскоре вернулся Ветер, солнце нырнуло в воду, но берег освещала почти полная луна, прокладывая серебристую дорожку по воде. Миллиарды звезд освещали мир и нас.

Я решила выбраться из лодки, но Ветер сказал:

– Посиди немного и закрой глаза. У меня есть маленький сюрприз.

Я крепко зажмурилась.

– А теперь открывай и смотри.

Ветер держал какую-то большую, как ведро, емкость, полную белых блестящих шариков, которые серебрились и мерцали в свете луны.

– Это тебе. Это жемчуг, я собирал и хранил его в своей пещере, мне нравилось его мерцанье. Жемчуг для самой красивой девушки в мире.

Он зачерпнул жемчуг двумя руками и стал сыпать мне на плечи.

– Смотри, как он сверкает.

Он сыпал и сыпал, а я, как заколдованная, смотрела на этот блестящий поток, покрывающий руки, одежду, дно лодки, и мне чудилась волшебная музыка. Неужели это со мной, замарашкой и уродиной, девушкой из заколдованного леса, девушкой без прошлого, неужели? Или я сплю? Наверное,

сплю. Шумел океан, светила луна. Жемчуг серебрился в её свете, а Ветер стоял и улыбался, черпал и сыпал, сыпал жемчуг.

– Тебе нравится? Я сделаю всё, чтобы ты была счастлива, Лотта. Ты веришь?

Я кивнула. Точно, сплю. Разве такое бывает?

Потом мы ели какую-то рыбу с лепешками и удивительными фруктами и пили вино.

Спать совсем не хотелось, было страшно спугнуть хрупкую прелесть этой ночи. Поев, мы сели на песок, и Ветер тихо положил голову мне на колени, а я смотрела на море и звёзды, перебирала волосы Ветра и хотела запомнить это состояние навсегда.

– Лаки, расскажи мне про удачу, как ты её приносишь, и какая она? – тихо спросила я.

– О, это не так просто. Я ведь не удача, я только её подгоняю, привожу. Люди часто видят меня и не обращают внимание на саму удачу, а она очень разная – хорошая и плохая, приносящая зло.

– Как может удача приносить зло?

– Просто. Человек может быть не готов к тому, что приходит к нему в руки. Например, он находит клад. Удача? Да. А что делать с ним? Можно закопать и хранить на черный день, можно тратить понемногу и жить припеваючи до конца дней. Можно, а это чаще всего и бывает, захотев почувствовать себя богатым, купить дом, коней, дорогую одежду – и

тогда всё найденное уходит очень быстро, уплывает между пальцами. То, к чему не готов, что просто так падает тебе в руки, обычно не приносит пользы. Карточные выигрыши чаще всего оборачиваются полным разорением. Удача разная. Это попутный ветер кораблю. Это рождение долгожданного ребенка. Встреча на улице девушки, с которой свяжешь свою судьбу. Стрела, которая пролетела мимо, и ты остался жив. Много хорошего. Я люблю удачу, но даже я не могу на неё рассчитывать. Я искал тебя долгие годы и вот встретил. Но я искал, а кто только на неё рассчитывает, но ничего не делает, обычно ничего и не получает, а если получает, то это не идёт ему на пользу. В этих морях есть корабли, на которых плавают пираты. Их называют джентльмены удачи. Представляешь, какая у них удача? Часто удача одного оборачивается бедой для другого. Я не добрый и не злой, Лотта, я просто приношу удачу, а какая она – от меня мало зависит. Иногда очень не хочется приносить удачу некоторым людям, но приходится.

– А от кого зависит удача?

– От богов, от людей. Очень многое зависит от самих людей. Если удача идет в руки к тем, кто готов ее принять, она не приходит зря. Я так мечтаю, чтобы с тобой удача не отвернулась от меня. Правда, смешно – Ветер Удачи боится потерять удачу? Но что-то может сложиться не так, и я этого боюсь. Чувствую.

Мы ещё долго сидели на берегу и смотрели на море. По-

чему-то было немного грустно. Мы боялись нарушить эту хрупкую тишину, ожидание чего-то. Два существа – человек и Ветер – сидели перед великим океаном, и мы не знали, что нас ждет впереди. Тихий прибой что-то бормотал, но что – невозможно было понять. У каждого свои тайны.

Ветер прервал молчание.

– Пойдем, я отведу тебя в пещеру, тебе надо поспать, завтра будем смотреть побережье. Тут много диковинного, тебе понравится.

– А ты?

– О, Ветру никогда не найти покоя. Я не человек, для меня нет времени и места. А теперь спать.

В пещере пахло солью и водорослями. Мне на них предстояло спать.

– Мягкие, – подумала я и моментально погрузилась в сон.

А в это время...

Для кого-то чудо откладывается

Перед Ветром появилась женщина.

– Здравствуй, Лаки. Не ждал?

– Как раз ждал, понял, что ты недовольна. Почему, Макошь? Велес обещал.

– Велес обещал – к нему и претензии, а я тебе объясню очень просто. Ты разве не видишь две личины Ловелии: истинную – прекрасной девы – и наведенную – ту, которую лю-

ди видят. Она под проклятием и себя воспринимает почти как чудовище, и все твои слова про её красоту рассматривает как сказку, которая скоро закончится. Она себя видит уродливой, и если это проклятье не разрушить, то она просто потеряет себя. Это хорошо, что она встречалась с нормальными людьми, а сколько мерзавцев, которые могут над ней потешаться?

– Я этого не допущу, она будет со мной – и только.

– Вот видишь, ты уже решил все за неё. А она, что она думает? Она только учится, познаёт мир, а он – не только полеты над землёй, океан, жемчуга, экзотические фрукты, но и люди, порой жестокие и злые. Нельзя лишать её возможности снять проклятие. А самое главное – у неё в этом облике крылья не раскроются. Ты готов лишить её полета? Представляешь себя ползающим по земле, не способным подняться в небо? Ещё раз спрашиваю, не будешь препятствовать снятию проклятья?

– А как это сделать, я на всё готов?

– Молодец. Слово не воробей, ты пообещал. Запомни, ты сказал, что ради неё ты на все готов.

Макошь продолжила:

– Так будь готов понять, что её должен полюбить в этом образе ужасном за сердце доброе человек и признаться ей в любви, пожелав взять её в жены. Ты готов смотреть на это спокойно? Быстро сердце доброе не рассмотришь, тут время надо. Ты позволишь? Что молчишь? Голову-то что опустил?

Желание поймать и владеть единолично заело? А о ней ты подумал? Она ведь птицедева, вольная сущность, да еще на ней призвание от рождения, без которого, ты знаешь, таким, как она, не прожить.

– Что за призвание?

– Она путница, Лаки. Она пути видит и по ним людей водить должна, а если не будет, сердце от тоски остановится. Как у её матери.

– Макошь, но ведь Велес обещал, что мне в жены предназначена птицедева, а сама знаешь – они рождаются редко, потому что для этого великая любовь должна быть, особенная, бескорыстная. Я думал, это её мать мне в жены предназначена, но так вышло, что она пострадала в схватке с Чернобогом, а потом её нашел человек и женился, я не успел её встретить. Неужели Ловелия тоже не для меня? Мне так с ней хорошо.

– Как знать, как знать. Все может быть, но путь этот сложный.

– Я чувствую её чистую радость, наполняюсь ею, я готов подарить ей и показать весь этот мир.

– А отпустить её ты готов? Принять её предназначение готов? Молчишь. Себя ты любишь больше, себя, любимого. Летишь с ней, её радостью питаешься. Смотрит она на море и удивляется, а у тебя чувство, как будто никогда такого чуда не видел. Понятно, хорошо её эмоциями чистыми жить. А отречься от неё ради неё можешь? Опять молчишь. По-

нимаю, трудно. Лаки, пока это только увлечение, до любви очень-очень далеко, да и Лотта от необычности и красивого ухаживания голову потерять может, необычное приключение за любовь принять. Что она в жизни видела, что знает? Девчужка ведь совсем.

– Так что мне делать? Я не могу её просто так оставить.

– Не оставляй, общайся, просто постарайся радость собирать не для себя, а для неё. Про дружбу ты что-нибудь слышал?

– Да какая дружба может быть с девушкой.

– Обычная. Говорю банальности. Увидь в ней человека, личность. Не смотри, как на принадлежность для постели.

– Макошь, ты хоть и богиня, но не говори гадости. Я так на неё не смотрю.

– Не смотришь, а думаешь. О! Ты еще и краснеть умеешь? Отрекись от того, что она девушка, помоги ей как человеку, авось легче будет. А летать с ней и питаться её радостью кто ж возбраняет. Только не соблазняй ее, маленькая она и твоя ли – не знаю.

– Макошь! Ты совсем не знаешь её путей? Как?

– Да она родилась в единственную ночь в году, когда мы с Долей и Недолей покидаем светелку и нитки свои оставляем, а берет их богиня неписанных судеб и запретных дорог. И кто в эту ночь родится, того ждет судьба странная, и ходить этот человек будет тропами нетоптанными. Даже Суденицы не смогут его жизнь увидеть и ничего ему не пророчат. Чудные

эти люди, и судьбы их чудные. Знаю только предназначение Ловелии. Оно многое определяет, но с кем она – не ясно.

– Удивительно. А что делать мне, подскажи?

– Стань ей пока другом, прошу, а если с ней не получится жизнь связать, я в судьбу её дочки тебя суженым вплету. При таком раскладе и Велес тебя не обманул, и я помогу. Ну не вешай голову, ты столько лет один, подожди ещё пару десятилетий, а может, и меньше.

– Хорошо тебе говорить, я совсем одичал от одиночества. Да и будет ли у неё дочка, это ведь не Алконост, которая каждый год по яйцу в океан откладывает, уже весь Ирий её детьми заполнен, из них хор огромный там создали.

– Не богохульствуй! Чувствую, что будет у неё большая любовь, и от неё родится новая птицедева, а уж я в её судьбу вплету тебя как суженого. Договорились?

– А куда мне деваться, только я Ловелию не брошу. Ухаживать и соблазнять не буду, но общаться буду.

– Общайся, сам знаешь – общение общению рознь. Помни, маленькая она ещё, и ей от проклятия избавиться надо. Важно это для неё. Да и у меня на неё планы. Все. Заболтались мы с тобой, рассвет скоро. Буду следить, не забывай. И ещё постарайся не контролировать её. Контроль убивает любовь, да и в дружбу ничего хорошего не приносит. Ей самой по земле научиться ходить надо. А потом уже в небо взлететь. Дружба – это сложно, Лаки, сложно.

Дружба – это...

Я проснулась и выглянула из пещеры. Над океаном носились чайки, и он был совсем не таким, как ночью, но тоже удивительным.

Возле лодки, понурив голову, сидел Ветер.

– Что-то случилось? Почему ты такой печальный?

– Случилось – не случилось, изменилось – не изменилось, но надежда не умирает, – и он как-то вымученно улыбнулся. – Пойдем купаться, вода удивительно теплая, позавтракаем, а потом как хочешь – улетаем дальше или тут отдыхаем.

Слова вроде обычные, но что-то безнадежное в голосе проглядывает. Что случилось? Я что-то не так сделала?

– Не придумывай лишнего, Лотта, все нормально, давай сегодня отдыхать, я покажу тебе эти места.

Мы купались, ели фрукты, смотрели на море. Очень быстро моя белоснежная кожа на солнце приобрела красноватый оттенок, веснушки, чуть-чуть побледневшие зимой, опять стали яркими, пришлось прятаться в тень.

Вроде все нормально. Но чувствовалось, что Ветру всё время приходится себя контролировать, решать какие-то внутренние проблемы, в чём-то себя сдерживать. Что-то незримо изменилось. Он больше не говорил комплименты, не прикасался ко мне нежно, отводил глаза и подолгу смотрел вдаль на море. А я мучительно думала, что же я сделала не так? Обидела чем? Вчера всё было по-другому. Мне было

боязно развивать наши странные отношения, но в глубине души я, как любая девушка, жаждала ухаживания и нежных слов. «Вот и все, – грустно подумала я. – Он увидел мое истинное страшное лицо, теперь ещё и обгорелое, мое уродливое тело, и я ему больше не интересна». Стало невыносимо больно. Уродина. Но я решила не мучиться и прояснить ситуацию.

– Лаки, ты увидел меня во всей красе, увидел мое уродство и больше не хочешь со мной общаться?

Ветер вздрогнул как от удара.

– Боги, какие вы девушки странные, почему придумываете всякие глупости. Почему все причины кроются в вас? Нет, Лотта, действительно всё изменилось, но не из-за тебя. Боги! Именно из-за тебя, но не потому, что ты какая-то не такая, ты очень-очень хорошая, красивая, но я не могу тебе рассказать, что произошло, это не моя тайна. Давай постараемся жить этим днем, всё еще может измениться. Мне трудно это объяснить. Но ты ни в чём не виновата. Это мне боги не дают удачу. И Велес, и Макошь, они дают удачу многим, но только не мне. Смешно звучит: Ветер Удачи – неудачник. Красиво. Не спрашивай, я не знаю, почему. Только не жалея ни себя, ни меня. Мне просто надо научиться немного по-другому смотреть на жизнь и ...тебя.

Мне стало досадно и любопытно одновременно. Но, посмотрев на грустного Лаки, я решила не беречь его душу расспросами. Видно, что он не может рассказать о случив-

шемся. Может, позже сможет.

– Давай попробуем не обращать внимания на мои проблемы.

– Давай. Нам ведь интересно вместе. Можно, мы будем просто дружить? А, Лаки? Мне интересно с тобой, но, если тебе тяжело со мной общаться, давай вернемся домой прямо сейчас, к чему растягивать сложности на неделю. Правда ведь? Я ведь ничего у тебя особенного не просила, сам пригласил покататься, – в глазах подозрительно защипало.

– Что ты, Лотта, зачем, я не хочу тебя отпускать, я мечтал многое показать тебе за эту неделю

Вдруг на берегу закрутило песок, маленький смерч вихрем промчался мимо нас и превратился в светловолосого парня в красивой одежде.

– О, Бриз, – удивился Лаки, – какими судьбами?

– Смотрю, ты наконец-то одумался и стал смотреть на девушек. Познакомь с красавицей.

– Это мой двоюродный брат Бриз – ветер, дующий с берега на море ночью и с моря на берег днём. Он у нас ласковый парень. Знакомься, это Ловелия, моя подруга.

– Только подруга?

– Да, подруга и только, и не смотри на нее так. Она под моей защитой, – Лаки подозрительно сощурил глаза. – Ты просто так залетел или по делу?

– Можно сказать и просто так, и по делу. Надеялся тебя тут застать, знаю про твою любимую пещерку. Хотя не пой-

му, чем она тебе так приглянулась. Стрибог пролетал и сказал, что появился новый остров в океане. Большой, огненный, вулканом рожденный. Захотел посмотреть. Ты не видел его еще?

– Нет, а где?

– Думал, ты знаешь. Давай слетаем, поищем. Координаты мне неизвестны. А давай на пари, кто первым достигнет острова, тому сундучок с золотом, я тут как-то видел, пираты что-то зарывали – думаю, клад. Он мне не нужен, но спор без приза – это не интересно, а самому вырывать лень, зачем ветру деньги. А если я выиграю – меня красавица поцелует. Ну что, летим?

– Лотта, ты как, хочешь в гонках поучаствовать? Это лучше, чем себе разные глупости измышлять.

– Лаки, ты с ума сошел, неужели девушку в такие края потащишь, уж в этом случае приз точно мой.

– Это мы еще посмотрим. Летим?

Я кивнула головой, вот уж точно посмотрим. В голове родилась мысль: а вдруг я путь не только на земле, но и на море увижу? Он ведь всё равно только у меня в голове виден. А ещё у меня родилась очень меркантильная мыслишка. Денег-то ни у принцев, ни тем более у меня нет. Весной ехать неизвестно куда, а с пустыми карманами далеко не уедешь, не везде нас за рубку дров кормить будут, да кое-что, кроме еды, в дороге надо. Выиграем, явлюсь такая благодетельница с кучей золота, в жемчугах, вот они меня сразу заценят и не

будут думать, что я маленькая и ни на что не способная. Может, решат, что хоть и страшенькая, а для жизни полезная. Зауважают, что хорошо. Представила это явление народу – и вся так и заулыбалась с предвкушением.

– Лотта, мы ещё не выиграли, а ты уже облизываешься. Или тебе само участие так огонь в глазах разожгло?

Стало немного стыдно, они вон какие лихие ребята. Лаки молодец, конечно, но и Бриз вовсе не производит впечатление парня, который задних пасет, а я туда же – со свиным рылом в калашный ряд. Потом одернула себя, вспомнила слова Клевенс о том, что надо поднимать свою самооценку. Успокоилась и сказала Ветру:

– Просто у меня одна идея появилась, может, поможет. Бриз, расскажи поподробнее про этот остров. Большой он хоть или маленький?

– Да вроде не очень и маленький, только он родился в результате извержения вулкана, море вокруг горячее, и лава еще течет.

– Лаки, – тихо сказала я почти ему на ухо, – а какая она, лава? Понимаешь, мне просто представить нужно остров, увидеть его перед глазами, может, получится и путь увидеть.

– Ну, она очень горячая, красная. Течет, в море попадает, и, когда постепенно застывает, превращается в камень. Так в море новый остров рождается.

– Хорошо. Буду представлять. А как мы полетим, сани тормозить будут?

– А ты верхом ездить умеешь, с коня не упадешь?

– Да, я неплохо ееду верхом. Только у тебя кони уж больно своеобразные, будут ли они меня слушаться?

– Сейчас посмотрим, запрыгивай. Только седла нет, сможешь ездить?

А, где наша не пропадала. Я подошла и довольно ловко запрыгнула на коня, прижалась к спине, обхватила ногами бока, схватилась за гриву и поняла, что удержусь.

– Нормально, удержусь, только ты подстрахуй меня, если что.

– Обязательно.

Я посмотрела на совершенно удивленного Бриза.

– Лаки, скажи, где водятся такие девушки? Первый раз вижу, чтобы твои кони кого-то к себе подпустили, кроме тебя, да ещё и сесть позволили. Вот уж удивил так удивил. Сударыня, я в полном восхищении.

Я засмушалась и сказала:

– Восхищаться будешь, когда выиграем, а пока я ещё просто вишу на коне, вцепившись в него, как клещ. Когда скачки начинаем?

– Да хоть сейчас. Только чур, порталами не пользоваться, встречаемся у острова, а уж назад можно и порталом.

– Можно несколько минут? Я сосредоточусь и подготовлюсь к испытанию, это вам не впервой, а мне ещё не приходилось в такой скачке участвовать.

И я стала представлять извержение вулкана, как мне опи-

сал его Ветер, горячее море, горячую лаву, облако пепла над вулканом, себя островом в океане – и увидела. Да, я увидела в воздухе раскручивающийся клубок из облаков, которые тянулись нитью к горизонту.

– Лаки, ты видишь? – тихо прошептала я.

– Что?

– Путь видишь?

– А что, должен?

– Да вот же, из облаков.

По недоуменному взгляду Лаки я с обидой поняла, что мои пути даже такие необычные личности, как Ветры, не видят. Значит, вероятность победы возрастает.

– Тогда тебе придется лететь за мной, Лаки. Думаю, получится.

– Логга, это может быть не близко, но как только почувствуешь, что воздух становится горячее, поднимайся вверх, чтобы крылья коням не опалить и самим обгореть. Я буду держаться за тобой. Ну что, удачи нам?

Бриз свистнул, и из моря выскочил серебристый крылатый конь, совсем не хуже коней Лаки.

– Ну что, начнём. Кто первый приезжает, оставляет вихревую метку над островом и возвращается на исходное место. Вечером отметим гонку.

– Согласны, – мы дружно кивнули.

Я ударила пятками по бокам коня, и он взвился в воздух, чуть не сбросив меня, но я удержалась, выровнялась и по-

неслась.

Море, когда мы недавно летели над ним в санях, было красивое и не опасное. Я чувствовала, что лошадьми управляет Ветер, и только глазела вокруг и ахала. Но на спине крылатого коня над океаном ощущения были совсем другими. Дух захватило не только от восторга, в крови закипел огонь азарта, жажда победы, непередаваемое счастье полета, управление удивительным конем. Здорово!

– Не свалюсь! Удержусь! Приду первая! – закричала я почему-то.

Ветер только хохотнул сзади, а я, не оглядываясь, неслась вперёд к огненному острову, внизу прыгали дельфины, носились птицы, но я этого не видела. Полёт, кони, ветер, азарт. Только вперед!

Я не замечала времени в этой бешеной скачке, не чувствовала себя, голода, жажды, азарт полёта захлестнул меня настолько, что я почти не оборачивалась, чтоб посмотреть, далеко ли Ветер. Но каким-то чутьем понимала: он рядом, мы вместе и должны победить. Кони летели, как вихрь, воздух казался твердым, когда ударялась в него грудью, так бешено летели кони. Счастье полёта накрывало меня, и я всё четче осознавала, что небо такое же родное для меня место, как лес, и я создана для полёта. Только вот крыльев нет почему-то.

Ближе к вечеру потянуло дымом, воздух стал нагреваться, и Лаки крикнул:

– Поднимайся выше, обгорим, мы уже близко.

Кони рванули вверх, и остров показался во всей красе. Огонь выливался из воронки в море, подлетали, как мячики, огромные камни, лава стекала в океан и, шипя, застывала, соприкасаясь с морскими водами. Море огня, море воды. Не верилось, что такое возможно.

– А что, земля внутри жидкая? – спросила я. – Огненная?

– Возвратимся на берег – поговорим. Здесь, конечно, удивительно красиво, но воздух наполнен не только пеплом, но и ядовитыми испарениями. Мы сейчас бросим маячок, что мы первые, и летим обратно через портал, это быстро.

Он достал из-за пазухи какую-то бутылочку и приоткрыл ее. Из нее выскочило облачко и повисло недалеко от острова.

– Все, застолбили. Возвращаемся, – Лаки сдёрнул меня с коня, пересадил на своего, мы ухнули в какую-то яму и довольно быстро оказались на месте, откуда начали соревнования.

– Здорово. Как у тебя это получается?

– Приходится скакать. Знаешь, как часто бывает: пригони удачу туда, пригони удачу сюда, вот и приходится пользоваться порталами, хотя я больше люблю на конях по воздуху нестись. Тебе понравилось? – наконец поинтересовался Ветер.

– Спрашиваешь. Это волшебно, столько огня я никогда не видела, да и во мне такой огонь азарта пылал, чуть не сгорела, – засмеялась я. – Вот сейчас наконец чувствую, что уста-

ла, а так летела бы и летела.

– Ты умница, – и он протянул было руку, чтобы дотронуться до моей щеки, но одернул ее, как от огня, и посмотрел на песок.

Потом невнятно добавил:

– Как здорово у тебя получается путь видеть, я такого раньше и не представлял. Да и храбрая ты, не кисейная барышня, вон как моим конем управляла. Давай отдыхай. Я сейчас что-то придумаю с едой. Думаю, Бриз раньше, чем через два часа, не появится. Это у меня такая необычная проводница, а ему придётся над морем мотаться туда-сюда.

Как только Ветер скрылся из поля зрения, я разделась, забежала в море и стала смывать с себя пот и жарь. Соль впитывалась в кожу, и совершенно не хотелось вылезать на берег, хотелось раствориться в море. «Может, в русалку превратиться?», – проскочила ленивая мысль. Но море – не моя стихия. Без леса я пропаду, а вот теперь и без неба, наверное, мне будет невмоготу. Как я без него раньше жила и не понимала, насколько оно прекрасно? Но море лизало тело, наполняя его умиротворением, небо, бесконечно огромное, начинало менять краски перед закатом, а я, как маленькая песчинка этого бесконечно мира, хотела затеряться в нем и чувствовать себя счастливой.

«Какой все-таки Ветер славный, и с ним так хорошо, – укачивало меня море. – Будем вместе гонять по просторам мира, я ему нравлюсь, кажется. Он ко мне не так, как другие

люди, относится, красивой называет».

И тут я дёрнулась. Я лежала на дне, прижавшись к камню, и рассматривала свои ноги. Ужасные, огромные, с некрасивыми пальцами, волосатые. В какой-то миг меня как будто кто-то ударил по голове.

«Стой, Лотта! Умерь фантазии! Что ты себе напридумывала? Ветер? Вы вместе? Кто он и кто ты? Забыла? Он хоть на подлого и не похож, и искренне смотрит на тебя с восхищением, но, может, это на него какое-то наваждение наслали, что он не видит твоё уродство. А потом наваждение пройдет, а оно не может не пройти, и тебе будет больно, очень больно. Ты сейчас будешь радоваться жизни, а потом страдать. Ты так хочешь? Микулишна говорила: за всё надо платить. Любишь кататься, люби и саночки возить. Саночки-то тяжёлые могут быть. Если он порядочный человек, извините, Ветер, и сразу не решит бросить, то его печальное понимание, что сломал себе жизнь (хотя люди-то живут коротко по сравнению с волшебными сущностями), будет отравлять его существование. А если не очень порядочный, то отправит тебя восвояси, и останешься ты с разбитым сердцем у разбитого корыта жизни».

Маленькая волна лениво лизнула шею, словно хотела утешить, но все умиротворение и укачивающее счастье куда-то делось. А так хотелось сказки. Я ведь маленькая ещё. Мне сказки хочется. Или сказки о любви, или любви, как в сказке – в общем, запуталась. Да ладно, хочется – перехочется.

Дернула себя за несуществующую косу, щёлкнула сама себя по носу. Забудь. Вспомнились слова из песни, которую часто напевала Фрости: «Голову вверх держим, спину прямо». Справимся.

А где-то в глубине души проскакивала подленькая мыслишка: «Ну поживи сегодняшним днем, а завтра будь что будет, может, такого счастья никогда больше не испытаешь. У него наваждение, отлично, у тебя тоже. Лови момент. Момент счастья, а потом – а потом суп с котом. Зачем жить странными планами, которых, впрочем, у тебя и нет. Ты ведь не задумывалась серьезно, что будешь делать в этой жизни, лежала себе в заколдованном лесу под дубом или на берегу с Русалкой и Мавкой и ждала «принцев» в прямом и переносном смысле. Ждала, что что-то изменится, само собой. Вот изменилось, ты путешествуешь. Ты должна спасти людей из приюта. Ты летаешь с Ветром. Хорошо. А что потом. Что с принцами? Они рано или поздно возвратятся домой во дворец, а ты? Ты пойдешь дальше своей дорогой. Дорогой куда? В никуда?»

Начала сортировать свои мысли. В конце концов, что это тебя, Логга, несёт по жизни, как сухой лист. Перекатывает с места на место ситуациями, а где остановишься – неясно. Да и что хочешь, тоже неясно. Утешительная мыслишка подкатила: «Ты ещё недолго живешь, тебе можно. Потом о предназначении подумаешь».

Нет, одним днем жить не хочу, вернее, противно. Дорога

должна иметь конец или может и не иметь? Вопрос. Одни вопросы. Это что, океан на меня так подействовал – он вечный, а человеческая жизнь такая короткая, или Ветер, или понимание, что надо делать выбор? А это всегда трудно. В голову пришла особо здравая мысль: а отложу-ка я все эти мысли на утро, говорят ведь – утро вечера мудреней. Вышла на берег, оделась. Подошла к лодке, на дне валялось несколько жемчужин, не все Ветер собрал обратно в ведёрко и отнес в пещеру.

– Это теперь твоё, – сказал он мне сегодня утром.

Что и говорить, приятно получать подарки, но что делать с ведром жемчуга? Возьму на память этот десяток, они такие красивые и крупные, их приятно держать в руке и перекачивать между пальцами. Я успокоилась, отогнала мысли прочь, сидела и играла жемчужинами, смотрела на море и ждала Ветра.

Он появился как джин из бутылки, со скатертью, кучей продуктов и вином.

– Лучшее из подвалов одного правителя, – и стал расставлять эти яства на скатерти, которую бросил прямо на песке. – Ну что, ждем Бриза? Ты, наверное, голодная.

– Да, есть хочется, но давай подождём еще немножко, как-то неудобно, он там, можно сказать, над морем носится, а мы сидим и жизнью наслаждаемся.

– Лотга, ты смешная. Бриз и так все время над морем носится, утром в одну сторону дует, вечером в другую, так и

путешествует. Думаю, он скоро будет. Он пространство хорошо чувствует.

И действительно, вскоре песок заискрился, и перед нами появился взмыленный конь Бриза с улыбающимся хозяином на нём.

– В кои-то веки ты у меня выиграл. Как тебе удалось?

– У меня тоже маленькие секреты появились, – и он озорно взглянул на меня. – Лотта помогла.

– Но как?

– Я же говорю, секреты. Золотишко за тобой.

– Да золотишка не жалко, я вот рассчитывал выиграть поцелуй прекрасной дамы, а тут такой провал. Обидно, – и сделал печально умильную мордашку.

Я засмеялась и сказала:

– Прекрасная дама приглашает разделить с ней ужин, – и сама удивилась своей дерзости.

Надо же – вот так десять раз скажут, что ты прекрасная, и перестанешь верить своим глазам. Обман, самообман, а всё равно приятно. Вижу, что Ветры не лукавят, а действительно считают меня хорошенькой. Много ли страшенькой девушке надо? Забыла на время про свою внешность – и уже счастлива. Сегодня я хорошенькая, счастливая от полёта, от выигрыша, от увиденного и в компании двух парней, которые смотрят на меня с обожанием.

Вечер пролетел в разговорах и смехе. Потом я пела, а Ветры подпевали удивительно красивыми голосами. Мы пили

вино, смотрели на море, чаек, дельфинов. Было легко и весело. А солнце опять ныряло в океан, снова восходила луна, рождая дорожку, по которой так и хотелось побежать за горизонт, и звезды подмигивали нам, а особенно старалась Большая Медведица. Так и чувствовалось, что она довольна, и звезды из ручки ковша подмигивали так старательно, что, казалось, вот-вот сорвутся с неба и упадут к нам за стол.

– Правда, у нас чудесный мир? – сказала я Ветрам. – В нём так много прекрасного и мало зла.

Ветры дружно засмеялись:

– Лотта, ты чудо. С тобой радость бьёт ключом, и зло, действительно, отходит и от нас самих, и от этого места. Зла много, очень много и оно многолико, иногда трудноразличимо. Зло человеческое, особенно зависть, снедает многих людей, от неё много проблем, но сегодня не будем об этом. Такой прекрасный вечер. Утром пойдем откапывать клад, а сейчас тебе пора спать. Ты устала, ведь ты человек. Мы ещё немного посидим, а потом тоже будем отдыхать.

Да, я действительно уже засыпала. Опять за день набралось слишком много впечатлений, да и физически полет много сил отнял. Зато какой восторг, и стихия воздуха, моя стихия. Это здорово, но голова уже была тяжела и от вина, и от разговоров. Спать так спать – и я отправилась в пещерку. Там на водоросли было брошено роскошное одеяло, и лежала красиво вышитая подушка. Приятно, когда заботятся, да я и так бы сейчас уснула, хоть на камне. «Жизнь такая

прекрасная штука», – последняя мысль, которая меня посетила. И я провалилась в сон.

Разговор

После ухода Лотты Ветры опять пригубили вина – уж если пробовать чего-то человеческого, так пробовать. Хотя и были сыты по горло. Сыты чистой радостью. Счастье, восторг, который распространялся вокруг Лотты, были подобны самому изысканному блюду, и этой пищей она делилась добровольно.

– Лаки, – проговорил Бриз, – ты странно себя ведешь. Я что-то не понял, ты решил отпустить Лотту от себя? Ты понимаешь, что такое чудо появляется раз в тысячу лет? Птицедевы рождаются редко, встретить её, никому не принадлежащую и никого не любящую – это как поймать птицу счастья. Она рядом с тобой, а ты даже не пытаешься за ней ухаживать. Что происходит? Если она тебе не нужна, дай мне попробовать за ней поухаживать, а то морские русалки – они, конечно, красавицы, но хочется чего-то серьезного, хочется любви, понимания, хоть это и звучит пафосно. Вино таки ударило в голову, расчувствовался. Так объясни, что ты тянешь? Я же вижу, что она тебе нравится, так что тебя держит?

– Боги, Бриз, боги и понимание, что нельзя в угоду себе ломать чужую жизнь. Не хочу быть подлецом, особенно пе-

ред Лоттой. Она не заслуживает этого. Я не буду стараться её соблазнить и тебе не дам. Макошь сказала, что я должен постараться с ней просто подружиться, увидеть в ней личность, помочь ей стать тем, кем она должна стать, позволить разрушить проклятье. Насколько я понял, её с помощью Черногобога в малолетстве заколдовали и превратили в довольно страшенькую девочку. Это мы видим ее в истинном образе, а для людей она просто уродина. А главное, в этом образе она крыльев не сможет открыть, летать не может. Ты представляешь, какая это мука – чувствовать, что ты рожден для полета, а крыльев не иметь? Вот хоть со мной полетает. Её должен полюбить в образе страшном человек и предложить стать его женой. Понимаешь, что это проклятье является проклятием и для меня. Ты не представляешь, как это тяжело – видеть её, такую желанную, рядом и не прикоснуться к её волосам, не шепнуть на ухо, какая она красивая, не прижать к себе крепко и не отпускать никогда. Да, прагматично питаться её радостью, её восторгом – это здорово, но особенно хочется чувствовать её любовь к себе. Ветер Удачи питается эмоциями радости, а её эмоции самые вкусные для меня, поверь. Мне приходится держать себя в руках, казаться холодным, играть в друга. Я буду изо всех сил стараться им быть и доставлять радость Лотте, ничего не требуя взамен – оказывается, это тоже очень приятно. Вот так-то, братик.

– Да, Лаки, ты попал. И ещё скажи: как ты не почувствовал её раньше, как допустил проклятье? Ведь, насколько я

помню, Велес обещал, что твоей суженой будет птицедева. Где ты витал, что пропустил её?

– С ее матерью мы не встретились потому, что она жила на Буяне, а ты знаешь, туда нас не особенно пускают. Она с острова практически не вылетала, а когда вылетела, Чернобог постарался её погубить. Не пойму, почему он так старается погубить птицедев? Тут какой-то непонятный умысел, надо подумать, а то он и Лотту погубит, уже пытался. До шестнадцати лет сущность крылатая в них не просыпается, а как просыпается, так и мы их чувствовать начинаем, и другие нелюди, не всегда добродушные. Вот в чем опасность.

– Ты ей поможешь, рядом будешь, летать с ней будешь, дружить с ней будешь, может, она к тебе и потянется. А может, и полюбит ее кто из людей, а она тебя. Лаки, смотри на это позитивно. При общении с Лоттой сыт ты будешь всегда.

– Бриз, ты циник, право слово. Небольшое утешение быть сытому, когда хочется быть пьяному – пьяному от счастья. Оставили тему, мне думать надо, как дальше быть. Вот куда бы мне её свозить завтра? Сейчас пролетим над побережьем, побываем в Бхарате, а потом назад. Думаю, залетим к подножью Великих гор Каф. Покажу ей эти чудо-горы, спустаться на землю там только не будем – сейчас зима, лавины. Но очень красиво, Лотте понравится. А вино хорошее.

Возвращение

Я выпалась и встала в чудесном настроении. Мне ничего не снилось. Я как будто провалилась в сон и очнулась уже утром. Ноги немного побаливали и тело тоже, всё-таки на конях я не ездила уже пару недель. Но это ерунда. Чудесно пахло морем и цветами. Провела рукой по растрепанным волосам и пошла умываться.

На берегу обнаружила два тела, спящих в лодке. Ну ничего себе – уже рассвет, а они спят. Остатки еды привлекали чаек, а может, и мелких зверьков, и они явно полакомись нашими вкусностями. Но вина не было ни грамма. Птицы вино не пьют, значит, братики постарались, а еще Ветры – качнула я головой. Будить не стала. Знала, что Лаки редко и мало спит, пусть отдыхает, а вина ведь было немало. Пошла к морю. Умылась, побродила по песку. Тихо, только чайки кричат. Мысль в голове вдруг перенесла меня на постоянный двор. Тут, конечно, хорошо, но как там мои принцы (ну не мои, просто принцы – поправила я себя), как Клевенс, Фрости, другие? Ничего не случилось? Я тут развлекаюсь, красоты смотрю, а они там страдают. Тяжело ждать непонятно чего, надеяться на чудо, которое может и не состояться, ждать, ждать, ждать... Интересно, обо мне вспоминают? Никогда не задумывалась раньше – нужна ли я кому-нибудь, и нужно ли мне быть кому-то нужной? Знала, что с Русалочкой и Мавкой всё в порядке, что им станет в заколдованном лесу, и Микулишну он защитит. А вот о постояльцах «Приюта нужных людей» душа болела. Очень хотелось, чтобы они ре-

шили свои проблемы и остались живы. Надо будет с Ветром посоветоваться, как им помочь.

Тихо бродила по песку, заходила по щиколотку в море, рассматривала крабиков, мелких рыбок. Остановилась рассмотреть выброшенные на берег водоросли и ракушки. Ах, какая прелесть. Я никогда не видела такой красоты. Ракушки – маленькие и большие – просто валялись, засыпанные песком. Поковыряла, набрала с десяток самых разных. Вот и подарок будет для всех, вряд ли кто-то такое видел. Собранные сокровища понесла к лодке.

Мое возвращение разбудило-таки Ветров. Они смущенно потягивались и качали головами.

– Прости, Лотта, мы уж очень хорошо вчера посидели. Давненько такого не было. Еду вот не убрали, все птицы порастащили, завтракать почти нечем. Я сейчас придумаю, – подскочил Ветер.

– Голова у вас не болит? – тихо спросила я. – Вы, кажется, вчера перестарались?

– Да, что было, то было. Из головы быстро все выветрится, мы же Ветры, а вот в желудке как-то не очень, – и они весело засмеялись. – Пройдет. Сейчас заварим трав, там еще что-то сладкое осталось, перекусим и пойдем искать клад.

Клад – это интересно. Я-то думала, это так, разговор ради разговора. А оно действительно. Значит, приеду в приют с золотом. То-то все удивятся. За завтраком я себе всё время представляла, как обрадуются принцы, что в дороге без-

денежье нас не будет мучить, мы сможем купить одежду и коня для меня, сколько можно сзади Хи трястись. Клевенс заплатим, да много чего.

– Тут остров недалеко, – сказал Бриз, – там частенько пираты останавливаются. Недавно видел, как зарывали что-то тяжелое. Пиратов тут немало, торговые караваны проходят часто. Если корабль отбилсЯ от каравана, то становится легкой добычей.

Ветры свистнули, и на берегу появились кони.

– Полетели, чего время тянуть.

И мы опять понеслись над океаном.

– Вот он, «Остров Сокровищ», – крикнул Бриз и стал опускаться ниже, показывая на покрытый дивной растительностью скалистый остров.

На острове росли удивительные деревья.

– Они пальмами называются. Орехи на них съедобные, в них жидкость вкусная, жажду утоляет, и мякоть вкусная. Возьми несколько штук. Потом друзей угостишь.

Я подняла тяжеленные плоды и кинула в сумку.

– Ну, где копать будем?

– А вон под теми пальмами, на них ещё зарубка своеобразная.

– У нас же лопаты нет, – ахнула я.

– Ничего страшного, посмотри, как это делается.

Бриз отсчитал от пальмы сколько-то шагов и остановился.

– Лаки, сюда, дуем.

Они стали рядом и посмотрели на песок. Мгновение – и на этом месте образовался вихрь, разметая песок и оголяя довольно немаленький сундук. Этот же вихрь поднял сундук и поставил рядом с нами. Ещё один взгляд – и замок открылся, крышка поднялась, и мы увидели золото. Много золота и какие-то украшения.

– Лотта, это тебе, – улыбнулся Бриз. – Ты заслужила.

– Ой, зачем мне столько, мне столько не нужно, куда его дену, да и лошади тяжело будет. Давайте возьмем немного, а остальное опять закопаем.

Ветры переглянулись и дружно засмеялись.

– Лотта, ты чудная. Мы думали, ты ещё захочешь на клады посмотреть. Он на острове не один, а ты и этот-то не весь брать хочешь. Мы бы помогли его переместить.

– Мне столько не надо. Возьму немного монет, несколько красивых камней. Украшения чужие не надену, да и не ношу я украшения, хотя монисто твое, Лаки, мне очень нравится. А золота в дорогу возьму немного. Куда только положить – не знаю.

Ветер достал откуда-то небольшой мешочек.

– На, насыпай сколько надо. Лотта, знай, я как друг тебе обещаю, что ты больше никогда не будешь страдать от нехватки денег. Мне они не нужны в силу моей природы, а я могу получить их много, очень много, и мне хочется, чтобы ты ни в чём себе не отказывала.

Я стала насыпать монеты, но почему-то из всех слов Вет-

ра мне запало в душу только одно слово – друг, он как друг мне обещает. Вот, Лотта, и расставили все точки. Хорошо, что ты не стала ненужных иллюзий себе накручивать. Друг – значит, друг. Проехали. Улыбаемся, благодарим. Опять улыбаемся, опять благодарим. А что ты еще ждала? Друг – это тоже отлично. Но почему же так больно? Макошь! Больно. Дальше всё для меня было как в тумане, опять полёт к берегу океана, брызги моря, летающие рыбы и я, вовремя остановившая полёт своих чувств. Лотта, главное – вовремя остановиться в мечтаниях. Кто он и кто я?

Мы прилетели на берег, и Лаки спросил:

– Лотта, что случилось, ты такая грустная. Мы тебя чем-то обидели?

– Нет, что ты, всё просто чудесно. Просто вспомнила, что скоро должна произойти Дикая Охота, а я не знаю, как помочь людям, как найти путь, – нашлась, что сказать, и это тоже было чистой правдой.

– Ты просто сама не своя. Я чувствую, что-то тебя расстроило. А я хотел прогуляться сегодня с тобой по берегу, сходить в лес, отдохнуть. Завтра полетели бы в Индию. А в ночь Охоты я, наверно, смогу тебе помочь. Не сильно, конечно, но иногда малое тоже полезно.

– Думаю, если появится предвестник, и я буду знать день Охоты, я смогу найти путь. Это, конечно, трудно, но с нами девушки, больной и еле живой Собиратель грехов, как они выдержат? Собирателю грехов надо окунуться в реку Смо-

родину, чтобы смыть все грехи, простая вода ему уже не поможет, слишком много он на себя взял, и он может утонуть в реке под их тяжестью. Я при этом не могу бросить остальных возле Дерева и пойти с ним к реке. Ведь, как говорит Сказитель, от Дерева нельзя отходить, чтобы Охота тебя не растоптала, не смела в другой мир. Надо держаться за руки и прижимать их к стволу, тогда можно сохранить себе жизнь. А когда Перекресток откроется, нужно время, чтобы осуществилось ожидаемое. Да и после этого им трудно будет найти дорогу домой без меня. Тогда как быть с Собирателем грехов? Не могу сложить все и решить, как правильно себя вести. Время идет, я тут прохлаждаюсь, а мне надо думать.

– Лотта, прекрати себя есть. Предвестник ещё не пришел. Я даже догадываюсь, кто это будет. Он приходит редко, но уж больно у Вас интересная компания. Так и быть, мы завтра полетим назад, раз ты так волнуешься, но поверь, время еще есть. Думаю, я смогу помочь Собирателю грехов. Я постараюсь пристроиться в хвост Дикой Охоты, после Дерева Мироздания Велес направляется в Навь и пролетает над рекой Смородиной. Велес ко мне благоволит, и когда он промчится возле Дерева, я заберу Собирателя и отвезу его к реке Смородине. Только нужно, чтобы кто-то ещё с ним полетел. Ты исключаяешься, потому что явно нужна возле Дерева. Может, кто из принцев согласится, но это очень опасно. Река Смородина не просто река, она отделяет Явь от Нави. А Навь – место, где не только обитают умершие, там живут идеи рож-

дённые и не рождённые, идеи преждевременно умершие, и происходит что-то, что определяет будущее нашего мира. Я Ветер, сущность, приносящая удачу, а не философ и не Бог, я не могу прикасаться к воде Смородины, мне не позволено, но люди – заметь, смелые люди, – могут это сделать. Правда, на это редко кто решается. Раньше герои такое могли совершить. А вот сейчас где взять героев?

– Спасибо, Лаки, ты настоящий друг, – сказала я с ударе-нием на слово друг, вот только почему Ветер побледнел, закусил губу и отвернулся?

Дальше мы шли молча. Было грустно, как будто у нас что-то украли. Украли то, что мы и в руках-то не держали, но всё равно что-то очень важное для нас.

Несмотря на чудеса вокруг, этот день у нас с Лаки не задался. Мы старались не смотреть друг на друга и больше молчали. Я рассеянно рассматривала диковинные деревья, цветы, животных, а Лаки смотрел в песок под ногами и хмурился. Потом вообще куда-то улетел, сказал, что дела, и прилетел только к вечеру с едой.

– Лотга, не хмурься, надежда умирает последней.

К чему это он сказал, не поняла.

Утром я собрала все свои сокровища: ракушки, кокосовые орехи, жемчужины и золото. Мы решили лететь домой. Вдруг они там голодные без меня, зайцев-то никто не ловит, может, скучают – придумывала я себе причину быстрее-го возвращения в приют.

– Лотта, сегодня мы летим и смотрим Великие горы Каф. Шубу не забудь, высоко в горах будет холодно.

Горы становились всё выше, и всё выше поднимались наши кони. Становилось ужасно холодно. Я с головой спряталась в шубу, она тёплая, но холод пронизывал меня насквозь.

– Лаки, я замерзаю, – прошептала я тихо. – Как ты не мерзнешь, ты же даже без шапки?

Ветер улыбнулся и хохотнул:

– Я же горячий парень, извини, не подумал сразу. Буду греть.

Он легко подхватил меня, распахнул свой плащ, стащил шубу и прижал к себе. Он был тёплый, как печка, и такой родной.

– Маленькая моя, какое счастье, что я познакомился с тобой, вот только быть с тобой всегда, вероятно, не суждено. Так надо, и так должно быть, – и крепче прижал меня к себе.

Слезы, взявшиеся совершенно непонятно откуда, тихо капали на рубашку Лаки.

– Все будет хорошо, – сказал Лаки, но явно в это не верил.

Горы – холодные, величественные и равнодушные во всему – искрились на солнце. Вечные, как океан. Равнодушные, как Вечность. Я отвернулась и спрятала лицо у Ветра на груди. С грохотом сорвалась лавина и понесла невероятные массы снега, сметая всё на своем пути. Сметая надежды на любовь, вернее, зыбкую надежду на неё. Как больно, Макошь. Почему?

«Боль проходит, а жизнь продолжается», – вдруг услышала я в голове голос Макоши.

– А если я не хочу дружбы?

– А ты вспомни встречу – и передо мной появился образ Гадалки и наш разговор и мое решение

– Смотри, а вот карта выбора. Направо пойдешь – богатство найдешь. Налево пойдешь – друзей найдешь. Прямо пойдешь – любовь найдешь.

– Нет, любви мне пока не надо, я и себя-то не люблю, как могу кого-то полюбить? Пойду-ка я налево, интересно ведь, как это – друзья.

– Трудно поверить, Лотта, но мы не всеильны, ты ведь просила у Судьбы – Гадалки сначала друзей найти – нашла. Благодарю.

Мы летели дальше, а грохот лавины оставался позади. Боль потихоньку отпускала сердце и таяла, как снежинки на щеках.

Потом была ночь и опять утро, горы остались позади, и мы опять летели над такими родными равнинами, покрытыми снегом, потом появились леса, и я обрадовалась дубкам и березкам, как родным, а вечером мы были в приюте.

Кони опустились посреди двора, и я выпала из саней. Устала, засиделась. Потопала ногами. Почему никто не встречает? И тут дверь распахнулась, и оттуда сломя голову первыми выскочили принцы и бросились ко мне.

– Лотта, – только и сказал Карен и бросился вперед, об-

нял, поднял в воздух, – ты вернулась! Ты вернулась! С тобой всё нормально? Он хорошо с тобой обращался? Не обижал? – пристальный взгляд на меня и очень неодобрительный на Лаки.

– Не волнуйся, Хи, все нормально. Ветер замечательный, я столько всего увидела и даже денег привезла, заработала.

Хи поменялся в лице. На лице появилось брезгливое выражение.

– Чем заработала? Тебе заплатили за что?

– За мою работу, – не поняла я.

Тут встрял Ветер, который тоже поменялся в лице.

– Если у тебя, Карен, идиотские мысли в голове, то я вызову тебя на дуэль. Лотта – лучшая девушка, которую я встречал, а ты – ты просто недоумок.

Ветер и принцы стояли друг против друга и пожирали друг друга негодующими взглядами.

– Ну-ну, молодые люди, успокойтесь, – вмешалась в непонятную для меня ситуацию Клевенс. – Лотта, Ветер, заходите – налетались, устали, наверное. Ужин готов. Так хочется услышать рассказы о далеких краях. Никто ведь из нас там не был.

Я кинулась на шею Клевенс.

– Ты не представляешь, как там было здорово, необычно, я видела океан, горы, вулкан, мы нашли клад, и я помогла выиграть в гонке. Я привезла вам всем подарки и очень скупчилась, и переживала за вас. Столько всего произошло, даже

не знаю, с чего начать. Но что это я всё про себя, а вы как? У вас всё в порядке?

– В порядке, Лотта, в порядке, заходи. Ветер, заходи.

Хмурый Ветер, вызывающе и сердито посмотрел на принцев и сказал:

– Мне надо лететь. Если кто её обидит – голову оторву.

Он вынул мои вещи и поставил на снег.

– Не забудь их, Лотта. Я скоро залечу. Всего тебе хорошего.

Развернулся, вскочил в сани и умчался прочь.

– Клевенс, – недоуменно спросила я и перевела взгляд на принцев. – Что это было?

– Не переживай, Лотта, это называется «мужские игры на свежем воздухе», со временем у них это проходит, когда мудреют, вернее, если мудреют. Пойдем в дом.

И укоризненно глянула на принцев.

– Не ожидала от вас. Стоит извиниться и перед Лоттой, и перед Ветром.

Вскоре, умытая и переодетая, я сидела за столом и показывала свои сокровища. Девушкам я подарила камешки. Они пришли в тихий восторг и ахали, вертя их в руках. Даже Фрости улыбнулась.

– Синий красивый. Как птица счастья.

Ракушки тоже привели всех в восторг. Таких даже во дворце у принцев не было, только Богуслав подобные видел, когда плавал.

Потом мы пили молочко из кокосов, ели их мякоть, и я рассказывала до самой ночи про Бриза, лавину, дельфинов, летающих рыб, лаву, новый остров, поиски клада.

– Девочке пора спать, – прервал меня Сказитель и погладил по голове. – Она устала от впечатлений. Вон как её сказка разворачивается. Чудесная сказка будет, Лотта, я это чувствую. А теперь спать, – и улыбнулся.

Несколько последующих дней прошли, как и перед моим путешествием, только отношения с принцами были какие-то натянутые, и я не понимала, почему. Что-то не так, но что – непонятно. Всем и подарки, и рассказ понравился, а эти сидели хмурые и ни слова не сказали – интересно им меня слушать или нет. Буркнули спасибо – и все. Не понимаю, может, со временем само прояснится. Мало ли что у них случилось.

Предвестник, или приход Ветра Перемен

На улице холодало, снег становился всё глубже, доставать зайцев становилось всё труднее, а главное, я не знала, как нам по таким сугробам идти к Перекрестку. И тут я вспомнила: у Микулишны были такие своеобразные снегоступы, сплетенные из веток ивы. Она их зимой надевала, когда в деревню ходила. Надо будет сделать.

Мы с Богуславом пошли к речке и нарезали кучу веток. Хотя они были немного хрупкими, вполне подошли нам, а для прочности мы связывали их веревочками. Все были при

деле, плели снегоступы и ждали предвестника. И он появился.

На улице мело, и мы радовались, что дома тепло. Клевенс вышивала салфетки и говорила, что ей надо спешить, а то вдруг не успеет вышить до похода на Перехлестье, а салфетки с собой надо взять. Сказитель рассказывал истории про богов, героев, просто людей, я доплетала снегоступы. Время близилось к ужину.

Кажется, дверь даже не открылась, а может, мы не заметили, как она открылась, но на пороге стоял парнишка лет десяти, курчавый, с озорными глазами.

– Приветствую, – сказал он, – что смотрите удивленно, как будто не ждали? Кто тут ждет предвестника?

Мы обмерли. Кто хлопал глазами, кто вскочил, не понимая, что происходит. Мальчонкой предвестника никто не представлял.

Он спокойно шагнул к столу, сел на стул и сказал:

– Я предвестник и должен вам сообщить, что через три дня над Перехлестьем пролетит Дикая Охота. Вы должны быть готовы, собрать всё, что нужно, и настроиться на то, что легко не будет, а будет очень опасно: можно замёрзнуть, заблудившись в лесу, погибнуть, увидев летящих охотников, и многое другое.

Всё сказано было очень четко и резко, без лишних эмоций.

Сцена «не ждали» продолжалась. Конечно, первой на-

шласть Клевенс.

– О, наш молодой гость, мы рады видеть вас за нашим столом. Разделите с нами трапезу. И мы были бы очень рады, если бы вы представились. Мы ждали предвестника, но это всегда так неожиданно.

Мальчик захихикал. Поднялся, кивнул и с небольшой издёвкой сказал:

– Хочу представиться. Я Ветер. Ветер Перемен. Прошу любить и жаловать.

Клевенс не растерялась и представила нас всех.

– Разделите с нами ужин, пожалуйста. Так хотелось бы поговорить с таким легендарным Ветром. Вы у нас не такой частый гость.

Мальчонка пододвинул к себе тарелку и сказал:

– Я рад этому. Да, действительно, мне здесь не часто приходится пролетать, вот в другом мире только и успевай мотаться туда-сюда, одни перемены.

– Но это же отлично, что перемены, – сказал Ха. – Однообразие так тягостно, хочется нового, неожиданного.

Ветер Перемен скептически посмотрел на него.

– Да. Перемены. В которых кричат «Безумству храбрых поем мы песню», в которых поют «Весь мир насилья мы разрушим до основанья, а затем мы наш, мы новый мир построим, кто был никем, тот станет всем». Поют и меняют, и радуются, потому что не ведают, что творят. Все в молодости ждут и зовут перемены. Когда же взрослеют, понимают, что

Ветер Перемен, как и любой другой ветер, не для всех бывает попутным. Меня не любят и не ждут мудрые – они знают, что, когда дует ветер перемен, земля и всё вокруг часто покрывается яблоками раздора. А когда ветер перемен достигает ураганной силы – много унесённых ветром.

Я глядела с удивлением на мальчонку, поражаясь его совсем не детским словам, и совершенно незаметно для себя поняла, что мальчика-то нет. И вообще, был ли мальчик? Перед нами за столом сидел мужчина средних лет. Он подмигнул мне:

– Я разный, я же Ветер Перемен. Не удивляйтесь. Когда вокруг хорошие люди, и можно отведать немного радости, чистой, не алчной, я молодею, когда говорю назидание – взрослею, а от отчаяния, усталости и горя старею, видя, что за перемены я принёс, и как ими воспользовались. А я много видел, очень много. Вот с вами мне хорошо, я чувствую, что подогнал к вам перемены, которые, вероятно, улучшат ваши жизни, возможно, принесут радость, а ведь бывает по-разному. Мы, Ветры, не отвечаем за перемены, мы их подгоняем, приносим, а что с ними делают люди – другой разговор. Вот ты, Логга, ждала у своего озера перемен, хотела увидеть мир, переживала, что ничего не меняется, что опять ветер перемен дует не в ту сторону. А думала ли ты, что придется отвечать за людей, а не только за себя, брать ответственность, решать, что делать? И это самый простой случай. Это одного человека судьба. А если целого государства? Люди кричат –

мы устали так жить, хотим другого, хотим перемен. Докричались. Перемены пришли, и что? Кому ветер перемен, а кому вихри враждебные! Свергли царя – свобода, радость, мир, труд, май. А что с этой свободой делать, подумали? Война, смерть, нищета, разруха. Гибель миллионов людей. И так революции за революциями, и хоть бы одна реально что-то изменила к лучшему.

Удивленно глянул на нас:

– Не знаете, что такое революция? Счастливицы. Счастливицы, что вы этого слова не знаете. Ненавижу его. В том мире, где я чаще всего обитаю, у одного мудрого народа одним из самых страшных пожеланий врагу и проклятием являются слова: «чтоб ты жил в эпоху перемен». Вот так. Устал я от этого. Извините, сегодня какое-то назидательное настроение. Расскажите лучше, что хотите получить, может, что подскажу. Я многое видел. Хорошо, что я, как все Ветры, ветренный, не всегда и не все, что вижу, беру в голову, иначе давно бы сошел с ума. Я, наверно, один из худших Ветровичей, очень много смертей и горя приношу. Самум горячий песок приносит, засыпает этим песком поселки, но люди к этому готовы, знают, что от него ждать, прячутся. Буран вьюгу на севере поднимет, так от неё спрятаться можно, если не в открытой тундре он тебя застал. Или когда Шторм на море прилетает, его появления предвестники есть, к нему готовятся, паруса убирают. Бывает, конечно, что корабль на скалы налетел, экипаж утонул, но это не тысячи людей поги-

бает. От всего, что другие Ветры приносят, хоть небольшая защита есть, к ним можно подготовиться и спастись, если мудро себя вести. Только от больших перемен, что я приношу, не спрятаться. Я бы уже давно впал в депрессию от осознания своей причастности к приносимым неприятностям, если бы не знал, что больше меня смертей приносит только Ветер Свободы. Многие мечтают о Свободе: одни – как ее получить, другие – как ее отнять.

Он глянул на нас, таких растерянных и грустных от его слов, и хмыкнул:

– Не вешайте голову. Перемена перемене рознь. Главное, в чьих она руках и чему служит. Судить не буду, не судья я, сейчас я предвестник перемен в вашей жизни. Однако интересно, занятая у вас компания. Хотелось бы узнать ваши истории.

Он слушал истории Фрости и Бездушного, Предназначенной, Фантома, Клевенс, Каящегося, принцев. Слушал внимательно, не комментировал. Только улыбался. По-доброму.

Когда рассказывала Предназначенная, он поднялся, подошел к ней, положил руки и на плечи и сказал:

– Молодец, Есения, храбрая девочка. Приятно встречать таких на своём пути. Благодаря таким неравнодушным и бескорыстным, наверное, мир и жив до сих пор. Ты будешь счастлива. По-своему.

После моего рассказа почему-то долго молчал, а потом сказал:

– Ты, Ловелия, маленькая еще, а груз нести придётся тяжёлый. У тебя в голове сейчас дружба, любовь и ещё много путаного намешано, а к тому, что перед тобой будут стоять трудные судьбы и трудные вопросы, ты ещё не готова. Отвечать за многое придётся, трудные решения принимать. К этому просто так не подготовишься. Учиться негде и не у кого. Думай, Лотта, много думай, не бери ничего на веру. Сама во всём постарайся разобраться. Сложно это – брать ответственность за судьбы других на себя. Будем надеяться, у тебя получится. Мы с тобой ещё встретимся, я помогать тебе буду. Дружи с Лаки, он хороший, тоже поможет, в беде не оставит.

Я смотрела и не очень понимала, о чем говорит мне Ветер. Вроде и обо мне, и как будто о ком-то другом. Я тут, а этот ответственный где-то. За что я отвечаю – за путь, может, за поход нашей компании к Мировому дереву, а еще за что? Зачем он мне решение за какие-то чужие судьбы приписывает? А Ветер, посмотрев на Хи и Ха, продолжал:

– Сейчас вы вместе, а судьбы разные. Разведёт вас, по мирам разведёт. Каждому мудрости желаю. Тебе, Михел, особенно желаю для себя мудрости искать. Горяч ты больно и мало думаешь. Занести не в ту сторону может. Игры с людьми – опасная штука. Запомни это. Я предупреждаю, не забудь совет. Хотя кто в таком возрасте советы пожилых людей слушает.

И я действительно увидела, что перед нами стоял доволь-

но пожилой мужчина. Смотрел на Ха грустно.

Тут я не выдержала и спросила:

– Уважаемый Ветер Перемен, Вы, наверно, ясновидящий, раз всё знаете?

Ветер долго смеялся и сразу помолодел.

– Уела, Лотта. Уела. Я не ясновидящий и на роль Демиурга тем более совершенно не претендую, но скажу просто – я видел очень много людей и событий, поэтому умею из увиденного и услышанного делать правильные выводы. Вы ведь рассказывали о себе, а это информация, вот я её и использую. А о тебе Лаки много чего порассказал. Дружи с ним.

Затем он обратился к Сказителю:

– Очень прошу тебя об одном деле. Ты много видел и хорошо разбираешься в людях. Твои сказки гуляют по этому миру. Сказка, которую ты напишешь, будет нужна и полезна, и многие будут на ней учиться, но плохо будет, если героиня сказки окажется несостоятельной в жизни. Поэтому прошу тебя, позанимайся с Ловелией, научи её разбираться в людях. И ты, Собиратель грехов: вижу, что в тебе проснулась надежда, что удастся выжить, окунувшись в реку Смородину. Даже человеку, наполненному такой грязью, какой наполнен ты, всё равно хочется жить, что удивительно. Девушки тебе помогут.

– И ты, Карен, – продолжал Ветер, – должен тоже заниматься с Лоттой. Будущий король должен не только усваивать знания, но и научиться их передавать. Всё, что зна-

ешь об устройстве этого мира – государство, люди, политика, право, география – должно быть изложено в курсе молодого бойца. Это я так образно выражаюсь. Она росла и воспитывалась, как подзаборная трава. Считайте, что это плата за то, что я пришёл. После возвращения с Дикой охоты – восемь часов занятий ежедневно. Приказ. Не обсуждается.

Внутри зрело возмущение. Я, конечно, не против образования, но почему так резко и почему моего желания не спросили – я и на охоту должна ходить, и Клевенс помогать, да и не умею я учиться, никогда этого не делала.

– Лотта, не паникуй, – сказал Ветер. – Я резкий: прилетел, раздачу устроил, улетел. Но поверь, так надо, Лотта. Иначе будет плохо и тебе, и другим. Тебя надо научить мыслить, не принимать в дальнейшем на веру чужие знания, а научиться думать и понимать происходящее. А наш мир будешь и дальше изучать с Лаки, он покажет его тебе. Времени у вас немного, только до конца зимы. Поэтому примите не просто как пожелание. Весна придёт, будет путь с принцами дальше, там учиться будет трудней. А сейчас, чтобы не быть таким жестким, я вас порадую. Я могу переписать, если найду нужным, один день вашей жизни. Только один, какой захотите, но на размышление об этом дне даю пять минут. Сразу отвечаю, почему так мало. Если этот день особенно важный для вас, вы вспомните об этом сразу, а если просто – хорошо бы изменить, то ли этот, то ли вот тот – значит, неважно. Всё, время пошло. После истечения пяти минут все говорят:

хочу или не хочу. Даже лучше так: желающие переписывания становятся по правую руку, а нежелающие – по левую. Таймер включен.

Мы не поняли, что такое таймер, но стали усердно думать. Я сразу поняла, что такого определенного дня у меня нет. Даже если исключить тот день, когда я потеряла память, тот, кто хотел этого, пришел бы в другой день. В общем, менять один день в своей жизни я не хотела.

– Пять минут прошли, – сказал Ветер.

По левую руку от Ветра стояли почти все – и Фрости, и Предназначенная, и Принцы, и Клевенс, и Кающийся, и Бездушный, и Собиратель грехов, а по правую переместился один Сказитель, и неожиданно Фантом подлетел.

– Ожидаемо, ожидаемо. Хоть я проделываю это действие крайне редко, но не сильно рискую изменить развитие истории. Как показывает опыт, одним днем изменения редко довольствуются, вот периодом – это да. Да иногда, когда ситуация проясняется, и переписывать ничего не надо. Но начнем сначала. Например, ты, Фрости, уверена, что, если бы ты захотела разминуться со своим будущим мужем, одного дня тебе было бы мало. И его появление в деревне, и ваше знакомство неминуемо бы состоялись, желание влюбиться у тебя имелось, а значит, тут одним днем не отделаешься, тут надо было сначала уметь. Но в семнадцать лет так трудно понимать людей. Рад, что ты не обольщаешься. Ошиблась, да, но все почему-то учатся только на своих ошибках. Так же

и потерявший душу.

Он обратился к Бездушному:

– Борислав, скажи, для тебя ведь важно было добиться невозможного, а не так уж важна была девушка. Не морщись, понимаю, была важна, но, зная парней, могу сказать – ты и ей, и прежде всего себе хотел доказать, что ты всё можешь и всего достигнешь, несмотря ни на какие трудности. Ага, киваешь – правда, значит. С тобой, Предназначенная, понятно. Тебя менять нечего, ты живёшь будущим, как и принцы, как и Лотта. Кающегося один день не спасёт, ему всю свою жизнь с момента взросления изменить нужно, чтобы себя не съесть. Клевенс мудра и понимает, что жизнь не одним днем определяется. Даже Собиратель грехов ничего изменить не хочет, к такой жизни его вел долгий путь, это выбор не одного дня, хотя, возможно, выбрать ему сильно помогли. Вот уж не знаю предысторию, хотя интересно, но ему сейчас тяжело говорить, потом расскажет. Да вы ему санкции какие-то сделайте, он ведь сам не дойдет до дерева, его тащить придется. У вас есть санкции? Подумайте об этом. Возвращаемся к желающим изменений. Рассказывай, Сказитель. Трудно? Это тебе не сказку сказывать, своя жизнь трудно поддается анализу.

Сказитель вздохнул и начал.

– Стояли мы с песнярами в одном городе, – Сказитель еще раз вздохнул. – Ухаживал там я за одной девушкой симпатичной. Гуляли, целовались и всё такое. Веселая она была и

ласковая. Не понял тогда, что она не совсем такая, как другие, с которыми встречался. Я встречи с ними всерьез не воспринимал – девушек много, имена у них разные, а суть и имя у них одно – «Забавы». Так вот про неё. Давно это было, и она, наверное, и не помнит меня, да замужем поди давно. Просто погулять себе позволил добрый молодец. Семейей себя обременять не хотел, хоть и не такой уж и юный был, лет тридцать стукнуло, поди. Мне казалось, что впереди у меня много всякого важного: приключения, песни, люди, города, встречи, дороги, развлечения – в общем, жизнь вольная, рано о семье думать. Она умная была, когда меня песняры опять в дорогу позвали, сказала: «Иди, Любим (мать меня так при рождении назвала – красивый, значит), прощай, плакать не буду, не держу тебя, ветер в чулане не запрёшь и воду в решете не унесёшь. Что бросишь, с самого начала понимала, проклинать не буду, просто скажу: вижу тебя уже не юношей на постоялом дворе зимой, вокруг люди, у них счастье впереди, и ждут они его, а ты ничего не ждешь, кроме новой сказки, и завидуешь им, и больно тебе, а изменить уже ничего не можешь. Иди, не держу. Скатертью тебе дорога». Развернулась и ушла. А я часто о ней думаю, особенно зимой, а этой зимой так вообще всё время видится наше расставание. Прошу тебя, Ветер, этот день расставания переписать. И остаться с ней могу, и с собой в дорогу забрать могу. Тепла её мне не хватает. Поумнел. Потерял я её в один день – вернуть хочу этот день и всё исправить, если получится.

Можно?

– Не повезло тебе, Сказитель, то бишь Любим, с моим обещанием. Переписывать не буду. Просто поезжай туда. Сын у тебя, уже десять лет ему. Хороший мальчик, умный. Отец ему нужен. Трудно Любаве одной воспитывать, хоть и сильная она, и мудрая, а тяжело пришлось. Что смотришь? Не ждал? Не думал? Если так страдал, почему в тот город не наведался? Всё от своих грехов прятался? Увидеть и устыдиться боялся? Мог бы я, конечно, просто так вернуть тебя в тот день, да ведь разве изменился бы ты, если бы не передумал за эти годы обо всем длинными зимними вечерами, не выстрадал в своём одиночестве. Можешь на меня обижаться, но Ветер Перемен – переменчивый, значит, – хозяин своего слова. Захотел – дал, захотел – взял. Нельзя тебе тот день переписывать, и ты понимаешь, почему. Весна придет, сам всё будешь пытаться исправить. Что легко дается, не ценят.

Сказитель вздрогнул. Вот уж не думала, что ему около сорока лет, мне он казался почти стариком. Хотя Микулишна смеялась и говорила, что для тех, кому шестнадцать, люди старше двадцати пяти стариками кажутся.

– Ветер, а ты откуда Любаву знаешь? – еле слышно спросил Сказитель.

– Как откуда, весть ей принес про перемену в её жизни, что беременная она. Она спокойно новость восприняла. Приятно вспомнить ее – красивая женщина, сильная. Поблагодарила и сказала, что справится и, хотя родители могут её

за это из дома выгнать, всё равно справится. Помню, посмотрела на меня и сказала: «Если я с этой проблемой не справлюсь, то кто? А на людей мне плевать. Ребенок мой, и я смогу его на ноги поставить. И прокормлю, и одену, и выучу». И, кстати, так и вышло. Я, когда интересных и сильных людей встречаю, с удовольствием к ним просто так залетаю. Она до встречи с тобой хорошо шить умела, так ещё подучилась, наряды, что из-под её рук выходят, и в столице надевают по праздникам. Не бедствует она совсем. Сватались к ней многие. Красивая, умная, спокойная, работающая, к таким и под каблук можно, и просто рядом находиться хорошо. Только обожгла её любовь, не верит мужикам. Сердце как у Фрости у нее – не замёрзло, но больше в него никого из мужчин не пускает. Так что не знаю, хватит ли тебе всего твоего таланта сказителя, чтобы её внимание вернуть.

– Я не знал об этом. Много женщин на моём пути встречались. Многих, наверно, обидел. Не хватило ума понять, что Любава особенная. Что-то подсказывало: присмотришься, неправильно делаешь – и всё равно оставил.

– Проси мудрости, Любим, думай, время еще есть, дорога отсюда для тебя после зимы откроется. Ищи мудрости и с Лоттой занимайся, это уже моя просьба.

И он обратил внимание на Фантома.

– Ну, здравствовать и тебе, Святослав, что здесь Фантомом кличут. Баловень судьбы и женщин, придворный повеса. Рад видеть тебя, даже в этом теле. Пусть другие не слы-

шат, а я – то тебя слышу отлично. Знаю, как ты тело-то потерял. Просишь не говорить, а почему? Пусть знают, у нас здесь все свои тайны наружу выложили. Тебе перед Клевенс стыдно? И ты до сих пор ей не рассказал о своей глупости? Когда ты по пьяни в карты душу проиграл своему другу и собутыльнику, недоученному магу, и он по недоумию не душу взял, а тело, а что ему с бездушным телом делать – не знал, поэтому его в другой мир и сплавил. Там таких бездушных тел валом. Это в этом мире тело без души погибает за два месяца, а в том бездушные живут лучше тех, что с душой. Несильно мучаются, даже наоборот, гордятся. Бизнес на крови делают, войны ведут, да всего и не перечислишь. Тело твоё там живехонько и здравствует, политикой занимается, так что сюда его трудно будет заманить. А вернётся тело – так может возникнуть конфликт с душой. Странно с ней дела обстоят. Уж больно сильное противоречие между поведением души и тела, этому только одно объяснение может быть – к тебе прежнему ещё одна душа прицепилась, ладно подумаю об этом потом. Нужно будет просить не просто тело вернуть, а чтобы оно ещё забыло, какие темные делишки в отсутствие души делало. А в этой ситуации и раздвоение личности может начаться, тебя ещё в шизофрении обвинят. В дурку, то бишь в сумасшедший дом, посадят.

Я слушала монолог Ветра и понимала, что он явно издевался над Фантомом. Зачем он так? Мне было искренне жалко Призрака, он так нежно пытался бестелесными руками

дотронуться до волос Клевенс, разговаривал с ней, старался всегда быть рядом. Может, он и не совсем правильный в своем теле, но мне казалось – он хороший, сейчас хороший.

– Ветер, – вдруг вступила в разговор Клевенс, – я понимаю, что он, может быть, заслужил придирок, но мне нравится Фантом, и я хочу, чтобы он стал нормальным человеком. Ты перепишешь тот его злосчастный день?

– Клевенс, ты мудрая женщина и должна понимать, что днём изменения в этой ситуации не отделаешься. Ну, предположим, – в тот день он выиграет, не лишится тела. Что изменится в сущности повесы и игрока Святослава? Если вычеркнем этот день его жизни вовсе, ты понимаешь, что отсутствие этого дня опять ничего не изменит в его личности. Я ведь день жизни переписываю, а не новое сознание в него вкладываю. Надо думать, право, не знаю. Впрочем, у тебя больше, чем у кого-либо, имеется и сил, и возможностей в решении проблемы. Любовь, она сильна, и душа его сейчас любит – значит, хочет быть лучше. А ты, наuzziца Клевенс, вышей ему то, что вдруг тронет его ум, о чем он мечтал в глубине сердца, что может быть дорого ему, важно для него, чтобы душа его победила в этом противостоянии и вытеснила всю грязь, в которой он крутился. Ты ведь можешь?

– Ветер, я для себя не могу ничего, и не я образы для салфетки придумываю, они сами приходят и на ткань ложатся. Но я буду просить мудрости и откровения. Спасибо тебе. Понимание ситуации лучше глупой надежды на авось. Спасибо.

– Всем пока, не знаю, когда увидимся, работы много, не успеваю. Просите Лаки удачу вам подогнать, она вам пригодится. Санки мастерите и одевайтесь как можно теплее.

Сборы

Дверь даже не скрипнула, а Ветра уже не было в гостиной. Прилетел, наговорил и улетел. Сиди и раздумывай об услышанном. Три дня – это так мало. За что хвататься в первую очередь?

Клевенс схватилась за салфетки и вышивала всю ночь. Она решила идти с нами. Была уверена, что её присутствие будет необходимо для Фантома. Да и Сказитель, который раньше собирался дожидаться нас дома, решил идти с нами. В общем, шли все – и женщины, и больные, и призраки, а я была ответственной за дорогу. Чудная компания. Ночью я почти не спала, было страшно, мысли скакали. Я должна ночью, зимой, в мороз и снег вести людей неведомо куда. Вдруг заблудимся? За себя страшно, а тут столько людей. Как они могут мне доверять, я себе и сама-то не доверяю? С трудом провалилась в сон.

Утром началась суета. Организационные дела взял в свои руки Хи. Собрали немного провизии на всякий случай. Оборудовали санки, утеплили. Просмотрели всю теплую одежду до мелочей. Проверили, у всех ли нормальные рукавицы, шапки, обувь. Свою шубу отдала Собирателю грехов, он бу-

дет сидеть не двигаясь, значит, замёрзнуть может в первую очередь. Мне одну из своих шуб дала Клевенс. Она почти всё время не выпускала иголки из рук. По хозяйству хлопотала Фрости, ей помогала Предназначенная. Я, наверное, каждые полчаса выходила на крыльцо и, поворачиваясь в разные стороны, пыталась увидеть путь. Но усилия были напрасны. Пути не было.

Отношения с принцами наладились, мы опять были при деле, дуться и думать глупости не было времени, да и вся мелочная суета отошла в прошлое. Наш маленький отряд был готов в путь. По решению Хи впереди пойду я, меня будет страховать Хи, за ним, держась за верёвку, чтобы не потеряться, пойдут Кающийся и Бездушный. Они будут везти санки с Собирателем грехов, за ними – Клевенс, Фантом будет лететь за ней, потом Сказитель, потом цепочкой Фрости и Предназначенная, а замкнет шествие Ха. Все связаны веревкой, чтобы не потеряться. Все было готово, только пути не было.

Знаменательное событие произошло в конце второго дня.
– Прошу всех подойти к общему столу. Это важно, – вдруг сказала Клевенс. – Я должна раздать салфетки за сутки до события, вам надо переночевать с ними, положив под подушку, таков ритуал. О смысле не спрашивайте. Не знаю. Просто так положено.

Мы приблизились к столу и напряженно ждали.

– Предупреждаю, я не знаю, что означает каждая вышив-

ка, некоторые явные, некоторые догадки, некоторые, как у Ха, совсем непонятные. Когда наузлие сработает, я тоже не знаю, но оно сработает. Начнем с явных. Тебе, Карек-король, выпадает трон. Про это ты и сам знаешь, и судьба знает. Прими подарок, Король. Предназначенной вышили кисти и краски, тоже довольно явно, она рисует, может, станет художником, но редко всё происходит так явно, как вышивается. Прими салфетку, Предназначенная. Сказитель, тебе вышилась книга, что понятно, и дом.

Она улыбнулась:

– Неужели обретишь постоянное пристанище и меньше будешь бродить по дорогам мира? Сказитель, ты, наверное, уже не помнишь, когда у тебя был свой дом? Одна дорога и постоянные дворы?

Затем продолжила:

– Фрости, тебе вышилась птичка. Почему – непонятно, но думаю, вскорости выясним. Счастья тебе, Стеша. Тебе, Бездушный, выпало сердце. Это любовь, хоть ты в неё теперь и не веришь. Но она есть. Ты жил страстью и тщеславием. Если придет любовь, ты будешь счастлив. Я знаю. Для тебя, Ловелия, несколько непонятная вышивка – это крылья, белые, как у птицы. Может, ты улетишь с Ветром Удачи, а может, это просто полет фантазии – не знаю. Интересно будет узнать. Надеюсь, встретимся ещё, земля круглая, и пути пересекаются. Хотелось бы увидаться с тобой, да и всеми, кто тут у меня живет. Для тебя, Фантом, тоже странная вышив-

ка. Это младенец. Может, ты впадешь в детство в результате противостояния души и тела, может, ещё что – не знаю. Хочу, чтобы ты стал нормальным человеком. Для тебя, Кающийся, тоже дом, в котором живёт много людей, видишь – много окон. Твой это дом, Чеслав. Будешь ты в нём просто жить или содержать этот дом, непонятно, но нити так легли. Прощенье тебе получить, а там видно будет. Тебе, Собира- тель грехов, видать, не изменить совсем твоей судьбы. Доро- га тебе вышилась, но на ней ты не один. Видишь, девушка с тобой идет. Вместе вы идете. Может, тебе от этого легче будет. Как знать, как знать. И совершенно непонятный образ выпал для Михела. Вот смотрите, может, кто такое видел. Неисповедимы нити моей работы. Будем надеяться, что это скоро прояснится. Удачи тебе, Михел, – и она показала нам салфетку.

На ней был вышит какой-то странный предмет, довольно сложный и никем не виданный.

Мы поблагодарили Клевенс и стали удивлённо рассмат- ривать салфетки. Достаточно понятными были только зна- чения вышивки, сделанные для Хи и Предназначенной, а остальные картинки вызвали оживлённое обсуждение. Каж- дый предлагал разные варианты. Рассматривая мою салфет- ку, многие соглашались с Клевенс, что я буду летать с Вет- ром Удачи. Принцы при этом морщились. Есения – Предна- значенная – предполагала, что это аллегория и обозначает полет фантазии, а мне мечталось, что у меня действительно

вырастут крылья, и я смогу сама подняться в небо и полететь, как птица. Мечтать ведь не вредно.

Вечер сам собою перетек ночь, но никому не хотелось расходиться, пытались как можно дольше поговорить на отвлеченные темы – только бы тема не касалась завтрашней ночи, а сегодняшняя ночь не пугала своей неопределённостью.

Всё получилось! Путь к дереву

С утра погода испортилась окончательно. Шёл снег, дул ветер, и мороз становился все сильнее. Я периодически выходила, смотрела в разные стороны и искала хоть какие-то наметки на путь. Ничего не было. Обедали мы в полной тишине. На Собирателя грехов и Бездушного все старались не смотреть, понимали, что если ничего не решится, эти двое вскорости умрут. На меня тоже старались не смотреть, а я не поднимала голову от тарелки, чувствовала себя без вины виноватой и не знала, что делать. Снег не прекращал сыпать, заполняя собой все пространство вокруг. Мы ждали. Стало сереть – близились сумерки. Настроение было соответствующее – нервное, мрачное, почти отчаянное.

Хи поднялся из-за стола и сказал:

– Всем быть готовыми. Как только сумерки настанут, будем выдвигаться. Я уверен в Лотте. Она поймает путь. Надо просто начинать двигаться. Хватит жалеть себя, нажалелись.

Вскоре все были готовы и одеты, бутерброды нарезаны,

сани готовы, снегоступы лежали наверху.

Хи сказал:

– Выдвигаемся, идём в направлении на восток, почему – не знаю. Кто не согласен, аргументируйте.

Никто не стал возражать в этой ситуации, ведь только один человек смог взять какую-то ответственность на себя. Все выстроились в цепочку, как планировали, обвязались веревками, чтобы не потеряться в пурге и темноте, и пошли. Дошли до опушки леса, я остановилась и опять стала смотреть. Было почти темно, снег слепил глаза и налипал на ресницы. Начала вертеть головой и... вот оно: впереди вдаль выстроилась маленькая, чуть заметная в метели гирлянда из огоньков. Я замахала руками. Все радостно замахали в ответ, поняли. Хи обнял меня.

– Ты молодец, Лотта, идем.

Как будто мы уже пришли, как будто кто-то знал, сколько времени идти до Дерева и вообще – дойдем или.

Мы шли. Останавливались, прижимались друг к другу, сметали сугробы снега с головы и одежды, растирали руки и носы, чтобы не обморозиться, но шли, не видя даже человека, который стоял рядом, крепко держась за веревки. Я жутко устала, хотелось лечь и не двигаться, но вспоминала, что надо, надо, должна.

«Спасибо Хи, он держит меня, а как остальные? – думала я. – Каково парням ещё и сани тащить, каково нежным девушкам, которые и на улицу зимой лишний раз не выхо-

дили?» Мы шли всё медленнее, но главное – шли. Время тянулось бесконечно, а вот силы были на исходе. Будет ли эта охота? Кажется, уже скоро утро, а мы всё идем, и останавливаться нельзя.

И все-таки мы дошли. Впереди показалось что-то невероятно огромное, уходящее в небо, насколько было видно в этом снежном кошмаре. Морана точно не хотела допустить нас к Дереву Мироздания и бросила и снег, и ветер, и мороз против нас. Но мы пришли. Это была первая победа.

Дерево было необъятным, с корявой корой, толстенными ветвями. Но оно как будто нам обрадовалось, ветер качал ветви, а мы смотрели – и казалось, что оно нас приветствует. Мы спрятались за стволом от ветра и вздохнули. Странно, но возле Дерева было теплее и почти не дуло, снег падал спокойно и не слепил глаза. На небе в просветах туч появилась огромная серебристая луна и с удивлением посмотрела на нас – кто эти букашки, что сгрудились возле великого Дерева, как посмели? Но Дерево опять шевельнуло ветвями, как будто говоря: они со мной, мои гости. У нас появилась надежда. Стали осматривать друг друга – не обморозился ли кто. Есения подошла к Собирателю грехов.

– Лотта, посмотри, он не открывает глаза и совсем белый. Он не умер?

Я с ужасом глядела на этого человека. Он был не просто белый, а синий. Неужели умер перед самым Деревом? Невроятно. Столько ждать, столько мучиться и умереть вот так,

на пороге спасения. Меня объял ужас и отчаянье.

– Подожди, Лотта, не отчаивайся, – сказала Есения, стащила рукавицы с себя и Собирателя и стала тереть его руки.

– Есения, – ойкнула Клевенс, – к нему нельзя прикасаться, может быть беда.

– Все, Клевенс, беда уже могла произойти, он мог умереть, так что хуже не будет, – и она распахнула свою шубу, юркнула в шубу собирателя и обняла его.

– Мама говорила, что замерзших лучше всего отогревать человеческим теплом. Надо попробовать.

Я стояла, как громом пораженная: я боялась даже лишний раз пройти мимо него, так как не знала последствий соприкосновения с человеком, носящим в себе тайные и явные грехи множества людей, да и Клевенс сказала, что он неприкасаемый. А тут девчонка боялась не того, что беда от него исходит, а того, что беда может с ним случиться. Странно, но ничего ужасного не случилось, и минут через десять Собиратель открыл глаза и с удивлением посмотрел на прижавшуюся к нему девушку.

– Спасибо, ты храбрая, – приподнял руку с длинными костлявыми пальцами и поправил выбившуюся из-под шапки прядь волос Есении. – Я думал, что не доживу, так холодно внутри было. Ты отогрела меня.

Есения смутилась и быстро вскочила, застегнула свою и его шубу и серьезно сказала:

– Мама была права, человек может отогреть другого че-

ловека своим теплом. Я рада, что получилось.

Собиратель улыбнулся, я никогда не видела, как он улыбался. Действительно, чудеса начались.

Мы немного пришли в себя и стали как могли (кто словами, кто поглаживал по коре, Есения вообще прижалась щекой к коре) благодарить Дерево за то тепло, которое действительно шло от него, а Дерево качало ветвями.

Через некоторое время шум ветвей стал тревожным, и мы поняли, что время пошло и Охота приближается. Хи опять взял руководство в свои руки.

– Спокойно. Становимся по периметру ствола, берёмся за руки, прижимаемся к стволу, стоим с закрытыми глазами и не поднимаем голову. Может, останемся живы. Проблемы решаем по мере их поступления.

Шум, лай, визг, звук охотничьего рога приближались. Небо озарилось красными всполохами, и мы закрыли глаза и крепче вжались в ствол Дерева.

Я знала, будет очень страшно, но ужас превзошел все ожидания. Мы стояли с закрытыми глазами, а вокруг выло, ухало, стонало, бряцало железом, издавало какие-то непонятные звуки, воздух даже возле Дерева кружил так, что, казалось, оторвёт и бросит в снег. Я изо всех сил впилась в руку Хи, другая рука держалась за Фрости, и я чувствовала её панику, её ногти просто впивались мне в руку. Ужас прямо-таки первобытный охватил меня. Неужели это будет происходить еще долго? Вроде бы охотники несутся быстро, а кош-

мар никак не кончится.

Кончился. Улетели. Я сначала приоткрыла один глаз, потом второй: надо мной было просто тёмное небо, и из-за туч краешком выглядывала луна. Пролетели – и все, а что мы получили? Неужели все зря? Люди ехали, ждали, страдали, мерзли – и все зря? Пусть я и принцы не очень озадачены исполнением желаний, да и Клевенс не за себя явно пришла постоять, но остальные? Интересно, а Призрак что-то видел или тоже от ужаса спрятался и закрыл глаза?

«А призраки закрывают глаза от страха или нет? – подумала я. – Лотта, тебе всегда в голову приходят дурацкие мысли, не соответствующие ситуации».

Я устыдилась сама себя и стала смотреть на нашу уже почти тёплую, имею в виду оттаявшую, компанию. Все стояли удивлённые, разочарованные и не могли поверить, что ничего не произошло. В этот момент крылатые кони Лаки на полном скаку ворвались под сень дерева.

– Лотта, быстро, где Собиратель грехов? У нас очень мало времени. Охота уже проносится над рекой. Есть пять минут.

Он схватил беспомощного Собирателя и кинул в свои сани.

– А кто будет страховать его, чтобы не утонул в реке? Быстро в сани. Лотта, кто?

Я забыла об этом и не с кем не договорилась. Как это произошло – не знаю.

– Лотта, я не могу сам подойти к воде, кто? Быстрее.

Я стояла как в ступоре. Мне нельзя бросить этих людей, но и нельзя послать Собирателя грехов одного. Что делать? Я рассеянно оглянулась.

– Я поеду, – вдруг сорвалась Есения, – мне дома было именно это видение. Сани, человек, закутанный в шубу, и правит коляской парень с развевающимися волосами – это он, человек из моего сна.

Ветер подал ей руку, она быстро вскочила в сани. И они скрылись из виду. А вокруг начало всё меняться. Начало происходить. Происходить нечто.

Дерево зашевелило ветвями, подняло их верх, как сложенные руки в молитве, и тьма над деревом начала расходиться. Небо посветлело, звезды закружили в образовавшемся просвете, и из него стал литься серебристый свет. Крошечные искорки загорались и гасли, стало теплеть, снег подтаял, и на оттаявшей прогалине появилась Леля, богиня весны. Я видела её раньше в зачарованном лесу издалека, но так близко никогда. Милая, симпатичная девушка. Она держала в руках охапку красных цветов. Потом протянула букет в нашу сторону:

– Ловите. Цветы нужны всем, – и кинула букет нам навстречу.

Цветы рассыпались, но не упали, а таинственным образом были пойманы каждым, кто был под деревом. Красный цветок, цветок любви. Каждому по цветку, а Клевенс почему-то два. А у меня аж три.

Леля коснулась травы, и она зазеленела. На дереве начали распускаться почки, и ветви благодарственно зашумели.

– Вы заслужили мой подарок. Цветок – это не любовь, он только пробуждает её, дает ей шанс поселиться в сердце. Может, любовь и не придет сразу, но она будет, и это не будет похоть и страсть. Это будет любовь. Вы почувствуете её, когда с ней встретитесь. Цветок не потеряется и не завянет, он погибнет, только если вы его растопчете. Клевенс, у тебя два цветка, ты знаешь, кому отдать один. Он сейчас не может взять его в руки. Потом отдашь. А у тебя Лотта, три, два передашь Есени и Собирателю грехов, они достойны. Жаль, что сама не передала. Но я ещё буду встречаться с ними.

Леля начала смотреть, как распускаются листья, вырастет трава.

– Каждый раз смотрю, как просыпается жизнь, и каждый раз не устаю удивляться, – как-то по-детски трогательно сказала она. Потом обернулась к Фрости.

– Прости, что не удалось разбудить любовь в твоём муже, в таких сердцах любовь не поселяется. Можно, я коснусь твоего сердца? Стеша, я пробуждаю природу, я размораживаю реки, проращиваю травы и цветы, разморозить сердце – это моя забота. Ты заслуживаешь счастья, и оно рядом.

Леля коснулась рукой груди Фрости в районе сердца.

– Скажешь, когда будет горячо. Если сильно перегреть, то оно может сгореть. Ты слышала, что сердце может сгореть от любви? Это правда, но чаще не от любви, а от страсти. А я

хочу, чтобы ты жила и любила. Любила мужа, детей, людей вокруг – у тебя это получится. Если что – зови, ты теперь моя сердечная подруга. Подруга по сердцу. Тот, кто согревает сердца, в ответе за этих людей, правда ведь?

Она повернулась к нам.

– Жаль, что сегодня моё время коротко, я проснулась всего на час. Но я рада встрече. Берегите мой цветок, это очень важно.

Она повернулась ко мне.

– Спасибо, Лотта, что привела их сюда, спасибо всем, что не испугались и пришли. Те, кто так верит в чудеса, под особой моей защитой. Лотта, ты мне нравишься. Мы с тобой сейчас похожи как сестры. Я просыпаюсь – природа просыпается, любовь посыпается. В тебе тоже все просыпается. Поэтому тебе, Лотта, особый подарок, пригодится он очень в твоём призвании. Дана мне сила освободить от темных пут, даровать ясный, не замутненный наносной Кривдой, взгляд на вещи. Понадобится это тебе, только любой дар без знаний не работает. Кривда – обманщица, и последнее время сила её возросла несказанно. Прими дар, – и она коснулась рукой моего лба. Внутри как искра проскочила.

– Проси мудрости, Лотта, нужна она будет. Скоро придет Лада. Прощайте, до весны, до неё уже не так далеко, свидимся.

Леля прикоснулась к дереву и пропала в нём.

Стало еще теплее. Мы уже стояли, снявши верхнюю одеж-

ду. Рассматривали подарок Лели, трогали траву, прикасались к распускающимся листьям и, конечно, с удовольствием смотрели на бывшую Фрости. Стефания была прекрасна. Красавица, по-иному не скажешь. Мы никогда раньше не видели на её лице улыбку, а тут она просто светилась радостью, добротой и счастьем. Счастьем, которое она хотела разделить со всем миром. Мужчины смотрели на неё с нескрываемым интересом. Думаю, её полюбят, такую нельзя не любить. А вот меня?

На Дереве весело щебетали птицы, они уже собирались вить гнезда. Ой, скоротечны эти изменения. Хоть бы птенцы не появились. А изменения в природе вокруг дерева шли с невероятной скоростью. Листья раскрылись полностью, трава выросла почти по пояс, в ней скакали кузнечики и порхали неизвестно откуда взявшиеся бабочки.

Из воздуха материализовалась женская фигура, которая сразу приманила всех бабочек. Красивая, лет двадцати пяти, с зеленоватыми волосами и спокойной улыбкой счастливого человека. Я пригляделась внимательнее и узнала в ней Ладу, богиню, которая приходит летом, богиню красоты, любви и счастья.

– Тепло-то как, красиво, – сказала она и коснулась листьев дуба. – Лето пришло. На Перекресток в эту ночь приходим и Леля, и я, и Сива, а нас потом опять сменяет Морана, и зима входит в свои права. Так что отогревайтесь, пока тепло, ведь через такую метель шли. Рада вас видеть.

Она посмотрела на цветы, которые мы бережно держали в руках.

– Вижу, Леля подарила вам цветок «надежды на любовь». Хороший подарок, вы его достойны. Редко кто мог добраться в ночь Дикой Охоты до Перекрёстка, только те, кого Макошь приводила. А сейчас ты постаралась, Лотта.

Лада обошла вокруг Дерева, посмотрела на всех нас и сказала:

– Лето согрело вас своим теплом, а подарки ещё не сделала. Как богиня красоты, сделаю я всех девушек красавицами. Вы и так все красивые, только пусть красота ваша ещё внутренним светом наполнится, как у Стефании – вон как она от счастья вся светится. И пусть этот свет в Вас не гаснет, а сохраняется в любой ситуации. И Есения этот дар получит, она его особенно заслужила.

Я глянула на девушек, они были диво как хороши, я с надеждой посмотрела на свои руки и ноги – то, что было доступно для обозрения, – и не увидела никакого изменения. Всё тот же кошмар.

И я с придыханием спросила:

– А я не похорошею?

– Лотта, ты и так красавица, куда ещё более. Потерпи немного, все тайное всегда становится явным. Знаешь?

Ну вот, даже богиня красоты не может изменить мою внешность, на что тогда надеяться? Хорошо говорить – потерпи. А сколько, и что будет в результате? Но при взгляде

на наших красавиц на душе потеплело. Правда, рада за них.

Вокруг Лады порхали бабочки, на плечо опустилось несколько птиц. Одна, совершенно необыкновенная – синяя, искрящаяся, – опустилась на плечо. Несколько птичек поменьше подлетели к раскрытой ладони Лады, в которой появились зерна, и пытались полакомиться.

– Приманиваю, – прошептала она. – Борислав, что медлишь. Лови, если узнаешь и поймаешь – твоя проблема решится. А нет – значит, не судьба.

– А как ее приманивать, да и какую, – растерянно смотрел Борислав.

– Тебе видней, думай, а я пока на Любима посмотрю. Узнаешь? – кивнула она на своё плечо.

Он кивнул головой.

– Если приманишь, и к тебе прилетит, будет тебе всё, о чём мечтаешь, а не прилетит – так и будешь один скитаться до конца жизни по дорогам и ярмаркам, чужим домам и постоянным дворам. Думай.

– У меня ничего ценного, кроме цветка Лели, для птицы счастья нет, – сказал Любим и протянул цветок синей птице. – Хочешь, возьми его, я понял, что без Любавы и без сына жизнь как книга без текста – не стоит ничего. Возьми его.

Птица склонила голову, глянула черными бусинками на Любима, прыгнула ему на руку и в тот же момент превратилась в маленькую лазуритовую фигурку птички ярко-синего цвета.

– Надо же, приманил. Хорошо придумал. Возьми камешек, отдашь Любаве, она поймет. Но и ты не оплошай, не проворонь любовь, а то другую птицу вместо птицы счастья заимеешь. Ворона называется. Счастья тебе, Любим.

И она опять повернулась к Бориславу.

– Что, неужели не узнаешь? Думай, ошибешься – другого случая не будет.

Неожиданно одна из птичек слетела с руки Лады, запрыгнула на руку Стефании, в которой она держала цветок, и требовательно постучала клювом по большому пальцу.

– Что ты, маленькая, – сказала Стефания, – у меня для тебя ничего нет. И рада бы, но нет даже крошечки.

– Это она, – закричал Борислав, – она, точно она.

– Кто? – спросила удивлённая Стефания.

– Моя душа, не спугни ее, я попытаюсь ее приманить, – и подошел ближе.

Птичка, однако, перескочила на плечо Стеши, потерлась носиком о её шею и издала трель, как мне показалось – слегка издевательскую: мол, мне и тут хорошо.

Борислав обошел Стешу со спины и протянул руку к птице, но она опять вспорхнула и вернулась на руку девушки.

– А она не хочет к тебе, ей и у Стеши хорошо, – засмеялась Лада. – Она признала её хозяйкой, тебе с ней теперь договариваться придется.

– Борислав, извини, я её ничем не приманивала, просто она такая симпатичная и улетать от меня не хочет. Пусть по-

ка посидит со мной, а ты рядом походи, может, она присмотрится к тебе, да и дастся в руки. Мне чужая душа не нужна. – Птичка возмущенно запищала при слове чужая.

– Да, даже я к такому раскладу была не готова, – опять улыбалась Лада. – Борислав, раз душа вернулась и рядом, на виду, смерть тебе пока не грозит, но тебе в этот период придется находиться недалеко от Стефании, пока ситуация не прояснится. Стеша, ты потерпишь?

– Да мне не жалко, мы ведь до конца зимы всё равно будем под одной крышей в «Приюте нужных людей» жить. Думаю, ситуация разрешится. И Борислав перестанет быть бездушным.

– Я попробую ей снова стать родным, – вздохнул парень. – Обидел я душу сильно, буду исправляться. Потерпи меня, Стефания. Позаботься о моей душе некоторое время. Мне придется теперь рядом с тобой быть, постараюсь не надоесть.

– Вот и молодцы, – обрадовалась Лада, – как всё славно получается. Люблю, когда ладится.

Потом повернулась к остальным.

– Да, много еще неодарённых осталось.

Она внимательно посмотрела на нас.

– Тебе, Святослав, я помочь не могу. Может, Сива сможет, она урожай за весь год собирает, силы в ней много, ее жди. Глупо ты себя вёл, да и тело твое ведет себя в другом мире недостойно, и не хочет оно сюда возвращаться, ему и там хорошо, даже очень. Но знай – чудеса случаются. Может,

за тебя кто ещё походатайствует. И тебе, Чеслав, помочь не могу, тебя только чудо спасёт, как и какое – не знаю. Сейчас Велес в Нави отдыхает, может, что и решится. Не может живой человек по радуге на другой берег перебраться, в реку упадет. А переплыть её нельзя, такова эта река Смородина. Вам, принцы, и тебе, Лотта, за сердце чистое и некорыстное, за то, что пошли сюда ради людей, не побоялись охоты, пути и пурги, дарю искру любви, зажжётся она в каждом из вас. Она и в стужу согреет, и во тьме беспросветной светом будет, и во многих ситуациях спасет. В огонь, может, и не превратится, но согревать будет и человеком в нечеловеческой ситуации остаться позволит. Даже тогда, когда ничего человеческого, кажется, уже внутри не останется, она поможет. Не знаю, что подарить тебе, Клевенс.

– Лада, ты даруешь и счастье, и любовь, и красоту, а мне дай совет, как помочь Святославу. Люблю я его, бестелесного, но не бездушного. Что я могу сделать, чтобы он тело обрел? Пусть потом уедет, забудет, но человеком станет, не хочу видеть, как он мучится.

– Хорошо, я посоветуюсь с Макошью, она судьбы плетет и Перекрестком заведует, погоди немного. Схожу к ней, поговорю.

Лада подошла к дереву и исчезла в нем. Мы сели ждать под огромным зеленым деревом, ветви которого поднимались и уходили в небеса. Было по-летнему тепло. Усталые от дороги, впечатлений, ожиданий и неожиданностей, мы не

могли до конца осознать, что увиденное происходит с нами.

«А ведь это не конец, – думал каждый, – еще не всё кончилось, впереди дорога домой. И как там Лаки, Есения и Собиратель грехов? Жив ли, ведь по дороге к Перекрестку почти замёрз? Если бы Есения не спасла, точно бы умер. А мы и имени его не знаем».

Все внимательно смотрели по сторонам, Лады все не было. Из-за дерева появилась какая-то тень, вроде женщина, но не Лада. А кто?

Силуэт стал четче, приобретая образ небольшой симпатичной женщины лет тридцати. Женщина подошла к Чеславу и стала на него пристально смотреть.

– Неужели не узнаешь? – спросила она.

– Мама, – прошептал парень, – ты, такая молодая, как ты здесь? Я шёл к тебе, но мне не удалось. Ты сама пришла.

– Нам столько лет, на сколько мы себя чувствовали, когда Явь покидали. Но ты узнал меня. Это счастье. Сынок, как я рада тебя видеть, ты такой взрослый и пришёл так далеко, не надеялась тебя на этой земле увидеть, ведь нам в Явь, а живым в Навь хода нет.

– А как же ты выбралась?

– Велес подарок сделал. Сказал, что заслужил ты, и Макошь за тебя слово замолвила – мол, когда Перекрёсток открывается, невозможное может совершиться. Вот я смогла добежать сюда ненадолго. Я рада, что ты здоров. Что привело тебя в эти края, во время, когда Морана в полную силу

вошла?

– Карна открыла глаза, как был неправ перед тобой. Пришел повиниться. Если и не простишь, хоть увидел тебя, и то счастье.

– Сынок, каждой матери хочется, чтобы дети её были счастливы, а для себя – чтобы тепло их души немного согревало. А сердиться, негодовать – пустое дело. Знать, сама виновата. Как говорят, воспитывать надо, когда дитя поперёк лавки лежит. Не сумела – жалела, баловала, любила и сейчас люблю. Как можно на своё дитя долго сердиться? Не сержусь. Рада, что увидела. Вижу, изменился ты, много выстрадав, поумнел, понял, что люди нужны не только для того, чтобы по головам вверх продвигаться. Я чувствую это в тебе. Ты другой стал. Добрее, людей жалеть стал. Счастье своё встретишь и многого в жизни добьёшься. Что матери ещё надобно? Время моё в Яви коротко – радуга распадётся, и буду тогда неприкаянной по земле болтаться. Возвращаться пора. Счастье мне выпало сегодня – сына увидела и увидела, что он человеком стал. Будь умницей. О сестре не забывай. Дай обниму, тепло тела живого человека почувствую. Да пребудет на тебе моё благословение, раньше благословить не успела, неожиданно в Навь ушла. Не плачь, мужчины не плачут. Спасибо тебе, что не забыл, нам плохо, когда о нас не помнят. А когда совсем забывают, можем вообще в Нави раствориться – и дымки не останется. Не забывай. Люблю я тебя и Переславу. Поцелуй её за меня, а мне пора.

Женщина подошла к радуге и быстро побежала по ней, тая в пространстве.

Небо сильнее заволакивало тучами, такое впечатление, что дождь пойдет. Мне было тревожно за Лаки и уехавших с ним. Как там они, вдруг утонули? Чувствовала себя виноватой, надо было с принцами поговорить, они бы точно удержали и из реки вытащили. Мысленно просила: приезжайте, приезжайте скорей.

Видно, действительно в эту дивную ночь желания сбываются. Воздух пришел в движение, и возле дерева резко затормозили сани.

– Лаки, – бросилась я к нему, – вы вернулись, какое счастье! Ой, а где Собиратель грехов, куда он делся, и кого вы привезли?

В снях сидел молодой, лет двадцати семи, очень худой мужчина со спокойным лицом и счастливо улыбался. Из саней быстро выскочила Есения и затараторила:

– Это Себастьян, мы не знали раньше его имени, это же Собиратель грехов, не узнаете? Да, он изменился, освободился от своего груза, и посмотрите, каким он стал! Его откормить надо. Видите, нам всё удалось, он не утонул, не замёрз и освободился от этого ужасного груза. Его водой смыло. Теперь он обычный человек, ну не совсем обычный, просто в нём нет чужих грехов, и он может нормально общаться, есть и разговаривать.

– Да. Спасибо Есении и Ветру, они очень помогли. Я уже

не верил, что смогу выжить. Есения меня дважды спасла – от замерзания и из реки вытащила. Нам некогда было мелководье искать. Смородина река коварная. Она придумала меня верёвкой привязать, а верёвку к дереву, я зашёл в воду, там не знаю, сколько просидел, течением не унесло, оно там сильное, а потом за эту веревку и вытащила меня. Хорошо, что верёвка была, она ту использовала, которой мы по дороге к дереву связывались. Удивительным образом всё сложилось. Спасибо Ветру Удачи, он удачу нам подогнал, а так, наверное, погиб бы.

Я отдала Себастьяну и Есении оставленные для них цветки, и меня захватило состояние эйфории. Как всё замечательно получается, почти все вопросы разрешились, мы нашли Дерево, не погибли во время пролетающей Дикой Охоты, и почти у всех желания сбылись. А я была невероятно рада видеть Лаки. Какой он молодец! Пусть у нас не любовь, но он столько сделал! Я подлетела к Ветру и начала припевать. Листья зеленели, собирался дождь, вдалеке от дерева лежал снег, а мы стояли почти в центре мироздания и чуда. Я увидела путь, сделала, что могла, и боги не оставили нас. Чудесным было все: мы дошли и изменились, даже те, кому не нужно было никакое чудо, радовались за других и сами стали лучше.

Ветер, пускай не любимый мой!
Танцуй и пой со мной!

Мы танцуем этот танец Луны!
Мы поём эту песню пути.
Дождь, не любимый мой!
Унеси и обиды смой!
Мы танцуем этот танец пути,
Потому, что с него не сойти.
Снег, пускай не любимый мой,
Занеси и невзгоды скрой.
Мы танцуем этот танец судьбы
Потому, что с пути не сойти.
Где ты, где любимый мой?
Станцуй этот танец со мной.
Этот танец судьбы и пути,
Что вместе должны пройти.

Слова сами рождались в голове, я кружилась по зеленой траве и была невероятно счастлива. Мы не дома ещё, но почти всё получилось. О возвращении я не задумывалась, было так хорошо и весело.

Лада появилась не одна, с ней пришла Сива.

– Я пришла попрощаться, время мое сейчас коротко, – проговорила Лада. – Клевенс, мы выполним твою просьбу, хоть она и не легкая. Но за всё нужно платить. За то, что мы доставим тело Святослава из другого мира, ты должна будешь не покидать свой приют несколько лет. И твоей задачей будет водить путников к Дереву Мироздания зимой во время

Дикой Охоты. Будем надеяться, со временем тебе найдется достойная замена (и почему-то посмотрела на меня). Понимаем, что и трудно это, и опасно. Смотри, это твоё решение. И ещё одно. Тебе дорога душа призрака, но ты должна понимать, плоть – это не душа. Сможешь ли справиться с тем, что в плоти его живет? Много пагубного в нём было и ещё добавилось. Удастся освободиться от этого? Сможешь побороть?

– Буду пытаться. И я согласна. Только смогу ли я путь видеть, это Лотта нас сейчас привела, а я как смогу?

– Да, прямо как в пьесе: «Она его за душу полюбила, а он её за состраданье к ней», - заулыбалась Лада. – Поможем тебе. Ещё год впереди до следующей Дикой Охоты. Там видно будет, как это осуществить.

Обе женщины вскинули рука, приложили их к стволу дерева и стали напряженно смотреть вверх.

– Плохо идет, даже вдвоём с Сивой медленно двигается. Ишь как сопротивляется, очень не хочет назад возвращаться. Тяжёлый. Упирается, гад.

Мы все как замороженные смотрели на действие. Наконец на землю мешком опустилось тело и быстро вскочило на ноги, испуганно озираясь.

– Где я? – проговорил парень с невероятно смазливой мордашкой и ярко-голубыми холодными глазами.

Взгляд был недобрый и обжигающе ледяной.

– Неужели опять в этот захолустный мир угодил? Не хочу, верните меня обратно. У меня деловая встреча, презента-

ция, а вечером банкет с очень нужными людьми. Вы понимаете, я не хочу сюда, мне там такие перспективы открылись.

– Да, придется мне ещё немного задержаться. Боюсь, Сива одна не справится, – покачала головой Лада. – Как все запущено. Собиратель грехов, видишь, какие грехи в этом человеке? Называй, а мы духов будем изгонять. Только вот чем заполнить пустое место?

– Вижу обман, воровство, гордыню, тщеславие, зависть, игры азартные, стяжательство, мамону, страсть к женщинам. Клевенс, может, отправим его обратно? С таким букетом расстаться без вреда для ума трудно. Много грехов, много, тяжелые грехи, – подвел итог Себастьян.

Сива скомандовала:

– Прижмись к Дереву, Святослав. Все остальные берутся за руки, образуя полукруг вокруг Дерева. Ты, Лотта, крайняя справа, дотрагиваешься до Дерева, а ты, Себастьян, слева прикасаешься к нему. Я и Лада становимся внутрь, а ты, Фантом, лети сюда, в центр. Постараемся удалить из него основную грязь, а ты быстро занимай место. Полукруг, замкнутый на Дереве, не позволит грехам разлететься. Все становятся и желают, чтобы перечисленные Собирателем грехов пороки покинули тело Святослава.

Мы стояли и молча желали избавления, Сива и Лада что-то шептали, а тело, стоящее возле Дерева, корчилось, но отстраниться от Дерева не могло. Дерево как будто привязало его к себе. Через некоторое время Призрак растворился, и

мы поняли, что он таки проник в тело, значит, там появилось место для души. И все равно это тело пугало, никто не знал, что ждать в результате этого необычного эксперимента. Но Святослав недолго стоял на ногах, он зашатался, упал и потерял сознание.

– Получилось, только рубцов много, будет как ребенок. Придется тебе, Клевенс, его воспитывать, уму-разуму учить. И надо оно тебе? Сама вышила Фантому ребенка – получите и распишитесь, и себе его тоже заимела. Душа душой, а мозги как чистый лист. Даже мне не по себе. Не знаю, чем это обернется.

– Мы будем ей помогать, – сказала Стефания. – Все будем воспитывать, пока не разъедемся. Правда ведь?

Мы дружно закивали, но никто толком не представлял себе, что надо делать. Его придется учить жить заново. Хорошо, что душа у него не такая испорченная, изменение легче пройдет.

Лада сказала:

– Все, мне пора, и так задержалась. Смотрите, уже листья желтеть начали, а я ещё тут. Сива, передаю их в твои руки. Прощайте. Увидимся.

Подошла и пропала в стволе Древа.

Сива подняла с травы большую корзинку с яблоками и другими фруктами.

– Вы знаете, что я всегда прихожу с плодами. А плоды у меня разные – и по форме, и по вкусу. Всем вам даю по яб-

локу Познания – не познания добра и зла, просто познания. Оно дарует любознательность и стремление понять истину. Тебе, Клевенс, ещё и терпкое яблоко – айва называется. Сама понимаешь, сладкой жизни пока не будет.

Погода все больше портилась, с Дерева облетали листья, тревожно щебетали птицы. Срывался небольшой холодный дождик. Опять зима близко.

– Пора уже и мне, и вам, а то скоро Морана придет, она сейчас в полной силе и не радуется происходящему. Я её понимаю – сложная ситуация. Ветер, доведёшь их. Прощайте.

И растаяла, подойдя к Дереву.

– Сейчас сани побольше сделаю, а то все не уместимся, – отозвался Лаки, – и возвращаемся.

Он колдовал над своими санями, а мы стояли и улыбались. Всё получилось. Или почти всё. Надеемся, что со Святославом наладится. И домой пешком идти не надо, это очень хорошо, Ветер доведёт быстро, замёрзнуть не успеем. С Дерева облетали последние листья, и ветви как-то тревожно дрожали. Зима близко. Морана – она у всех тревогу вызывает, даже у Дерева Мироздания, не только у нас, смертных. Холодало, надо бы шубку накинуть, а то разделись, жарко было...

Где она? Я кинулась её искать.

– Логга, быстрее, уже все разместились, не задерживай.

– Бегу.

Ничего что шубы нет, Ветер быстрый, доведет – и не за-

метим. Не успею замерзнуть.

– Она со мной пока останется, – услышала я голос за спиной. – За всё надо платить. Забыли? Слишком много подарков получили, а мне подарочек тоже нужен.

– Морана, нет, – закричал Ветер, – оставь её, что хочешь возьми!

– А всех этих людишек вместо неё оставишь, Лаки? Она простит тебе это? Нет, мне именно она нужна. Я в своём праве. Прощайте.

У Мораны

Меня схватили за руку, перед глазами закружился рой снежинок, что-то с безудержной силой потянуло вперед, снежным вихрем закружился воздух, ледяные щупальца холода проникли внутрь, забирая последние искорки тепла. Холод, один холод без чувств и радости.

Я открыла глаза. Лёд, сверкающий лёд вокруг, серебристый, безумно красивый. В зеркальном льду пола отражался лёд стен и белые струящиеся завесы из снежинок на окнах. Ледяной зал и я, босая, в одной рубашке, стою посередине этого великолепия, а рядом Морана.

Тело покрылось мурашками от увиденной красоты. В белых кружевах ворота, что оттеняли иссиня черные волосы, в платье цвета лазури, шитом серебряными нитями, стройная, изумительно белокожая Морана была божественно красива.

Я думала, что глаза у неё синие, а они были почти черные и смотрели на меня не с холодным презрением, а с достоинством королевы, не опускающейся до унижения подданных.

– Ты у меня во дворце, я пока не сделаю тебе зла, не заморожу. Что босая, так люди обутыми по волшебному льду не ходят. Холод в душе не даст замерзнуть. Разницы в температуре нет.

Я не могла оторвать от неё восхищенных глаз.

– Вместе с богиней Правдой мы часто судим людей и нелюдей. Лада и другие в своём праве, а я в своём. Они сделали подарки, спасли людей, открыли Перехлестье, а про равновесие забыли. Твоя смерть уравновесит содеянное. Нельзя давать, не забирая. За всё надо платить. Готова?

– Замёрзла я, Морана, холодно душе. Может, ты, Морана, богиня Зимы и Смерти, права. Спать хочу. Можно, полежу немного? Плохо думается. Жаль, одеяла в твоём дворце нет. Лёд, один лёд, а он такой жесткий.

– Не волнуйся, постелю тебе снежную перину и таким же снежным пуховым одеялом прикрою. Спи пока, а я подумаю.

Я закрыла глаза и погрузилась в дрему. В моём сознании закружился хоровод снежинок, и больше я ничего не помню.

Разговор богов о судьбах мира

Морана стояла, смотрела на спящую Ловелию и размышляла.

«Убить её – себе дороже. Многие погибали зимой, замерзали без приюта в дороге, без нужного обогрева, но так просто убить...»

Она – Зима и Смерть, но не убийца. И в то же время Ловелия мешала ей, мешала тем предназначением, что выбрала для неё Макошь. Ссориться с Макошью и Живой, своим извечным антиподом, не хотелось. Но тут спор не из-за одной жизни, хоть и не просто человеческой, а волшебной сущности. Вопрос стоял значительно серьёзнее. Пересекаться мирам или нет? Со времен, когда Бог Всемогущих отправил их, не столь сильно согрешивших «Сынов и Дочерей Божьих», на эту планету, полностью похожую на его любимую Землю, только без людей, прошло много времени. Потоп смыл все следы их греха на Земле. Гиганты пропали, особо отличившиеся нечестивцы, такие, как Азazelло, отправлены куда нужно, чтобы не вредили. Время шло. Бог Сущий любит изменения, любит смотреть, как меняются его дорогие чада, со времен Адама. Он радуется их успехам, смотрит с интересом за их перемещением по планете, возникновением новых народов, новых рас, новых навыков. В очередном великом движении народов, что не обходится без гибели тысяч людей, он выбрал небольшое количество мужчин и женщин, отправил (все равно погибли бы) на эту необжитую, дикую планету.

– Следите за ними, – приказал. – Только без глупостей, никаких вхождений к женщинам человеческим, никаких ка-

пищ, никаких храмов, никакого поклонения. Присматривайте, следите, помогайте, учите, когда нужно. Контролируйте, чтобы лиха не было.

И особо попросил пресекать войны.

Время пошло. Люди прижились, нарожали потомков, разбрелись по миру, заселили многие земли. Уже и царства, и княжества образовались, ремёсла разные, искусство. Много хорошего, да и плохого хватало. Грешили, так это в природе человеческой – добро и зло, у кого поровну, у кого больше, у кого меньше. Слава Богу, не сделали порох, да мы бы и не позволили, и главное – путь выбрали другой – не «плодитесь и размножайтесь», а «думайте и познавайте», больше внутрь себя смотрели, свои способности развивали. Хотя понятно, что первое легче осуществимо, как без него-то. Хорошо ли, плохо ли, а способностями тоже хвастаться можно не меньше, чем деньгами и красотой. Природу-то человеческую не переделаешь. Вот только мир этот до сих пор был закрыт для людей с Земли. Открывалось иногда Перехлестье, или Перекрёсток, кому как нравилось называть. Пуповина-то миров не обрезана, вот и попадали случайно люди из одной планеты на другую. Нечасто, но случалось. Если на Земле с её населением и разнообразными идеями какой-то иномирянин с планеты дубль мог оставаться никем незамеченным, раствориться, то тут всё сложнее. Не хотела Морана землян на свою планету. Да, на свою. Своей этот дубль Земли стал для посланных сынов и дочерей Божьих. Жить с людьми приспособо-

бились, приходили, когда нужно, к ним, каждый в своё время: Леля – ранней весной, она, Морана, зимой. У каждого свои обязанности были. Велес, конечно, не только скотский бог, не так прост Велес, много у него талантов, Девана – богиня охоты. Непонятно, откуда Чернобог прижился, но куда же без зла? Временами из Нави ни шагу, а иногда пако-сти делает – то Кощея подобьет на что, то Змея Горыныча. Нечисть всякую расплодил. Но пока справлялись. А что будет, если Перехлестье откроется, да сюда земляне из другого мира приходиться будут?

Мы их водить не можем, не положено, а вот Ветры туда-сюда мотаются, особенно Ветер Перемен, почти что живет на Земле. Сущности – волшебные птицы Сириин, Алконост, тоже летают и поют на земле, не часто, но поют, так они и здесь не часто появляются. Вот Макошь, что сейчас за Перекрестком следит, и надумала поставить на Перехлестье птицедеву. Чтобы могла она переводить людей из одного мира в другой. Вплела её судьбу в судьбу мира, не открутишься. Она, Морана, против была. Чернобог тоже, он великий злодей – и мать Ловелии погубил, саму её околдовал. Погубить ведьмам велел, но не получилось, а вот сейчас что-то молчит. Как бы не передумал. Подлый он, и верить ему нельзя, но в этом деле союзником был.

«Скоро узнают, что похитила я Ловелию, явятся сюда», думала Морана.

Первым появился Стрибог, бог ветра.

– Морана, приветствую несравненную красавицу, умницу и удивительную женщину, – начал этот ветреный мужчина.

«Сколько лет, а все комплиментами сыплет, вон уже и семьдесят семь внуков в наличии, а туда же. Хотя разве мы стареем?» – подумала Морана.

– Зачем пожаловали, Ваша Ветреность?

– Да внук мой любимый, Ветер Удачи, прилетел жаловаться на тебя, девушку ты у него умыкнула, прямо из рук забрала. Огорчился он очень, к деду побежал, знает, что ему к тебе не по чину появляться.

– Забрала, так в своём праве. Сам знаешь, за всё надо платить. Жива с подругами благодеяниями занялись, равновесие этим могут нарушить. Вот и пришлось вмешаться.

– Ой ли, Морана, когда тебя людские судьбы печалить стали? Ну, помогли девушки людям, что с того? Думаю, из-за другого ты, милая, переживаешь. Выслушать бы ещё Живу с подругами, что они скажут.

Макошь и Жива не преминули явиться, огонь из них так и сыпался.

– Вы, уважаемые, мне дворец не растопите, а то пыхтите, как огнедышащие драконы.

– Морана, что ты удумала? Давай обсудим. Зачем Ловелию погубить хочешь?

– А затем, подруженьки, что Вы сами, самолично решили Перехлестье людям открыть, ни с кем не посоветовались при этом. Ладно, раньше, случалось, люди из мира в мир по-

падали, так это единичные случаи были, а если множество иномирян сюда хлынет, что делать будем?

– Ты, Морана, зря морозишься. Никто ещё ничего не сделал. Ловелия ещё маленькая, ей ещё учиться, а ты её погубить собираешься. Да и с чего ты решила, что множество иномирян сюда попадать будет? Так и будут единичные случаи. Врачи, ученые, люди искусства, певцы разные, писатели. Просто люди, которым в том мире неуютно, но люди хорошие, неагрессивные. Военных не будет. Застоялся наш мир, нет в нём новых идей, всё как в болоте. Мы идеи подкидывать не имеем права, сама клятву Сущему приносила, вот и хотим, чтобы некоторые перемены произошли.

– О, Сущий, поговорите о переменах с Ветром Перемен, он такого понарасказывает, мало не покажется. Сами помните, зачем пришлось человека в Собирателя грехов превращать. Случай тот хорошо помните? И что скажете?

– Так то случай единичный. Если бы не Чернобог, всё нормально бы было. Лотта – умная девушка. Мы ей поможем найти критерии отбора, следить будем. Леля ей способность подарила происки Кривды в людях отличать.

– Много вы на Земле уследите? О, вот и Чернобог появился. Ты коня своего огненного далеко оставил, дворец не растопит?

– Все шутки шутишь, красавица, – сказал этот злодей, покручивая серебристые усы. – Конь мой близко ко дворцу не подойдет. Я вот извиниться пришел, что чуть не погубил Ло-

велию. Больше этого не повторится. Обещаю.

– Вот это новость, что удумал-то?

– Да ничего, просто раньше считал, что мне будет приятно самому на этой земле, а люди с Земли мне лишние, мешать будут зло творить. А теперь подумал: может, с этими помощничками с Земли интересней будет? Одумался поэтому. Согласен теперь с позицией Живы и Макоши. Перехлестье надо открывать, и пошире.

– Вот видите, подруженьки, кто с Вами в согласии выступает? Скажи, кто твой друг, и я скажу, кто ты. Не одумаетесь? Тогда буду ставить вопрос на большой сходке богов на голосование.

– Какое голосование? Время тянешь. Если ты Ловелию погубишь сейчас, следующая птицедева вообще может не появиться, ты сам знаешь, какая это редкая сущность, а тут ещё у нее талант путницы. Такое раз в тысячу лет встречается. Отдай сейчас же Ловелию. Морана, сейчас портить дворец начнем. Не становись убийцей, Морана.

– Угрожаете? Да я сейчас в своем праве. Что захочу, то и сделаю. Да и не убийца я. Верну Ловелию, раз так просите. Вы сейчас почти полный комплект разных проблем с душой и телом разрешили. И девушка с замороженным сердцем, и парень без души, и душа без тела, а теперь тело без ума с одной душой. Обхохочешься. Много у Вас получилось. Вот еще Ловелию верну без «смысла жизни». Справляйтесь.

– Жестокая ты, Морана. Неужели Лотту не жалко? – оби-

делась Макошь. – Девушке и так столько выпало. Теперь ещё это.

– Ничего, у вас есть уже экземпляр с душой в теле почти без ума, а тут до комплекта девушка без смысла жизни. Только, чур, не вмешиваться. Следить буду. Пусть сами справляются. Иначе не отдам. Пока думаете, помереть успеет. Она и так уже совсем холодная.

– А что нам остаётся? Мы согласны. Будем думать, когда совет созывать.

– Я Лотту заберу, обещал внучку, – сказал Стрибог. – Это она же под периной лежит совсем синяя? Надо спешить, – и взял девушку на руки.

– Маленькая какая, красивая. Понимаю Лаки, сам бы влюбился. Холодного тебе, Морана.

И они все пропали.

Морана ходила из зала в зал, и в зеркальном ледяном полу отражалась её удивительная красота.

«Я не только красивая и холодная, – думала она. – У меня холодный и трезвый ум, посмотрим, как дело обернется. Надеюсь, не быстро Лотта в себя придёт. Если придёт».

Тем временем в «Приюте нужных людей»

Все проживающие в приюте сидели за одним столом и уныло ковыряли ложкой в тарелке какую-то кашу. Никому, что называется, не лез кусок в горло. Путешествие прошло

успешно, на такое везение никто и надеяться не мог. Повезло всем, кто сидел за столом. Надежда направляла их в путь, и просилось действовать, но подарки, полученные от богинь, превзошли все ожидания. Только вот... Только вот Лотты с ними не было. Ветер донес их домой, высадил и, хлестнув коней, без слов скрылся за снежной завесой. Может, он что-то узнает, может, богини смилуются и расскажут, что случилось. Радовало только одно – Карна с Жалею не пришли их навестить, значит, Лотта жива, и есть надежда, что она возвратится.

– Сказитель, скажи, а где обитает Морана, далеко?

– Говорят, её замок из волшебного, сверкающего льда находится на севере, за прозрачной завесой северного сияния, и к нему никто из людей не сможет добраться.

– Не может она просто так убить Лотту, – не поднимая опущенной головы сказал Карен. – Мы с Ха виноваты, что её сюда притащили.

– Тогда мы все виноваты, – сказала Клевенс. – Она нам всем нужна была и как проводник, и просто как человек, который способен нас поддержать.

– Наверно, не стоит говорить о ней в прошедшем времени, не тот она человек, который сдастся, пока жива.

– Ключевое слова – пока.

– Будем ждать Ветра, больше ничего не остается, только он может что-то узнать. Суток не прошло, как мы вернулись, будем ждать. Я подежурю. Вам надо отдохнуть, ведь никто не

спал прошлой ночью. Себастьян, тебе надо есть, а то сколько дней ты на одной воде. Жидкая овсянка для тебя сейчас то, что надо, – предложил Карен.

– Карен, ты тоже не спал. Давайте так. На сторожа я не могу положиться, проспит. Сейчас расходимся, но кто-то должен дежурить. Карен дежурит первый, потом Михел, потом посмотрим и будем ждать Ветра. А мне ещё Святослава пристраивать как-то надо, я вернусь чуть позже, – проговорила Клевенс.

Карен. Возвращение Лотты

Мы с грустью посмотрели на парня, который сидел у нас за столом. Он умел есть, говорить, но не думать. Когда богини удалили пороки и страсти, лицо Святослава приобрело детскую беззащитность, но осталась мимика человека подлого и опасного. Интересно было наблюдать это странное сочетание. Его душа тянулась к Клевенс, а разум явно не понимал, что происходит вокруг. И жалко, и смешно. Клевенс спокойно взяла его за руку и увела в приготовленную комнату. Не представляю, что бы я делал на её месте. Как это сложно – видеть любимого человека в таком растительном состоянии, и при этом непонятно, что ждать и что делать. Но Клевенс – мудрая и терпеливая. Хорошо, что дорога свела нас с этими людьми и Лоттой. Постояльцы тихо разбредались по комнатам, а я остался один, добрасывал дрова в камин, смотрел на огонь и ждал.

Мысль всё время возвращалась к Лотте. Думал, какая же она. В дороге всё как-то менялось, как в калейдоскопе, мысли простые – что поесть, где устроить лагерь. Всё воспринималось как должное. Так какая же она, Лотта? Она всё время менялась – из мальчика она превратилась в девочку, из слуги постепенно превращалась в друга и просто удивительного человека – девушку с какой-то удивительной тайной, на которую богини смотрят почти как на равную. Это интриговало. И вот она у Мораны. Зачем она ей, могла бы любого другого забрать, так нет, ей явно была нужна Лотта. Почему же так много замыкается на ней? Не хочу и не могу думать «замыкалось» в прошедшем времени. Не верю, что её могли погубить, в ней столько жизни, стремления увидеть, узнать, понять. Она вернётся, буду ждать, сколько понадобится. Как-то незаметно она стала нашей с братом частью и, думаю, не только нашей, но и всех обитателей приюта. Она как солнышко. Если Клевенс – душа этого дома, то Лотта – солнышко. Мы грелись возле неё и не понимали, почему так тепло. Нет, она должна вернуться, я не хочу жить тут один, не хочу дальше ехать только с Ха, хочу втроём, как раньше – вечером костер, мы смеёмся и радуемся маленьким дорожным происшествиям, жарим пойманных ею зайцев или уток, смотрим на необычное и интересное, что неожиданно заметил Ха, просто едем. Разве нужны нам эти невесты, за которыми мы собрались в дорогу? Да пошли они ... сами знаете куда. Мы просто путешествуем и живем. Живем не во двор-

це, где все определено заранее на три недели вперед, а в дороге, когда не знаешь, что ждет за поворотом.

И всё-таки, зачем она Моране? Неужели погубить хочет? Как-то не верится в это. Неужели и у богов бывают интриги? Ненавижу интриги, а дворец соткан из них. Не хочу быть королем, прежде всего из-за этого, ну и, конечно, из-за бесконечной ответственности. Меня учили жить в недосказанности и разбираться в полунамеках. Но всё равно ненавижу интриги. Вспомнить тошно: фрейлина А сказала фрейлине В о фрейлине С такое-то – и все месяц эту новость обсуждают. Может, здесь остаться? Рубить Клевенс дрова, ездить в лес. Вот напишу отцу, что остаюсь здесь и отрекаюсь от престола. Так тогда Ха придется ехать и править, а он в душе романтик, художник, только рисовать не умеет, ему тяжело будет. Так на это советники есть. Может, правда ему эту пакость устроить?

Уже полночь, и так тревожно. Надо спросить Ветра, зачем Лотта может быть нужна Моране. Ответит ли, захочет ли сказать и вообще, знает ли? Не ладятся у нас с ним отношения. Не могу поверить, что он за Лоттой ухаживает. Странно мне это, непонятно, а когда непонятно, то и подозрительно. Но если спасет её, и ей нравится, как мы можем стоять на пути чужого счастья?

Мои мысли скакали от воспоминания к воспоминанию, выхватывая эпизоды из путешествия втроём с Ха. Думалось о пребывании в «Приюте», наполненном событиями и слож-

ными судьбами таких разных людей: последняя ночь и этот невероятный путь к Дереву Мироздания, эта Дикая Охота, которую мы и не осознали до конца за теми событиями, что произошли после неё, неожиданное разрешение проблем. Этот поход показал, какая Лотта бесстрашная и самоотверженная. Мысль метнулась домой во дворец. Там было и сложнее, и проще. Категории предаст – не предаст, будет верным или нет – вот главный критерий. Друзей не было, мы с Хи всегда были сами по себе. Дети придворных – особая категория, можно поиграть, но близко к себе в душу воспитатели подпускать не рекомендовали. Я с детства знал, кто нужный человек, а кто нет, с кем быть настороже, а кого можно не опасаться.

Отец и мать у нас замечательные – любят нас, и друг друга любят, просто завидно, как такое могло случиться. Как им удалось остаться такими. Дворец не любит искренних чувств, если они возникли – показывать нельзя. Вспоминаю слова преподавателя основ власти. Он цитировал нам выдержки из старинного манускрипта под названием «Протоколы сионских мудрецов»:

«Прямые наследники часто будут устраняемы от восшествия на престол, если в учебное время выкажут легкомыслие, мягкость и другие свойства. ... губители власти, которые делаются неспособными к управлению, а сами по себе вредны для царского назначения. Только безусловно способные к твердому, хотя бы и до жесткости, неукоснительному

правлению, получают его бразды».

Не хочу туда. И все-таки – что делать? Прилетел бы Ветер. Не думал, что буду так ждать этого показушника. Вон как распустил перья перед Лоттой: шубку принес, жемчуга подарил. И эти деньги. Обидел Лотту, когда она показывала заработанные деньги. Она так радовалась, что мы сможем ехать спокойно, не очень ограничивая себя в средствах, а мы повели себя как скоты. Не могу себе этого простить. Если приедет, попрошу прощение, только бы вернулась.

И она вернулась, вернее, ее вернули.

На пороге появился седой, очень властный старик с Лоттой на руках.

– Покажите, куда ее можно, положить, – приказал он.

Я метнулся, открыл комнату Лоты:

– Сюда, сюда заносите, что с ней?

– Жива, только сильно переохладилась, не знаю, когда оттает, много сил надо приложить, чтобы пришла в себя. Лучшее тепло – тепло человеческого тела. Думайте, кто греть будет. Внуку скажу, что спасли её, вернули, а Вы не расслабляйтесь, грейте. Извини, некогда, ждут меня.

Старик растаял, как и не было, тут только до меня дошло, что это сам Стрибог был, кто еще Ветра может внуком называть? Сам Стрибог её сюда принес. Ну дела. Чем же ты, Лотта, такая ценная, что сами высокие боги тебя на руках приносят? Мысль дальше не развивал, кинулся к Лотте.

Мне захотелось заплакать. Наверно, лет с шести не пла-

кал. А тут захотелось. На кровати лежала Лота – бледная, с синими губами, совершенно без признаков жизни. Нет, она не умерла, не верю. Стрибог сказал, что её надо отогреть – значит, не мертвая. Но она холодная, абсолютно холодная. Дышит ли? Не чувствую. Лицо как мел, даже её яркие веснушки как будто поблекли, руки упали вниз, не шевелятся. Я нагнулся пониже, взял руки – никаких признаков жизни. Стою, как дурак, смотрю растерянно – и ни одной мысли. Бежать за Клевенс? Так она еле живая вечером была, так устала. Греть? Поить горячим? Что делать?

Рядом появился Ветер. На лице такое же испуганно недоуменное выражение.

– Дед сказал, что она жива, и надо отогреть. Нельзя терять ни минуты. Жизнь может уйти. Раздевайся быстро, а я Лотту раздену, будешь греть, – скомандовал Ветер.

– Может, ты? Мне неудобно.

– Дурак, ты хочешь, чтобы она жила или думаешь о том, что прилично? Быстро раздевайся, а я раздену её.

Ветер крутил Лотту как тряпичную куклу, благо вещей на ней почти не было.

– Ложись и грей, а я пойду, чай вскипячу, есть вино, мед, – и убежал.

Я залез в постель, укрыл себя и Лотту и прижал её к себе. Боже, какая же она маленькая и холодная. Кусок льда. Мурашки побежали по телу, так стало холодно. Может, мёртвую девушку обнимаю, страшно. Кукла – ледяная, холодная

кукла. Неужели так может быть? Я не уберег её, ничего не сделал, чтобы она не погибла. Я – будущий король, который не знает, как поступить с одним человеком, за которого в ответе, а как государство? Оно состоит из людей, будем начинать с одного человека. Эта мысль помогла взять себя в руки и не хлопать сознанием.

Моё тело неожиданно стало горячим, не обычным теплом, а как будто костер внутри полыхнул. «Вспомни об искре, что вложила я в Вас, – услышала я голос, – разожги её, найди такую же в Лотте, она спасёт». Я сосредоточился на этой маленькой искорке, она стала увеличиваться, небольшой огненной дорожкой побежала по рукам, коснулась почти мёртвой девушки, проникла в её тело и обнаружила крохотный, почти потухший уголёк в этой уходящей жизни. Уголек радостно задрожал, вспыхнул и начал жить. Будет жить, понял я, искра спасла.

«Спасибо тебе Лада», – мысленно поблагодарил я.

Прибежал Ветер и следом за ним Клевенс в одной рубашке.

– Молодцы, ребята, сообразили, что делать. Сейчас попробуем ей влить немного теплого внутрь, и ты, Карен, пей, тело быстро охлаждается. Да прекрати переживать. Человека надо спасать, а не о приличиях думать. Пей, полежи немного, через полчаса я тебя сменю, потом девушек разбудим и будем по очереди отогревать.

Ночью я так и не лег спать, девушки вскоре сменили меня,

выгнали нас с Ветром, и мы сидели, ждали, и разговаривали.

Ветер оказался нормальным парнем. Это он, оказывается, деда к Моране послал, поэтому Стрибог и принес ее.

– Дед сказал, что даже если мы отогреем её, Лотта не будет прежней. Морана что-то с ней сделала, кажется, смысла жизни лишила, или что-то подобное. От её холода не так-то просто отогреться. Не знаю, сколько времени пройдет, пока она в себя придет.

– Лаки, а зачем Моране Лотта понадобилась, можешь сказать? Я чувствую, что там какие-то разборки между Богами происходят.

– Сказал бы, но не могу, сам не очень много понимаю. То, что знаю, открыть тоже не могу, не моя тайна. Единственно, скажу именно тебе: если бы мне было позволено за Лоттой ухаживать, всё сделал бы, чтобы она меня полюбила, но в этом мне отказано. А вот если кто из Вас её обидит, убью, не задумываясь.

Утром Ветер улетел по своим делам, а наши попытки отогреть Лотту продолжались до самого вечера. Ей массировали и легонько растирали руки и ноги, пытались влить в рот немного горячего. Хорошо, что больше раздетым её мне не пришлось согревать, девушки старались.

Засыпал прямо за столом, две ночи без сна, глаза слипаются, но дождусь, когда она очнётся. Но лучше бы я этого не видел.

– Она очнулась, – позвала Стефания, которая отгоревала

её в это время.

Мы бросились в комнату.

Лотта открыла глаза. Холодные, без тени эмоций – ни радости, ни грусти – и посмотрела в потолок. Не на Стефанию, которая в это время лежала с ней рядом, а в потолок.

– Лотта, ты как?

Молчание.

– Ты слышишь нас? – опять молчание.

– Выпьешь что-то, вот чай? – прибежала с чашкой Клевенс.

– Не хочу, – послышался совершенно безжизненный голос.

– Надо.

– Не хочу, уйдите все, мне надо побыть одной. Уйдите, – голос без эмоций и жизни.

Мы вышли, не зная, что делать.

– Нет, так нельзя, она не ела двое суток, надо влить в нее бульон. Мальчики, вы знаете её дольше всех, попробуйте, – сказала Клевенс.

Мы с Ха пытались ее уговорить, но тщетно. Хорошо, что прилетел Ветер.

– Лотта, не противься, так надо. Пей, я приказываю. Так надо, слышишь, – приказным тоном произнес Ветер и сунул ей ложку в рот. – Глотай. Ещё. Вот умница.

Карен. Продолжение

Время тянется как резина, и всё без изменения.

Так прошла неделя. Лота почти не вставала – спала и смотрела в потолок, почти не разговаривала. Ела только то, что удавалось впихнуть Ветру и мне, и то в приказном порядке: открывала рот и глотала, не замечая, что ест и вообще – ест ли.

Приют и его люди переживали явно нелегкие дни. Страшные беды и проблемы, казалось бы, чудным образом разрешились, но люди не могли к этому привыкнуть и осознать. Слишком быстро, слишком сразу, раз – и в дамках. К подаркам судьбы тоже надо привыкать. Учились думать по-новому, осознавать и жить во многом как с чистого листа. Поэтому было сложно.

Особенно серьезной, конечно, была проблема с Лоттой. Она огорчала всех, у каждого были свои предложения по её решению, но никакие усилия не могли привести её в чувства. Лотта ничего не хотела. Это была совершенно другая Лотта – безучастная и равнодушная к себе и другим. Но её болезнь, моя ответственность за неё каким-то образом сделали её более значимой для меня. Вернуть прежнюю Лотту стало моим главным желанием в этот период, моим и Ветра. Очень переживал и Ха, но его часто не было в доме, и он мог немного отвлечься от этой проблемы. Ветер же без конца что-то пытался сделать. Он приносил ей какие-то невиданные заморские цветы и фрукты, рассказывал сказки, грел

её руки, которые так и не стали теплыми, или просто сидел и улыбался. Я очень оценил эту помощь, особенно учитывая его занятость. Но пока ничего не помогало. После её возвращения прошла неделя, но прогресса не было. Она не хотела есть, засыпала днём, ночью смотрела в потолок, плакала и молчала. Я никогда раньше не видел, как она плакала, а сейчас она плакала отчаянно и горько. Иногда хотелось прижать её к себе и погладить по голове, а иногда тряхнуть её за плечи и сказать: очнись, девочка, ты нужна нам и себе тоже. Действительно нужна.

Лотта устало закрыла глаза, а я вышел в гостиную. Там бушевали свои страсти.

Бывший Бездушный хвостом ходил за Стефанией, мотивируя это тем, что боится далеко отойти от своей души, так как ему плохо, когда он её не чувствует. Его душа-птичка действительно вела себя странно. Она весело скакала и пела на плече у девушки, но пряталась у неё за пазухой, как только Борислав приближался к Стеше ближе, чем на расстояние вытянутой руки, и возмущенно чирикала оттуда: мол, не подходи. Бедняга не знал, что делать. Стеша посмеивалась над тем, что парень постоянно находится возле неё, но иногда это её очень раздражало. Например, если он стоял под умывальней и ждал, когда она выйдет оттуда. В этих ситуациях ей становилось не до смеха. Помню, она возмущенно кричала:

– Ты бы еще в постель ко мне залез за своей душой!

Я усмехнулся и тогда первый раз подумал: «А ведь они отличная пара. Она красивая, улыбчивая, молодая, все у неё ладится, с ней легко должно быть по жизни. И Борислав тоже привык добиваться всего сам, с таким не пропадешь. Отличная пара».

Эти двое действительно радовали окружающих. Сейчас между ними шел замечательный разговор.

– Стеша, а Стеша, дай душу потрогать, ну хоть коснуться дай.

– Ты руки мыл? Ишь, душу он хочет грязными лапами трогать.

– Они не грязные, да я же только дотронусь, перышки поглажу, ловить не буду.

– Я её сейчас покормлю, может, сытая она тебя к себе подпустит.

– А может, ей выпить дать? Она пьяная будет поговорчивее.

– Нет, вы видели, совсем обнаглел, душу спаивать собирается! Я бы после такого предложения вообще бы в твою сторону и не смотрела.

– Стеша, ну попроси её не прятаться. Спроси, чего она меня боится?

– Спрашивала, молчит и в твою сторону не смотрит.

– Стеша, может, ты посмотришь?

– На что? На тебя или птичку?

– Да и на неё, и на меня, всё одно без тебя мне не жить.

– Ну ты молодец, такими словами бросаешься. Может, ещё ухаживать за мной будешь ради души-то?

– Вот в этом ты права, ради души и своей, и твоей совсем неплохо было бы поухаживать.

– Все, Борислав, заканчивай словами играть, я иду на кухню, посуду помоги убрать.

Стеша взяла на себя многие функции Клевенс – занималась приготовлением пищи и домашним хозяйством. К этому занятию пришлось приобщить Борислава – все равно торчал рядом, и он исправно помогал ей.

Сидящие за столом с улыбкой смотрели им вслед.

Одновременно у нас, кажется, намечалась ещё одна пара. После своего спасения Себастьян не сводил благодарных глаз с Есении. Помогал ей, приносил бумагу, садился рядом, когда она рисовала, и не мог не восхищаться её талантом. Она ему явно нравилась. Но тень задумчивости, печали и обреченности не покидала его лица. Он смотрел на девушку и как будто запрещал себе ухаживать за ней. А она, кажется, ждала этого. Слишком часто смотрела она него и краснела. После поездки Есения просто расцвела – то ли потому, что смогла что-то совершить в своей жизни, то ли из-за внимания со стороны странного и таинственного мужчины. Её глаза сияли, и она была полна жизни и ожидания счастья.

Сегодня она не удержалась и спросила:

– Себастьян, как случилось, что Вы стали собирателем грехов, это так страшно. Что произошло с Вами?

– Расскажу в другой раз. Сейчас не хочу говорить, так хочется побыть обыкновенным человеком. Скоро опять всё начнется сначала, и не знаю, смогу ли я тогда смыть то, что собрал, сколько проживу, и куда меня занесёт дорога. Прости, Есения.

Встал и вышел. За столом оставались я и Есения, остальные тоже разбрелись по своим комнатам.

Разочарование мелькнуло во взгляде девушки, когда Собиратель грехов ушел, но она закусил губу и продолжила рисовать. Вечерами Есения почти не выпускала из рук карандаш, и её рисунки никого не оставляли равнодушным. Она рисовала нас, лес, лошадей. Казалось, эти лошади сейчас сойдут с листа и побегут. Все только удивлялись, как такой талант никто не замечал раньше. Сейчас её взгляд почему-то упал на чашку. Щербатенькая такая, давно пора выкинуть. Очень быстро Есения набросала эту чашку.

– И зачем я ее рисовала, только бумагу перевозжу, некрасивая, – сказала Есения, пошла с листиком бумаги к камину и бросила рисунок в огонь. – Пусть сгорит.

Чашки, которая стояла прямо передо мной на столе, не стало. Как растворилась в воздухе. Моргнул глазами.

– Есения, что произошло, куда чашку дела?

– Какая чашка – та, что рисовала? Рисунок сожгла, а что?

– А то, что чашка пропала. Ты рисунок сожгла, а чашка пропала. Объяснить можешь?

– Шутишь? Я только дурацкий рисунок сожгла.

– А что при этом сказала?

– Пусть сгорит, больше ничего.

– Есения, быстро рисуй еще одну чашку или ещё какую-нибудь ненужную ерунду.

– Зачем?

– А затем, что неслучайно чашка исчезла. Ты ведь Предназначенная. Да, ты спасла Собирателя грехов, но полностью твоё предназначение не раскрыто. Может, тебе мусор предназначено убирать. Шучу. Просто думаю.

Есения нарисовала тарелку.

– А теперь сжигай.

Повторили то же действие, и тарелки не стало.

– Вот это чудеса. Так ты, поди, полмира уничтожишь, рисуя и сжигая. Молчи об этом. У меня возникла совершенно бредовая идея, – и я побежал в комнату собирателя грехов.

В комнате было темно, но человек точно не спал, он лежал, прижавшись лбом к стене, и только что об эту стену не бился.

– Себастьян, разговор есть серьезный. Очень. Извини, что врываюсь. Появилась абсолютная бредовая идея, её надо проверить. Идём, сейчас людей нет, будем пробовать. Только вначале ответь на очень важный вопрос: как ты видишь грех и можешь ли отделять человека от греха?

– Карен, не знаю, что ты задумал, но, конечно, в определённом состоянии я вижу все грехи и, конечно, могу отделять грех от человека, иначе как бы я его забирал?

– А образ этого греха какой? Ну, как ты его видишь?

– Да трудно объяснить словами. Он имеет вид человека, в котором живёт, но этот образ значительно безобразнее самого человека, и в нём отражена суть порока. Образ жадности, стяжательства обычно представляет собой человека со скрюченными пальцами, трясущимися руками, горящими от жадности глазами. На внешности человека это может отражаться очень слабо, но образ, который я вижу, именно такой. Образы трудно описать словами.

– А ты передать увиденное можешь, ну, чтобы кто-то ещё увидел истинное лицо порока.

– Ты что, кому такое видеть пожелаешь, это только мое проклятье, сам на себя его взял. Теперь один, и буду один до окончания жизни, срок которой может быть совсем небольшой. Карен, мне сейчас плохо как никогда, хуже, чем когда сидел голодный и распираемый грехами. Понимаешь, я смотрю на нее – сам знаешь на кого – и знаю: вот девушка, о которой я мечтал всю жизнь, именно такая, истинная половинка, но я не могу позволить себе даже думать о ней. Разве можно ломать другую жизнь, никому нельзя находиться рядом со мной, когда грехов наберусь.

– Но один раз она прикасалась к тебе, под деревом, когда отгоревала.

– Да было дело. Но тогда, вероятно, грехи, как и я, замерзли.

– Может, она действительно тебе в помощь предназначен-

ная, не только же для спасения тебя её сюда привело. Сам посуди: домашняя девочка, считающая себе никчемной и ни к чему особо не способной, приезжает сюда, находит этот затерянный вдали от людей приют, спасает в последний момент тебя от холода. Бросается в сани, вытягивает из реки. И это делает не богиня какая-то, а обычная девочка. Тебе не кажется это странным?

– Кажется. Сам думал, только не могу я другому такую судьбу пожелать, тем более ей. Она достойна лучшего. Видел, как она рисует? Она станет известным художником, может быть, её картины будут висеть во дворце, и она будет рисовать королей, а мой путь – дорога, чужие грехи. Ты не представляешь, какие люди бывают уродливые. Когда я это-го посмотрю, да внутрь приму, единственное желание – умереть. Но не могу, обещание дал. Умереть смогу, только если смерть сама заберет. Ко мне ни один зверь не подходит. Да что жаловаться, сам выбрал этот путь.

– Пойдем к ней, и ты нам всё расскажешь, а потом я попробую одну мысль изложить.

Мы опять вернулись в гостиную. Заглянул к Лотте, она металась по кровати с закушенной губой, и на лице отражалась отчаянье и боль. Укрыл её, вздохнул. Вернусь попозже.

За столом сидели двое, молча смотрели друг на друга, словно прощались. В воздухе будто витали их мысли: «Я тебя никогда не увижу», «Я тебя никогда не забуду». Только вот зачем, когда можно, я уверен, быть вместе.

– Рассказывай, Себастьян. Никто тебе не судья. Начни с начала.

– Это началось, когда мне было лет семнадцать. Мы жили в небольшом княжестве возле Гиперборейских гор. Жили довольно замкнуто, добывали камни самоцветные, руду. Не бедно жили. Люди трудящиеся. Торговля хорошо шла. Весной у нас появился человек, странный такой, лет тридцати, явно издалека. Сначала в одну артель пристроился – не понравилось, потом в другую, третью – везде не то и не так. На постоянный двор устроился и начал там жидкость делать, самогонкой назвал. Подожжешь – гореть начинала. Артельщикам, особенно тем, кто руду добывал, сильно понравилось, что дурными становились, не думали, зато на душе весело становилось. Сидят в трактире, за жизнь разговаривают, песни пьяные поют. Потом напиток послабее придумал, но тоже с ног валит – водкой назвал. Эта зараза как лавина по княжеству прокатилась. Не только мужики, но и женщины выпивать стали. Работать не хотят, о смысле жизни разговаривают. Хозяин постоянного двора, куда он поступил работать, куда-то пропал, он хозяином стал. Через год он стал хозяином всех трактиров княжества. Денег у него куры не клюют. И давай он и его работники людям мысли внушать, какие они молодцы, лучшие на этой земле – работающие, умные, красивые, умелые, в других княжествах да царствах все остальные людишки по сравнению с ними никчемны, а они точно от богов произошли, и нет им равных. Через два года кто только дол-

жен ему не был, все ему должны. Наши люди раньше к этой гадости не приучены были, быстро она их косила. Привыкли, а отвыкнуть не могут. А он людьми как куклами крутит, одну артель на другую натравливает. Драки стали происходить, подкупы, предательства. Дом публичный открыли, девушки наши за деньги себя продавать стали. Вскоре он ещё одно заведение открыл – игорный дом назвал. Сначала интересно было, но кто туда раз пришел, дорогу уже не мог забыть. Деньги все проиграют, а он им за долги порученьице какое придумает: то одного человека приструнить, то другого, потом люди, кому он не нравился, пропадать стали. Так наше княжество стало просто разбойничьим притоном. Пришлый сидит, за верёвочки дергает. К нему не подступиться, свои охранники у него, защищают его. По вечерам на площади и в трактирах стали появляться люди, которые рассказывали, что так, как мы живем – это правильно, а в других, соседних княжествах слабаки живут, недостойные землю топтать. Захватить их надо, добро забрать, а их на себя работать заставить. Тут ещё Чернобог появляться стал, нечисть разная по болотам, лесам расплодилась. Не всем, конечно, это нравилось. Старики стали Велеса звать, рассказали про беспредел, но не помог Велес. «Видел я это, – сказал, – только не вмешивался. Мы, боги, советовать можем, а приходим только тогда, когда сильно зовут. Зло и грехи заполнили ваше княжество. Совет могу дать. Найдите тех, кто собой пожертвует и будет собирать грехи у тех людей, кто желает их отдать, ис-

кренне желает. Не так много времени прошло, как пришлый появился, совесть ещё не всю пропили. Много есть тех, кто не хочет быть пьяницей, вором, зависимым от игры и от других грехов. Собиратель грехов сможет брать чужие грехи на себя, а потом воде отдавать, чтобы уносила она их, смывала. Дам я ему способность грехи видеть и забирать. Повторяю, забирать их только у тех людей, кто хочет отдать, мучается содеянным и искренен в своём желании». Двое нас было – я и мой брат. Брат на год старше меня был. Отец наш от пьянства погиб, сгорел, а мать, красивая она была... Обидели, в общем, её, жить дальше не захотела. Сердца пылали жаждой мести. Посмотрел на нас Велес и сказал: «Трудную долю вы себе, ребята, выбрали. Мечь – это хорошо, только, отомстив всем, зла не измените. Будете собирателями грехов. Потом, может, судьбу облегчить смогу, но пока несите тяжелую ношу». Мы тогда и не подумали, что выбираем. Героями себя возомнили, спасителями мира. За честь семьи поквитаться хотели. «Пока, – сказал Велес, – огражу княжество стеной невидимой, чтобы это зло по свету не расплзлось. Ты, Федот, здесь останешься, а ты, Себастьян, покинешь княжество и будешь бродить по дорогам, забирая грехи, что разбежались, да и раньше немало их было. Пришлого я отправлю туда, откуда пришёл. Только много судеб он поломал, трудно будет восстанавливать. Многие будут хотеть вас убить. Но не смогут, неприкасаемые вы оба теперь. Поняли?» Мы тогда кивнули, а понимание, куда встряли, позже пришло. Когда

от нас хуже, чем от чумных, шарахаться стали, боясь заразиться чужими грехами, хотя своих полно. Вот так и живу. Уйду я, наверно, скоро. Хоть и зима вокруг, лучше замерзнуть, чем сердце мучить. Неприкасаемый я, Есения, вот так.

Он поднялся и собрался было уходить.

– Нет, – Есения сорвалась с места и бросилась на шею парню, прижалась к нему всем телом. – Я могу к тебе прикасаться, вот видишь, на меня проклятье не распространяется. Нравишься ты мне, с тобой пойду. Ты возьмёшь меня с собой?

У Себастьяна глаза стали крупнее блюдца, что на столе стояли.

– Этого не может быть, – и он дрожащими руками обнял Есению. – Девочка, ты не знаешь, что говоришь. Я и мечтать не мог, что такое возможно, но не могу быть подлецом и предложить тебе разделить такую жизнь не могу.

– А зачем ты мою судьбу за меня решаешь? – Есения еще крепче прижималась к нему. – Мы вместе многое сможем. Скажи – может, я тебе не любя? А я на шею бросаюсь?

– Глупая, лучше тебя я никого на свете не встречал. Люба ты мне, очень любя. Талант только у тебя, ты богатой можешь стать, а что со мной? Хорошо, если на постоялом дворе устроиться удастся. Сложная у меня дорога. Когда грехами полон, старею я, совсем некрасивым становлюсь.

Я посмотрел на собирателя грехов: молодой, симпатичный, за неделю хорошо отъелся, быстро восстанавливался

после прошлого. Он нежно гладил Есению по волосам, и совершенно счастливая улыбка делала его еще моложе. А идея-то у меня есть, только вот как проверить?

– Себастьян, скажи, а у меня много грехов?

Собиратель внимательно посмотрел на меня.

– Да грехов-то у тебя почти нет. Так, ерунда, типа пирожка, с кухни украденного.

– Может, пороки, страхи? Ты страхи тоже видишь?

– Если мешают предназначению, то вижу.

– А какой мой главный страх?

– Страх ответственности, страх править страной. Сам знаешь, боязнь ответственности для короля уже не просто страх, а порок, и я вижу его в тебе. Не такой уж большой, но в наличии.

– А как он выглядит?

– Вижу парня, похожего на тебя, который трусовато прячет голову под подушку, а корону засовывает под кровать. Смешно, да, но я так вижу.

– Есения, а ты это видишь?

– Странно, но вижу, что он описал: тебя испуганного, и подушку, и корону. А появилось видение, когда он как-то по-особенному на тебя глянул, как будто другими глазами. Только видение это странное, существует в момент, когда к Себастьяну прижимаюсь и слышу стук его сердца, а как отстраняюсь – не вижу.

– Нарисовать сможешь?

– Смогу.

– Рисуй быстро, пока не забыла.

Есения стала рисовать.

– Карен, ты что удумал? – озабоченно спросил собиратель.

– Понимаешь, то, что она рисует, а потом бросает в огонь со словами «пусть сгорит», исчезает. Сейчас на мне поэкспериментируем, с чашками эксперимент уже провели.

– Ты что, серьезно? А если ты пропадешь?

– Ну ты же сам сказал, что можешь отделять человека от греха, на картинку сейчас посмотришь – увидишь, что там изображено будет – я или мой порок.

Есения нарисовала рисунок довольно быстро, таким трусом я себя еще не видел. Хорош гусь, будущий правитель. С таким действительно не грех и расстаться.

– Ну что, похоже? Я это изображен или мой порок?

– Нет, Карен, точно порок. И если ты его осознаешь и жить с ним не хочешь, я его заберу. Но как, Есения, ты это могла увидеть?

– Я же уже сказала: когда ты меня к себе прижимаешь, я вижу, а уж нарисовать – это, видать, и есть мое предназначение.

– Пробуем, – резко сказал я, хотя волна страха подкатила под горло. Вдруг сейчас и меня, как чашки, не станет?

Есения и Себастьян задумчиво смотрели на меня.

– Неужели это возможно? – только и сказали они почти

хором. – Ты ради нас готов рискнуть?

Есения подошла к камину, бросила рисунок, и сказала:

– Пусть горит.

Бумага вспыхнула, а у меня из сердца как будто что-то ненужное вырвалось, и стало легче дышать. Бумага прогорела, а я стоял живой и улыбался.

– Себастьян, что ты видишь во мне? Скажи, оно пропало?

– Да. Невероятно! Вот он выход!

Он подхватил Есению на руки и стал кружить её по комнате.

– Счастье, счастье, я могу жить, я могу жить, как человек. Ты моё чудо, моя награда, моё счастье. Ты согласна быть со мной? У меня сейчас нет кольца, чтобы заключить помолвку, я не могу обещать легкую жизнь, но теперь всё будет иначе. Если ты будешь со мной, если всё так, мы сможем жить как люди. Надо будет ездить, но не одному, можно жить, не шарахаясь от людей, не ночевать в самом недоступном для людей месте. Я смогу после работы общаться с людьми. И я смогу обнимать живого человека, не просто человека, мою девочку, мою любовь. Единственную!

Есения смеялась. Слезы катились по щекам. Как хорошо, что они встретились, эти двое, предназначенные друг для друга. Даже завидно. Тоже хочу счастья и, конечно, любви. Только вот я её еще не встретил – и тут вспомнил о Лотте. Как она там, спит или опять смотрит в потолок?

– Я пошел, проведу Лотту, а вам есть о чем поговорить, –

и вышел из гостиной.

На душе было так легко. Благодаря этим двум людям страх, с детского возраста терзавший душу, ушел, пропал. Ответственность за королевство, за будущее правление осталась, а страх пропал. Здорово.

Лотта не спала. Она лежала, свернувшись калачиком, и больше не плакала. Лучше бы она плакала. Потерянность и непонимание, зачем она в мире, который окружает ее, усилились. Ей было плохо, очень плохо.

– Лотта, милая, ты хочешь чего-нибудь, может, яблочко съешь? Не смотри на меня так. Ты нам так дорога, так важна.

Для меня это были не слова. Она мне действительно стала невероятно дорога. Я не мыслил себе, что её может не стать в моей жизни и не стать вообще.

– Лотта, у нас хорошие новости, – и стал рассказывать ей про Предназначенную и Собирателя грехов, как у них все хорошо.

– Не бойся, Лотта, мы что-нибудь придумаем, и ты выздоровеешь.

Я прижал её к себе, Маленькая, исхудала за это время, не ест ведь ничего. Она вся дрожала.

– Лотта, тебе холодно.

Она покачала головой.

– Страшно?

Наконец-то заговорила.

– Мне очень страшно, Хи. Я, наверно, умру. Зачем я тут?

Все бессмысленно. Вы живые, а я нет. Нет смысла держаться за эту жизнь, я здесь чужая, ненужная.

– Неправда, Лотта, ты нужная и не чужая, дорогая. И мне, и Ха, и Ветру, я говорил тебе уже об этом. Не думай о смерти. Один мудрец говорил: «Как мы можем знать, что такое смерть, когда не знаем ещё, что такое жизнь». Ты ещё не знаешь жизнь, ты мало прожила. Она интересная, жизнь.

Я прижал её сильней, лег рядом, положил её голову себе на плечо.

– Лежи. Я рассказывал тебе, как хорошо все решается у наших друзей, и у тебя будет. Всё будет. Только не дрожи так. Верь.

– Не верю. Все ушло, впереди нет ничего. Если в жизни нет смысла, зачем жизнь?

– Лотта, тебя ждет дорога, придет весна, мы опять пустимся в путешествие. А хочешь, останься с Лаки, он хороший. Правда, я сердился на него, думал, он ветреный, а он хороший, заботится о тебе. Хочешь, будешь летать по всему миру с ним, а хочешь – пойдём дальше с нами. Мы придумаем, как тебе помочь. Вот увидишь.

– Знаешь, Хи, мне сейчас приснился сон. Единственный не страшный сон за последние дни. Я видела птицу – большую, с разноцветным оперением, и у неё человеческая голова, лицо прекрасное, и она пела. Потом посмотрела на меня и заговорила. Странный стих, я запомнила:

«Душа как выжженная пустошь,

Ничто на ней не проращёт.

Ты не мертва и не воскресла,

Моя слеза тебя спасёт».

– Не знаю. Прилетит Лаки, поговорим. Чайку горяченького хочешь? Нет. Поспишь ещё немного?

И она задремала. Устал. Не знаю, что делать. Ха не советчик сейчас, такое впечатление, что не понимает всей серьезности ситуации. Нужно ждать Ветра. Единственный, с кем можно поговорить, да ещё Сказитель. Он мудрый человек, но известие о сыне и то, что он так виноват перед его матерью, просто выбило его из равновесия. Всегда спокойный и чуть насмешливый, он сильно изменился. Он то писал что-то судорожно, то сидел и смотрел в окно, будто собираясь бежать вперед к своим сейчас и босиком, то хмурился и что-то обдумывал. С этими мыслями я заснул, обнимая Лотту.

Утром пришел Ха. Удивился, увидев, где я сплю, разбудил меня и велел пойти отдыхать.

Михел

Вот, разбудил братца, пусть отдохнёт, побуду немного с Лоттой. Хи и Ветер всё время ей занимаются, но не знают, что делать. И я не знаю, что делать.

Лотта стонала во сне, вскрикивала, тревожно что-то бормотала.

Как она измучилась. И молчит, а так хочется с ней пого-

ворить. Расскажу ей, как вокруг хорошо, пусть о хорошем думает.

– Лотта, это я, Ха. Ты уже открыла глаза? Сейчас утро, а ты помнишь, я всегда говорил: «А что хорошего ждет нас сегодня?», и опять скажу. Мы с Чеславом ходим в лес, охотимся, как ты учила. У Чеслава получается лучше, чем у меня, ты же знаешь, я всё по сторонам глазею, отвлекаюсь. В лесу столько снега намело, далеко не уйдешь, но мы на снегоступах ходим. Удобно. Волки сейчас близко к приюту подходят, но нас не трогают. Кабаны тоже совсем рядом стали появляться. Хочется с тобой в лес пойти. Там сейчас удивительно красиво. Снег лежит шапками, ели как невесты, схватишь её за лапку – и весь в снегу с головы до ног. На рябине снегири сидят, ягоды красные и грудки у снегирей красные, может, не такие яркие, но смотрится здорово. Ты знаешь, как я люблю на это всё смотреть. Лотта, ты слушаешь меня? Не смотри так жалостно. Я так жалею, что не могу рисовать. Хочется эту красоту всю на память оставить, людям показывать. Я бы тебе эти увиденные кусочки сейчас принес, ты бы любовалась, мысли плохие оставила. Может, встанешь, выйдем на улицу, сегодня солнышко, мороз сильный. Не можешь? Сил нет? Я тебя сейчас заверну в одеяло и на минутку вынесу во двор. Не хочешь? Не бойся, я не уроню тебя.

Я схватил её невесомое тельце и вынес за двери. Снег искрился и хрустел под ногами. Небо ярко-синее, морозное, деревья в снегу.

– Правда, красиво? Тебя не радует? Удивительно. Хочешь домой? Странно. Ну посмотри, как красиво. Почему ты закрываешь глаза, Лотта? Устала? Всё, несуди назад.

Я отнёс и положил её в кровать. Жалко её, и странно, что она не чувствует, как чудесно вокруг. А я так мечтаю, чтобы все это почувствовали. Увидели. Как было бы здорово оставить в памяти кусочки этого дня. Плохо, что это невозможно. Какие холодные у Лотты руки, и согреть не получается. И непонятно, о чём она думает. Меня не слушает, ей не интересно то, что я ей рассказываю, а раньше слушала с удовольствием. Что делать, буду просто сидеть, думать о хорошем.

– Лотта, я мечтаю о весне, о дороге, так хочется увидеть новые реки, новые леса, другую природу. Тебе ведь тоже? Не хочется? Не может быть! Это хандра, она пройдет. Всё плохое уходит. Поспи.

Лотта провалилась в сон, как в какую-то яму, а я пошёл завтракать.

Карен. Волшебные птицы

У Ха не хватает терпенья сидеть с Лоттой, он то возбужденно ей что-то рассказывает, но сидит грустный и не знает, что сказать. Это непросто, оказывается, вот так изо дня в день не отчаиваться, не показывать вида, что не знаешь, что делать, сидеть и ждать. Мне нужен Ветер. Этот приснившийся Лотте стих не идет из головы. Слеза, которая её спа-

сет, чья слеза?

Ветер залетел быстро и сразу метнулся к Лотте в комнату, на ходу вытаскивая из-за пазухи цветы и огромный оранжевый фрукт с приятным запахом.

– Лотта, это орхидеи, посмотри, какие они нежные, как ты. Понюхай, как пахнут. Они растут в Африке, их тебе Бриз передал, в горшочек посадил, чтобы долго цвели. Они будут стоять у кровати, смотри на них чаще. А это апельсин, сейчас почищу, съешь полечку. Вот умница.

Мы сидели у её кровати, и эта девочка была для нас важна, как никто.

– Ветер, тут Лотте приснился странный сон, в нём был стих, явно с намеком, – и я рассказал ему его.

– Да, действительно интересно. Только непонятно, чья слеза.

– У меня мыслей нет. А ещё она видела птицу – туловище птичье, а голова человеческая. Она пела, а потом вот этот стих рассказала.

– Это уже информация. Я знаю три таких птицы: Гамаюн, Сирин и Алконост, и каждая из них может петь, а вот плакать? Какая из них, если это они? Сирин в принципе плачет, но как-то никого не спасает. Карен, я с дедом посоветуюсь. Он сказал, что никто из богов не имеет права помочь Лотте – это было требование Мораны, когда она её отпускала. Так что не знаю, кто это может быть. Хи, я полетел, буду только завтра и постараюсь разузнать поподробнее, кого и где ис-

кать.

Мы вышли в гостиную.

– Ветер, как ты думаешь, почему потеря смысла жизни так сильно на нее повлияла? – спросил я. – Мне кажется, многие прекрасно живут и без смысла жизни: едят, спят, танцуют. Сколько таких видел при дворце.

– Ты прав, я тоже об этом думал. Для Лотты изначально было важен смысл жизни, свой путь, предназначение. Ей без него слишком плохо, я вообще боюсь за неё, кажется, её состояние ухудшается, и не ест она ничего. Надо быстрее искать ответ. Немного у нас времени. Улетаю, накорми её хоть чем-нибудь.

Я договорился со Сказителем, быстро рассказал ему о сне, который приснился Лотте, и стихе, что она запомнила. Для того, чтобы понять подсказку, надо знать, от кого она исходит. Попросил его рассказать о птицах и пошел Лотту предупредить, что мы придем.

– Лотта, я позову сюда Сказителя, попрошу рассказать про таинственных птиц, может, что-то прояснится. Ты устала и не хочешь никого видеть? Ну пожалуйста, потерпи, это может тебя спасти.

Позвал Сказителя, он много знает всяких сказаний и легенд. Память у него удивительная.

Любим пришел и начал без всяких предисловий – видел, что Лотте тяжело.

– Насколько я знаю, чаще всего появляются и влияют на

судьбы людские семь птиц. Из них имеют женскую голову и тело птицы четыре. Праматерь птиц Стратим очень большая, её можно исключить, да и обитает она возле Моря-Окияна. Остаются три: Гамаюн, Сирин и Алконост. Вероятно, стоит исключить Сирина. Известно, что её великолепный голос и пение завлекает людей, и услышавшие его могут впасть в беспамятство и следовать за ней, куда позовет. Перья Сирина окрашены в темно-синий цвет, иногда днем кажутся синими, а вечером пурпурного цвета. Сирина – птица темная, мистическая, неоднозначная, чаще всего встреча с ней печаль или беду предвещает. Изредка боги могут послать её предупредить человека недостойный поступок не совершать. В ситуации с Лоттой боги пообещали не вмешиваться, значит, чудо-птица действует от себя, а Лотта точно недостойный поступок совершать не будет. Так что остаются, думается, два возможных варианта. Это или Алконост, или Гамаюн. Алконост удивительная птица, тоже поёт замечательно, тоже голова человеческая с лицом юной девы, а тело птичье. Живет она на острове Буяне и сказывают сидит там на яблоне с золотыми плодами (символ мудрости). Зимой же Алконост летает по миру, успокаивая бураны и метели. На зимнее солнцестояние Алконост опускает яйца в пучину Моря-Океана, и в это время не бывает штормов, все моря абсолютно спокойны. Мудрые люди сказывают, что встретить Алконоста – к удаче. Её пение настолько прекрасно, что в сердце каждого, кто услышит его, пробуждаются самые светлые и добрые

эмоции, и он тут же наполняется бесконечной радостью и счастьем, только, заслушавшись, домой может не вернуться. Заговорить с ней только мудрому удаётся, не любит она, когда знания её в абы какие руки попадают. Как видите, вариант подходит, но то, что это птица Гамаюн, тоже очень вероятно. Вот послушайте. Вещая птица Гамаюн считается самой мудрой, живет она от сотворения мира и всё знает, всё ведаёт и прилетает иногда рассказать людям про добро и зло. Голова у нее девичья, тело птичье, а вот оперенные, как и у той птицы, что Лотта во сне видела – разноцветное и переливается. Часто видят в её лапах свиток с текстами. Крик Гамаюн услышать – значит, добрую весть получить, ещё предвещает она счастье. Любит она петь людям божественные песни, мудрости учить, на путь добрый наставлять. К ней за советом обращается тот, кто знает, что спросить, и кто умеет понимать мудрое. Также она пророчит будущее, но лишь тем, кто готов его принять. Научает она героев перед трудными походами, без её участия раньше ни один подвиг не совершался. Над чьей головой крыльями своими повеет, низко пролетая, тот будет непременно владыкой. Живёт она на Буяне, но часто прилетает на Дерево Мироздания посидеть, подумать, мудростью наполниться. Вот такой у нас расклад. Обе эти птицы подходят под описание, только про слёзы их ничего не слыхивал.

– Есть ещё на нашей земле птицедевы, – продолжил Сказитель. – Таинственные существа, что редко рождаются – то-

гда, когда большие изменения в мир приходят. Птицедева – девушка красы неписаной, о двух ногах, только на спине у нее белоснежные крылья. Они могут и среди людей ходить, только крылья прячут. Полюбить могут и человека, и любовь эта сильная, искренняя. Но главное – выполняют они предназначение, что привело их в этот мир, какое никто не ведаёт.

– Я вспомнил про них, – продолжил Сказитель, – потому что рассказывают: в краях, откуда ты, Карен, с Михелом и Лоттой пришли, приблизительно в то время, когда вы родились, появлялась птицедева. Может, это она к Лотте во сне приходила, уж больно странно место и время её появления с вашим совпадает. Может, и не она, но всё одно интересно знать – рядом происходят чудеса, а мы ни слухом, ни духом. Рассказываю словами, как мне о том поведали, – качнул головой Сказитель и начал сказку.

Сказитель. Сказка про женщину-птицу

Рассказывал мне один человек историю. Говорит, не так давно это было.

В наших краях в лесу появилась женщина красоты удивительной. Только рука у неё была сломана. Нашел её в лесу наш егерь и обомлел, глядячи на нее. Привел её к себе, лечил да недолечил, не вышло. А полюбил её пуще себя самого. Готов был ради неё душу продать. Выпросил у неё выйти

за него замуж. Делать ничего не позволял, лишь бы выздоровела. На руках носил. Что только ни делал он для неё – все, что мог, а только грустила она и всё на восток смотрела. Через время должна она была родить. Говорят, тревожно было у неё на сердце перед родами. Пришел к ней муж, и говорит она ему:

– Добрый мой муж! Может, последний разговор у нас, может, погибну родами, а может, это женские страхи, только хочу тебе сказать на всякий случай. Спасибо, что спас, видно, судьба у меня такая, рука не выздоровела, из-за неё на крыло не стала, улететь не смогла. Живу вот в доме. А он для меня все одно как клетка: пусть в сытости, но не на свободе. Не всем женщинам хватает покоя и сытости, некоторым нужно крылья расправить. Да и не совсем я женщина. Птицедова я с далекого острова. Поранил крыло мое Чернобог злой, но ты спас меня, приголубил, любовью своей отогрел. Теплом души своей поделился. Вот живу теперь со сломанным крылом. Только поцелуи твои лишили меня волшебной силы. Нет больше птицедовы, есть жена твоя. Дочка у нас родится вскорости. Тело у неё будет человеческое, а душа птичья, вольная. Когда время придет, крылья появятся. И будет она пуще всего свободу любить. Будет сущность её неизъяснённая в дальние края звать. Не запирай её в доме, учи всему, что сам знаешь – как в лесу обитать, как в дороге выжить. Путь ей на роду написан, лишь на воле сможет она выжить и не погибнуть, как я. А чтобы легче ей было в путях, научи

ходить по звериным тропам. Если сможет найти она тот остров, откуда я родом, там всё сама узнает, полегчает ей, а так будет маяться и рваться, биться о прутья, не зная, что душу гнетет. Там на острове сестры мои живут, они ей всё расскажут и научат.

Тут роды начались, и родилась девочка, а сама жена-красавица померла. Очень горевал егерь, всё себя винил. Только на дочку гляючи улыбаться начинал. И сделал так, как жена его просила. Вот только после смерти его неизвестно куда девочка делась, пропала, как и не было.

Лотта

Хи и Сказитель сидели возле кровати, от рассказа, очень, вероятно, важного, я так устала, что закрыла глаза. Руки трясутся от слабости. Провалиться бы в сон, только без сновидений, а то в них так страшно. Последнее время всё время вижу Морану, стоит она на белой пустоши, не в своём красивом лазоревом платье, а в белой тунике, и зовёт меня, и руки протягивает. Приходи ко мне, Ловелия, ты замёрзла, я согрею тебя, тебе без меня холодно, плохо, зачем тебе жизнь, если в ней нет смысла. Смысл – он важный, а я тебе его верну. Я тебя положу на мою пуховую снежную перину и укрою своим пуховым снежным одеялом, ты выспишься. Тут нет боли, нет расстройства.

Но я почему-то не верю, хотя так и хочется шагнуть ей

навстречу.

Опять брежу. Внутри всё колотится, и тоска хуже голодного волка съедает внутренности.

– Хи, дай руку, мне страшно. Она опять придет и заберет меня.

– Кто, Лотта? – он притянул меня к себе. – Не бойся, маленькая.

– Морана, она мне снится теперь часто и зовёт. А я не хочу, боюсь. Но она сильно зовет, уговаривает.

– Не поддавайся ей, Лотта, она хитрая. Давай поговорим про то, что рассказывал Любим – про Алконост, Гамаюн, про птицедев. У тебя от его рассказа что-то в душе шевельнулось.

– Кажется, да. Когда про птицу Гамаюн рассказывал, мне подумалось, что это, скорее всего, она мне снилась, а когда сказку рассказывал, так как будто про меня это было. Только я очень устала, и мысли путаются. Когда ты или Ветер рядом, мне легче, а так вообще жить не хочется.

Сказитель поднялся со стула.

– Лотта, я пошёл. Послушай человека, который много видел и много пережил. Бывает, что не хочется жить, но это не значит, что хочется не жить. Противься Моране и держись за Карена и Лаки, ты для них дорога. А это много, думай о них. Мы что-нибудь придумаем.

– Да, рядом с Хи теплее, он крепко держит меня, и когда он рядом, Морана не приходит.

Глаза закрываются, устала.

Свадьба

Лаки прилетел днем. Из его необъятных саней вынимали вина, уже готовые яства, заморские фрукты странной формы и вида. Он достал также два аккуратно сложенных свертка и позвал к себе сначала Есению, что-то шепнув ей на ухо, а потом Себастьяна. Они удалились, а девушки пошли накрывать стол.

– Логга, ещё цветы захвати, это от Бриза, букет невесты. Отнесешь ей.

– Лаки, у меня нет слов, какой ты молодец. Где ты это добыл?

– Я и не такое могу, хорошие они люди – заслужили, и твоё выздоровление тоже хочу отметить.

– Да все уже забыли, что я болела.

– Вот и прекрасно, у меня ещё один сюрприз для них есть – удивятся.

– А кто будет обряд совершать и какой?

– А что, разве нужен обряд?

– Говорят, какой-то нужен. Сама-то я ни на одной свадьбе не была.

– А мы сделаем, как нам хочется. Кто нас судить будет?

Клевенс была посаженной матерью, я подружкой невесты, Хи – другом жениха, а Сказителя обязали слова говорить.

Я пошла за невестой, держа удивительный букет для неё, открыла дверь и ахнула. В комнате стояла Есения в невероятно красивом платье.

– Как это, откуда? Невероятно.

– Ветер привёз, сказал, что я должна этот день запомнить, как чудо.

Действительно, чудо-свадьба и должна быть чудом.

Мы торжественно вышли в гостиную. Там уже стоял такой же красивый жених. Новый костюм, а в руках еще один букет, который он торжественно вручил невесте.

Дальше всё протекало в сказочном варианте. Когда Сказитель произнес значимые слова, в воздуха возник призрак Лады, богини любви и семейного счастья, запахло цветами, и начали порхать бабочки.

– Счастья вам, – послышался голос. – От меня в подарок любовь на всю жизнь и дети здоровые и умные. Дом тоже будет, но чуть позже. Счастья.

Лада пропала, Себастьян надел браслет невесте, потом она ему, и тут появился еще один сюрприз. Из воздуха в руки жениха спустился свиток, и голос произнес:

– Поздравляю, счастье счастьем, а без бумажки никак, держите брачный документ, подтверждающий, что отныне вы муж и жена. А мой подарок тебе, Себастьян, такой: ты будешь собирателем грехов не до конца жизни, а еще только пять лет. Никак без тебя нельзя сейчас. Ты также можешь домой заехать, открою для вас закрытый край, брата повидать.

ешь. Жив он, хорошо справляется. А тебе, Есения, обещаю, что талант твой не угаснет. Люди смотреть будут на картины твои и дивиться, и еще дарю краски, что не заканчиваются, и карандаши, что не стачиваются.

Краски и карандаши в красивых коробочках очутились в руках девушки. Чудеса, просто чудеса.

Кушанья были великолепны, вино изыскано, невеста прекрасна и счастлива, как и жених, а мы сытые и немного пьяные. Мы пели, танцевали, тосты разные говорили, смеялись и радовались – свадьба, одним словом.

Мне, наконец, удалось наесться, и я ждала ещё одного обещанного сюрприза от Лаки, мало мне их было сегодня. А сюрприз оказался не один, а целых два. Неожиданно за столом материализовался Ветер Перемен с небольшим сундучком.

– Спешил, думал, опоздаю. Так приятно видеть перемены к лучшему. Жалко, что ненадолго к вам.

Он взял бокал, встал и сказал:

– Тут подарков много надарили, а от меня подарок приземлённый, но необходимый. Как там Клевенс напевает: «Дай счастливому денег и не забудь про меня»? Сундучок этот такой, что никто украсть не сможет, а в нём некоторое количество денег. Мы, Ветры, богатые ребята. На хлеб с маслом вам хватит. Счастья вам, вы его достойны.

Что-то звякнуло в воздухе, Ветер вздохнул:

– Извините, опять ждут, – и пропал.

– Вот и моего последнего подарка время пришло, – сказал Лаки и поднял очередной бокал.

– У вас, молодые, есть полчаса на сборы. Берите самое необходимое – краски, карандаши, бумагу, одежду, только лёгкую. Перенесу вас сейчас на необитаемый остров в океане, там поживете до весны, друг друга лучше узнаете. Есть там всё для жизни, Бриз приготовил. Если не будет хватать еды, он привезёт. Я, может, прилечу. Хотя, впрочем, вам ещё долго никто и не нужен будет.

Молодожёны собрались быстро, вещей у жениха почти совсем не было. А невеста прихватила новые подаренные краски и бумагу и была готова.

– Порталом пойдем, не будем два дня лететь, как с тобой, Лота. Отвезу их и вернусь ещё.

И часа не прошло, как Ветер вернулся.

– Ребятам понравилось, – поведал он, – только после тутошних холодов им в жаре непривычно. Домик их в тени стоит, до берега недалеко, море синее, небо синее, бананы и кокосы растут, рыба ловится, еды полная кладовка, а главное – постель большая и удобная. Что ещё молодым надо? А теперь выпьем за выздоровление Лотты, и я полетел, я от всеобщего счастья такой сытый и пьяный, что могу из саней вывалиться.

Мы вышли его проводить. Кони взвились, и Лаки скрылся в облаках, а мы продолжали празднование. Потом я пошла спать, а большинство так и сидели за столом, обсуждая уви-

денное и попивая вино.

«Завтра учеба начинается, надеюсь, не с раннего утра», – было моей последней мыслью перед сном.

Карен. Встреча с птицей Гамаюн

Лотта уснула, вернее, опять провалилась не в сон, а в какое-то беспмятство. Пойду ещё поговорю со Сказителем.

И я направился в гостиную.

За окном темно, хмуро, день совсем короткий стал, солнца давно не видно. Настроение никакое.

– Любим, что скажешь? Твое мнение.

– Ты про птиц или про Лотту?

– Да про всех

– Про птиц – думаю, что приснилась Лотте, вероятнее всего, Гамаюн, она не так зависима от богов, как другие, может и самостоятельно действовать. Сирин и Алконост обычно как глашатаи богов появляются, а Гамаюн – загадочная особа. Вот только не слышал, чтобы она плакала. Птица, предвещающая счастье, плачет? Странно.

– Да и мне удивительно. Ветер утром прилетит, подумаем.

– Не хочу тебя огорчать тебя, Карен, но вопрос с Лоттой нужно решать быстрее. Ты видишь, она угасает. Знала Морана, как и перед Живой чистой остаться, и от Лотты избавиться. Не убивала, мол, она Лотту, живой друзьям вернула, а дома девушка заболела и не стало её. Умерла – так умер-

ла. Забрала она у Лотты смысл жизни, так другие без него прекрасно живут, сам знаешь. Знала она, что та пустота, что у девочки внутри образовалась, душу выпьет. Спешить надо. Интересно, а как добраться без Лотты к Дереву Мироздания? Может, птица там Вас ждать будет, не просто же так она ей приснилась.

– Думаю, не просто так. На Ветра вся надежда теперь.

Я сидел задумавшись. Но в голову ничего путевого не приходило. Сказитель стал что-то быстро строчить у себя в тетради.

– Любим, что ты пишешь?

– Сказку пишу, жизнь пишу.

– Как это – и сказку, и жизнь?

– Просто начинаешь сказку писать, а она в жизнь превращается, герои сами на написанное влияют. Придумаешь одно, а через страницу персонажи настойчиво требуют, чтобы изменили их судьбу, диктуют мне, как им жить. Слова появляются и сами на бумагу ложатся, будто они живые. Интересно. Сказка свою жизнь приобрела, я только записывать успеваю.

– А о чем сказка-то, всё хочу узнать?

– Все сказки о любви, о подвигах, о дружбе, о коварстве – закон жанра. Не могу сейчас рассказать, говорю – герои сами свои истории пишут.

– Надеюсь, сказка хорошо закончится?

– А ты как думаешь? Вот для Предназначенной и Соби-

рателя грехов она на кульминации.

– Так ты что, про нас сказку пишешь?

– Увидишь. Вон смотри – наши счастливицы появились.

Действительно, в гостиную входила Есения, а следом – как почувствовал, что она вышла из комнаты, появился Себастьян. Они никого не замечали вокруг, смотрели только друг на друга так, что нам с Любимом хотелось испариться, чтобы не подглядывать за чужим счастьем. Мы пересели в самый дальний угол гостиной.

– Я пришла немного порисовать, в моей комнате мало света, – будто оправдываясь, проговорила девушка,

– А я пришел увидеть тебя. Хотел пригласить погулять.

Они стояли и смотрели друг на друга так, как будто вокруг них никого не было.

– Есения, я всю ночь думал, и, может, тебе это покажется странным, быстрым, но я знаю, что моя любовь к тебе не угаснет. Ты знаешь, что такое Единственная. Это та, которую встречаешь раз в жизни и не сможешь расстаться с ней никогда. Для меня ты – Единственная, я никогда за долгие годы скитаний не встречал лучшую. Я видел много людей, смотрел в душу и хорошим, и плохим людям, и женщинам, и юным девушкам. Никто даже близко не сравнится с тобой. Поверь.

Он взял руку Есени и посмотрел ей прямо в глаза.

– Я люблю тебе и прошу стать моей женой.

– Я согласна, – не раздумывая, ответила девушка. – Я то-

же всю ночь думала и поняла, что просто не смогу без тебя. Моя жизнь возможна только с тобой, ты и твои дороги – это моё предназначение. Клевенс все правильно на салфетках вышила. Идём гулять. Мы смущаем людей.

Мы со Сказителем переглянулись и улыбнулись.

– Видишь, – наклонился ко мне сказитель, – какой Себастьян молодец, сразу понял, кто его Единственная, не потерялся, не упустил своё счастье, как некоторые. Себя, себя имею в виду. Просмотрел я своё счастье за пустыми делами и мишурой, на десять лет его потерял, наверстаю ли упущенное? И ты смотри, своё не проворонь. Единственную не только встретить нужно, но и понять, что это она.

Вечером, когда все собрались за столом, Себастьян торжественно объявил, что они собираются пожениться, как только Лотта пойдет на поправку. Публика сначала похлопала глазами, а потом захлопала в ладоши.

Утром, как и обещал, прилетел Ветер. Он был очень решительно настроен. Быстро заглянул к Лотте, поставил свежие цветы и сказал:

– Лотта, мы сейчас летим к Дереву Мироздания. Я вижу, что тебе тяжело, но дело не терпит отлагательства. Потерпи. Поверь, это единственный выход тебя спасти. Хи, одевайся, я, наверное, и сам бы управился, но помощь может понадобиться. Сейчас закутаю Лотту и полетим. Я знаю дорогу, она для меня открыта. Как – не спрашивай. Я пообщался с дедом и кое с кем еще, и нас ждут. Это единственное возможное

спасение. Думаю, всё получится.

Ветер говорил резко, видно было, что нервничает.

Я уже стоял возле саней. Лаки вынес закутанную в шубу Лотту.

– Садись быстрее, она улететь может. Держи Лотту, я править буду, надо спешить.

– Кто улететь может?

– Увидишь, спешить надо.

Посадил Лотту на колени, прижал к себе, и мы очень быстро – кони у Лаки замечательные – добрались до Дерева Мироздания. Вокруг мела метель, а возле самого Дерева было тихо и тепло.

На нижних толстых ветвях сидело удивительное создание. Огромная птица с переливающимся оперением и головой прекрасной женщины. В лапах она держала свиток. Она говорила, глядя мимо нас, углубившись в свои непонятные мысли:

Сегодня солнце вокруг земли сделало оборот -
Или наоборот.

Гончие жизни выгнали смерть из норы —
Или наоборот.

Гончие смерти загнали жизнь в угол -
Или наоборот.

Глупый бежит по кругу, умный за поворот -
Или наоборот.

Мы стояли и растерянно смотрели на неё: можно ли её отвлечь от мыслей? Ветер молча ждал, держа Лотту на руках, стоять она не могла. Прошло несколько минут, пока на нас обратили внимание.

– Вы все-таки сообразили, что это я, отыскали меня, – молвила птица Гамаюн. – Подойдите ближе и станьте под деревом, холодно, только в ветвях и греюсь.

Дивная птица провела над нами крылом.

– Быть тебе, Карен, королем, а о Лотте пока не могу сказать, не моя тайна. Ловелия, солнышко, протяни руку, подставь ладошку, поймай своё спасение. Я так рада тебя видеть.

По дивной щеке птицы покатилась слеза и упала в ладонь Лотты.

– Выпей. Она поможет. Я плачу от счастья, что вижу тебя живой, Ловелия. Это так редко бывает, когда родную душу потерявшуюся, встретишь. Слезка птицы, которая вещает радость, удачу и счастье – целебная, её действие сильнее живой воды. Ты будешь жить, Лотта, не позволю тебя погубить. Морана не имеет надо мной власть, договор я с ней не заключала, так что имею право и хочу помочь. Моя слеза как антидепрессант, пусть вы не знаете таких слов, она вернёт желание жить. Дома съешь яблоко познания, что Сива подарила, поймешь, что ничего Морана тебе не сделала. То, что она у тебя забрала – это иллюзия смысла жизни, но качественная иллюзия, обманула она тебя. Маленькая ты ещё, вот и

поверила в это, хотя и опытные люди попадают на этот обман. Сделала она так, что ты перестала чувствовать жизнь. Но поверь, он никуда не делся, этот смысл жизни, его, у кого он есть, только вместе с душой забрать можно. Не многие это знают. Силу жить она забрала, да, так я тебе помогла её вернуть. Ничего больше не скажу, и так больше, чем должна, поведала, известно ведь, что я помогаю тем, кто умеет слышать тайное. Вот и думай. Встретимся мы с тобой, Ловелия. Чувствую – не позже, чем через год, тогда многое откроется. Спасибо тебе, Лаки, за Ловелию, вижу, и твоё счастье довольно скоро на свет появится, что тебе пару десятков лет – миг. И тебе, Карен, спасибо. Совет мой услышь – научись видеть тайное, без него не получишь явного.

Через миг там, где сидела Гамаюн, никого не было. Мы забрались в сани и поехали назад.

Казалось, что на поездку мы потратили не больше трех часов, а прибыли на постоялый двор, когда солнце уже село.

Нас встречали все постояльцы. Я вынес Лотту из саней, занес не в её комнату, а в гостиную, и посадил за стол.

– Будешь ужинать со всеми. Немного, но съешь. Теперь нечего сачковать. Надо питаться. Тебе сказали, что силы возвращаются, а для этого нужна еда. Значит, будем есть. Ветер, присаживайся.

– Я не могу больше задерживаться, залечу завтра. Вижу, Лотта, что у тебя в глазах появился интерес к окружающим. Это отлично, – он внимательно посмотрел на сидящих за

столом и увидел совершенно счастливых Есению и Себастьяна.

– О! Быть свадьбе, как я вижу.

– Да, мы решили пожениться, как только Лотта пойдет на поправку. Как ты думаешь, это скоро? – с надеждой обратился к Ветру Себастьян.

– Думаю, трёх дней не пройдет, как Лотта поправится. Будем свадьбу гулять, а заодно и выздоровление Лотты отметим. По этому случаю обеспечиваю стол продуктами и кое-чем еще, – и озорно подмигнул им.

Возвращение к жизни. Лотта

Не знаю, сколько я болела, но за это время много интересного произошло. Свадьба на днях будет. Хи, кажется, что-то рассказывал об этой замечательной истории, да всё мимо меня проходило, один туман в голове да отчаяние было. И сейчас трудно внимание в кучку собирать. Не хочу больше об этом вспоминать. Лучше на влюблённых посмотрю. А они чудесная пара, как это у них всё так быстро вышло? Неудобно спрашивать. Надо попросить Хи ещё раз рассказать историю Собирателя грехов – интересно, как он им стал. И ничего им для решения пожениться не потребовалось – ни длительных ухаживаний, ни подарков, хотя какие здесь подарки могут быть, еловую шишку жених, что ли, Есению подарит? Не в подарках дело. Вот Ветер мне и бусы коралловые,

и жемчуга, и шубу дарил, а замуж не звал, да я и близко не чувствую сейчас между нами того, что между ребятами происходит. А что Ветер ко мне чувствует? Они с Хи ухаживали за мной, столько сил приложили, чтобы я выздоровела, но это не то. А может, я ошибаюсь?

Отвлеклась от своих размышлений. Хи сидел рядом, осторожно поглядывая на меня – не устала ли я, но понимал, что мне сейчас не до разговоров.

Сил у меня было мало, и я только слушала оживленные обсуждения нового путешествия к Дереву Мироздания, моего спасения, птицы Гамаюн. Просто сидела и смотрела на таких хороших, близких мне людей. Первый раз за долгие дни в душе не было леденящего холода. Не получила меня Морана, но я на неё не обижалась за случившееся, она в своём праве была. А на столе все блюда вкусно пахнут, жаль, мяса мне нельзя, но я и бульон с удовольствием выпью.

На Есению с Себастьяном смотреть было приятно, но немного неудобно, они были заняты друг другом и на окружающих не обращали внимания. То он ей пальчики поцелует, то прядку волос со лба уберет, глаз отвести не может – любовь, одним словом. Буду на других смотреть, как они после путешествия и за время моей болезни изменились. Как там наши девушки – Клевенс с бывшим призраком и Стеша с Бориславом.

Стала наблюдать сначала за Стешей. Нравилась мне эта девушка. Стефания подала на стол – она теперь готовила,

вкусно у неё получалось и красиво – мясо румяное, блинчики с вареньем, пирожки. Борислав помогал и ходил за ней по пятам. Стеша, чувствуя, что нравится парню, расцвела, глаза горят, коса так и прыгает за спиной – длинная, толстая, мне бы такую. Птичка с плеча не слетает. Борислав на птичку смотрит, а больше, кажется, на Стефанию. Так и ест её глазами. Только она присела поесть – и он рядом. Тарелочку ей пододвигает, еду насыпает и всё так аристократично – сразу видно, не простого воспитания парень. А Стеша молодец – не смущается, принимает, как должное. Разговор у них интересный.

– Стеша, когда на кухне уберем, пойдем погуляем, на звезды посмотрим.

– Да звезд не видно.

– Не на звезды, так на луну посмотрим, я краешек видел, из туч выглядывала, она такая... такая...

– Большая и желтая.

– Нет, романтическая.

– На улице мороз, душу твою заморозим.

– А мы ее вместе греть будем, я помогать буду – дыханием согревать.

– Так она, когда ты близко приближаешься, за пазуху прячется.

– Так тем более подышу на неё.

– Ты лучше скажи, чего ночью в мою комнату скребся?

– Так соскучился, спать не мог, знаешь, каково это – душу

не видеть и не чувствовать?

– Дня тебе, что ли мало, все время возле меня крутишься, на душу смотришь, особенно когда она от тебя прячется, сам знаешь куда?

– Так я бы завсегда, и днем, и ночью, готов рядом ... с душой быть, не буду против того чтобы она всегда у тебя жила. Пойдем погуляем, а?

– Ну, если не заморозишь, то пойдем.

Я смотрела и удивлялась: тут такие страсти разворачиваются, а я столько времени в койке провалялась. Перевела взгляд на Клевенс, там тоже интересно и непросто. Но чувствую, уже ничего не воспринимаю, надо лечь. Посмотрела на Хи – просто молодец, сразу понял, что я устала. Встал и быстро помог добраться до кровати. Сколько же это они с Ветром со мной промучились? Клевенс со Стешей, спасибо, тоже помогали с тем, что мужчин неудобно просить.

Проблемы мезальянса. Лотта. Новый день

Сегодня я спала и выспалась. Ни Морана, ни просто зияющая пустота больше не снились. Лежу и улыбаюсь. Вставать, правда, не хочется – поваляюсь малость. Заметила, что заглядывал Хи, увидел, что все нормально, и пошёл по своим делам. Что сделать, чтобы их отблагодарить? Лежу, думаю, вспоминаю, как Хи меня к себе прижимал. Даже спал рядом. Руки такие тёплые, и на плече уютно было. Что-то у

тебя мысли, Лотта, не туда сворачивают. Насмотрелась вчера на счастливых людей. Выстрадал Собиратель грехов своё счастье, да и Есения под стать ему.

В комнату заглянула Стеша, встревоженная какая-то.

– Вот кашки тебе принесла жиденкой. Можно, я у тебя недолго посижу?

– Что-то случилось, по тебе вижу – рассказать хочешь. Рассказывай, а я ещё полежу. Чувствую себя нормально, но сил пока мало, вставать не хочется. Соскучилась я по тебе.

– Лотта, я уже и с Клевенс поговорить хотела, только она пока занята, позже обещала подойти. Понимаешь, мне надо как-то освободиться от души Борислава, – и она закрыла лицо руками и начала всхлипывать.

– Стеша, да вы вчера так мило разговаривали, я же видела, что ты ему нравишься, и он тебе, кажется – вон как похорошела, просто красавица.

– Лотта, в этом-то всё и дело. Плохо это.

Дверь открылась, и на пороге появилась Клевенс.

– О, у нас маленький девичник. Посидим, поговорим. А что с тобой, Стеша, ты что плачешь?

– Да плохо мне, не знаю, как поступить правильно. Вот сказала Лотте, что надо как-то Бориславу его душу отдать.

– Дела, – удивленно, как и я, протянула Клевенс, – рассказывай, что случилось.

– Ой, девочки, пошли мы вчера гулять. Знала же, что не стоит этого делать, но ноги сами несли. Холодно на улице,

луна то покажется, то спрячется. Сначала он меня просто под локоток держал, чтобы в сугроб не упала, потом за талию, а потом ... Понятно, целоваться стали. Так хорошо целуется, так горячо, нежно и страстно, что голова кружится. Домой вернулись, хотел ко мне в комнату юркнуть, но тут я не пустила его, а самой хотелось-то как, очень хотелось, понимаете? Нравится он мне и нежный такой, так бы всё время к нему и прижималась.

Я посмотрела на неё даже с некоторой завистью:

– Так что плохого-то в том, что нравится?

Клевенс печально глянула на меня, потом на Стешу и сказала:

– Молода ты еще, Лотта, в мире не жила, не понимаешь. Стеша права, не всё так просто. Ладно, что удумала? Рассказывай.

– Понимаете, девочки, долго я уснуть не могла: губы и щеки горят, в груди тепло, сердце бьется, поёт. А потом уснула, и приснилась мне Морана – красивая, холодная. Говорит мне прямо, без всяких там прекрасных слов: «Дура ты, Стеша, забыла, как сердце замороженным стало? Хочешь, напомню, каково это? О любви мечтать стала, опять на те же грабли наступаешь – влечение, страсть. Ничему тебя жизнь не учит. Готова два месяца в эту игру поиграть, а потом что? Весна придёт, уедет твой душелюб, душа к нему за это время привыкнет, возвратнётся, а ты с чем останешься? Это она у вас сейчас одна на двоих, вернее сказать, у тебя целых полторы

души в наличии, а если опять замёрзнешь, когда он уедет? Так ты лучше навсегда у Клевенс оставайся, будешь каждый год по новой размораживаться ходить.

Я ей так тихонько говорю:

– А если он меня с собой возьмет, говорит ведь, что без меня часа прожить не может?

– Может, и так, но это сейчас. Понимаешь, сейчас, а через два месяца? Куда он тебя, дуру деревенскую, в столице денет? Во дворец с собой возьмет? Забыла, кто он и кто ты? Он советник короля, а ты из деревни родом, и зовут тебя Стешка, лет тебе двадцать пять, а не семнадцать, и замужем ты была, забыла? Говорю я тебе это, девка, не потому, что обидеть хочу, многие меня злой считают, а это не так, разумная я и все наперед просчитываю. Это я тебя спасла тогда, когда сердце заморозила, умерла бы иначе от печали. Холод, особенно в разуме, он посильнее огня помочь может. Думай, что делать, времени у тебя немного.

Стеша сидела и вытирала слезы фартуком. Не думала я, что так сложно всё в этой жизни. Встала с кровати, обняла, стала утешать. Клевенс её с другой стороны обняла.

– Ты не плачь, придумаем что-нибудь, чувствует моё сердце, что неплохой он парень, не поступит с тобой подло, да и нравишься ты ему очень, видно это.

Тут меня осенило.

– Слушай, Стеша, мне Ветер кучу жемчуга подарил, и камни самоцветные я выиграла, а мне они ни к чему. Деньги

на дорогу у меня есть, а больше денег мне сама дорога нужна. У меня любовь на горизонте не мелькает. С Ветром мы теперь только друзья, он сам так сказал, да и я сама это чувствую. Ты продашь камни и жемчужины, дом в столице, платья модные купишь. Ты ведь не только красивая у нас, но и к бизнесу способная, забыла? Дело какое откроешь, станешь на ноги, кто от красавицы и богачки откажется? Сама будешь решать, с кем дружбу водить. Если Борислав не дурак – поймет, кто его счастье. Только не он тебя облагодетельствует, а ты до него снизойдешь.

– Нет, я чужих денег не возьму.

– Будем считать, я их тебе в долг на длительное время дала. Подумай: самостоятельной станешь, сама себе хозяйка, чем не счастье?

Клевенс посмотрела, поправила юбку, задумчиво покрутила платочек и сказала:

– Соглашайся, Стеша. Есть в словах Лотты правота. Понимаю, тебе сейчас Борислав как принц на белом коне: желанный, но в будущем недосягаемый. И права Морана, нельзя два раза на одни грабли наступать. Цени себя больше. Я вот ещё что придумала. У нас каждый постоялец если не принц, то придворный, все этикет дворцовый знают, хорошим манерам обучены. Попросим-ка мы их тебя обучить. А когда приедешь в столицу, представим тебя как графиню, ну, скажем... Полянскую. Красиво звучит: графиня Стефания Полянская.

– Ой, что вы удумали, я с тарелками да кастрюлями привыкла возиться, а не веерами обмахиваться. Ни ступить, ни молвить не умею, какая из меня графиня?

Клевенс смерила Стешу взглядом.

– А что, хорошая графиня из тебя получится. Я слышала историю, как один учёный нищую девочку-цветочницу за три месяца манерам выучил, да так, что во дворце все приняли её за даму самого высшего света. Ветер Перемен велел Лотту учить всему, а там, где одна учится, и вторая рядом будет. Договорились, девочки. Вступаем в игру. Ты сможешь, Стеша.

Мы засмеялись. Что-что, а упорства у Стефании не отнимешь.

– И еще, – Клевенс замялась, – повремени совсем немного, не пускай его к себе в спальню, вот увидишь – это к лучшему будет. Хотя ты взрослая девочка, тебе выбирать. Графини – они разные, некоторые не очень обременяют себя моральными принципами.

Девочки вскоре разбежались по своим делам, а я задумалась. Чему же мне надо учиться? Этот вопрос надо обсудить с Хи и сказителем. Не помню, как и чему меня учили, но читала и писала я хорошо, много еще каких-то отрывочных знаний всплывало в голове, но никакой системы в них я не чувствовала. А времени-то у Стеша мало, мне можно хоть всю жизнь учиться, а вот ей...

«Пойду поговорю», – подумала я и направилась в гости-

ную.

Хи и Ха пили чай и оживленно беседовали.

– О, ты уже поднялась? – приветствовали они меня.

– Да всё нормально, слабость небольшая, и на воздухе долго не была. Может, пойдём погуляем?

– Отличная мысль. Одеваемся и погуляем полчасика, холодно на дворе.

Ночью опять выпал снег – пушистый, мягкий.

«Как постель у Мораны, – почему-то пришло в голову воспоминание. – Зачем она со мной так поступила, что ей нужно? Возможно, мне во что-то нельзя вмешиваться, и поэтому меня нужно погубить. Просто так погубить нельзя, а вот подстроить ситуацию якобы со случайной гибелью можно. Поосторожнее надо быть, только как это – поосторожнее?»

Мы прогуливались по небольшому пятачку двора, дальше высились сугробы. Я решила спросить:

– Ребята, помните, Ветер Перемен советовал мне позаниматься, мало я всего знаю, а вы грамотные. Не передумали меня подучить? Вот только чему – не очень чётко представляю.

– Да, это надо обязательно сделать, – ухватился за мысль Хи. – Я уже прикидывал, у меня много разных мыслей по этому поводу.

– И еще. Хочу попросить придумать учебную программу для Стефании, тут возникла некоторая ситуация, – я замялась.

Непонятно, что можно им рассказать, а о чем промолчать. Думаю, про сон и Морану промолчу, личное очень. Обрисую картину в целом. Продолжила:

– У них с Бориславом взаимная симпатия имеется, но мезальянс в этом мире никто не отменял, а я не хочу, чтобы с ней, а может, и с ним, беда опять повторилась. Хочу, чтобы она подучилась хорошим манерам и другому разному, что посоветуете. Она не возражает, – я рассказала вкратце о нашей идее.

Хи усмехнулся одобрительно, а Ха хмыкнул:

– Нас с младенчества этому обучали, а тут за пару месяцев или меньше хотите графиню из крестьянки слепить? Думаю, что не получится.

– Но попробовать-то можно, – опять усмехнулся Хи. – Даже интересно, что получится, она девушка сообразительная, упорная. Можно представить её как приехавшую из другой страны и сразу не лезть в высший свет, а посмотреть, дальше поучиться. И Лотте будут интереснее совместные занятия. Но они не во всем будут одинаковые. И нам с тобой, Ха, польза для мозгов некоторая, а то всё дрова, дрова – совсем этикет забудем. Мы со Сказителем разработаем программу обучения, а потом её обсудим с тобой и Клевенс. Вот свадьбу сыграем – и сразу приступим к занятиям.

За разговором не заметили, как стало холодно, и мы вернулись.

Тема учебных занятий заняла мужскую половину посто-

альцев полностью. Ожесточённые споры велись за каждый пункт расписания. Борислав, которому я попросила не раскрывать тайный смысл мероприятия, тоже с энтузиазмом поддержал начинание и предложил, что лично будет знакомить Стешу с особенностями придворной жизни. Ха взял на себя этикет и танцы, Хи меня и частично Стешу обещал обучить географии и политике. Чеслав предложил обучить Стешу основам бизнеса, а вот самое интересное для меня – историю и особенности человеческих взаимоотношений – взялся рассказывать Сказитель. Они столько всего напридумывали, что на несколько лет занятий хватит, а не на кусочек зимы. Боюсь, не смогу выдержать восемь часов в день таких напряжённых занятий.

Больше, чем предстоящие занятия, мои мысли занимала свадьба. Готовиться к ней не надо было. Убрали в гостиной, постирали шторы, одежды все равно никакой свадебной не было, да и не важна она была этой паре. Они понимали, что у них до начала пути по дорогам и странам осталось совсем мало времени, и ценили временный уют этого дома. Теперь они вдвоём, им будет легче, а вот как Собиратель грехов столько лет один, без нормального общения, своего дома, постоянно в чужих грехах? Как человек способен такое пережить? Как сможет это выдержать домашняя девочка? Смогла бы я так?

Наконец, Лаки дал весточку, что завтра все приготовленное им к свадьбе будет доставлено, и мероприятие может состояться.

Занятия

Ночью мне приснилась Сива, которая качала головой и говорила:

– Смотрю, подарок мой никто не использовал, кроме Кле-венс, она терпкое яблоко – айву – съела. Отложили на лучшие времена Яблоко Познания, а оно дарует любознательность и стремление понять истину. Думаете, в лесу познание не пригодится – дрова рубить и тарелки мыть и без этого можно? Советую перед занятиями и вам со Стефанией, и учителям вашим употребить яблоко. Учителя ваши вспомнят, чему их учили, и дальше будут думать, чему и как вас правильно учить. А вам, девочки, яблоко даст возможность впитывать информацию и запоминать её сразу, без повторения. Любознательности вам со Стешей хватает, а вот стремление понять истину усилится, и память улучшится.

Утром рассказала сон, и после завтрака мы взялись дружно жевать яблоки. Нельзя сказать, что вкусные: жёсткие и кисловатые.

Дни полетели за днями. Сколько же вокруг, оказывается, интересного, какой большой и сложный мир! Мне особенно нравилось заниматься со Сказителем. Любим и на вечер задавал мне задания разобраться в ситуации, возникшей на суде – кто прав, кто виноват, и сам придумывал какие-то сложные случаи, где нужно было понять мотивы поведения чело-

века. Хи тоже подбрасывал задачки типа: почему один правитель поступил так или иначе, и к чему это приведет в государственном масштабе. Мы спорили по некоторым вопросам до хрипоты. Но интересно было. Ха учил танцам, тут я все норовила отлынивать, а Стефания училась старательно, ей нравилось танцевать, и как это у неё грациозно получалось, просто настоящая графиня. Закреплять уроки ей Борислав помогал, нравилось ему Стешу за талию подержать. Смотрели они друг на друга при этом так... По-хорошему завидно было. Ну почему Лада всем нашим девушкам красоту дала, они и так красивые были, а я такая страшенькая и осталась? В голове вертелось непонятно откуда взявшиеся слова: «Все подружки по парам в тишине разбрелися, только я в этот вечер почему-то одна».

Куда ставить все эти тарелки, ложки, в какой последовательности есть, куда салфетки класть – мы за один день запомнили. Ха просто круглыми глазами на нас смотрел и причитал, сколько эта дребедень ему крови испортила, и как долго он это запоминал. Отныне мы ели строго по правилам двора, чтобы в автоматизм вошло. Вот что ели – это другой вопрос, готовились теперь только самые простые блюда, на сложные времени не хватало. Хорошо, Чеслав теперь отличным охотником стал. Сказал, что и раньше любил лес, а теперь и понимать его научился. Я с Чеславом не занималась, а вот со Стешей они проводили иногда не один час, все какие-то бизнес-схемы продумывали. Богуслав на это смотрел

и губы покусывал, хмурился – ревновал, кажется. Он ведь тоже раньше торговал, но торговля торговле рознь, а до таких сложных схем, до каких Чеслав додумывался, ему далеко было. Я и не представляла, что парень таким разумным и деловым окажется, но Стеша эти его схемы схватывала быстро и сама что-то придумывать начинала. Когда у неё получалось что-то интересное, Чеслав смотрел на неё и говорил:

– Все, Стеша, возьму тебя деловым партнером.

Стеша серьёзно кивала, а Борислав хмурился.

Мелькнула мысль: «Что-то он каким-то слишком задумчивым последнее время стал, надо попросить Хи с ним поговорить».

Особое удовольствие мне, конечно, доставляли поездки с Лаки. Очень хотелось бы каждый день путешествовать с ним и смотреть на страны, города, моря, реки, но занятия никто не отменял, да и Лаки, в общем-то, не бездельничал. Жаль только, не смотрели мы с ним больше друг на друга с затаённой надеждой, не проскакивала искра при соприкосновении рук – дружба и есть дружба. Тепло, но не горячо. А после того, как вместе с Хи спасал меня от последствий пребывания у Мораны, почти братом сделался. Заботился то обо мне, как о родной сестре. Поэтому я запретила себе мысли крамольные и, сказать прямо, стало от этого легче. «Видать, не мой он суженый, или я не его», – как-то так думалось, и успокоилась я на этом, не травила себе больше душу.

Возил Ветер меня чаще всего в санях, чтобы увидела раз-

ное, на мир посмотрела. Разный он везде, и так хочется во-
круг планеты облететь, да на это много времени нужно. Сей-
час уже и лютень на дворе. Просвиг-Холодей что ни день лю-
тует, так и норовит крышу снести. Переносил Лаки меня из-
редка порталом и в южные страны, на солнышке погреться,
искупаться. Как-то раз к Есении с мужем забросил. Вот они
обрадовались. Понравилось мне у них очень: домик неболь-
шой под пальмами, океан рядом шумит, а они на песочке си-
дят, обнимаются, жизни радуются. Счастливые, загорелые,
весёлые. Я с ними искупалась, спросила, не соскучились ли.
Головой машут: нет, мол, привыкли к теплу. Есения картины
рисует, Себастьян рядом сидит и на неё смотрит. Хорошо у
них, но Лаки торопит. Фруктов с собой набрала, вздохнула
– домой пора. Понимаю, недолго им на солнце греться оста-
лось, дорога впереди уже маячит. У меня с принцами тоже
маячит, только разве моя дорога с их сравнится?

В это утро я особенно ждала Лаки, он в прошлый раз та-
инственно намекнул, что следующая поездка будет приме-
чательная.

Ветер появился как всегда ниоткуда. Приобнял меня, с
постояльцами поздоровался и сказал:

– Не знаю, сколько мы за день сможем посмотреть, но пе-
ремещаемся сегодня далеко, сколько успеем увидеть – столь-
ко успеем. Готовься, Лотта. Уходим.

Опять провалились в темноту, марево какое-то, что он
порталом называет, и через некоторое время уже стояли на

равнине без конца и без края.

– Лотта, в этом месте никто из людей не бывает. Закрытый это континент. Я сам здесь редко бываю, кому тут удачу приносить, но любопытствовал, конечно. Это огромный край, но люди на нем не живут. Стрибог не пускает корабли в эту сторону, почему – не знаю, разворачивает парусники. Простирается континент от севера до юга земли, на севере его снега, и на юге вокруг льдины плавают. Красота удивительная. Все здесь есть – и горы высокие, и реки полноводные, а лесов сколько – и хвойные на севере, и огромные тропические от одного океана до другого на юге. Животных не счесть – плодятся, никто из людей их не трогает.

В степи паслись огромные животные, раза в два больше коровы, с огромной головой. Глянула – конца стаду не видно. Огромные птицы, широко раскинув крылья, парили в небе. Не верится, что ни одного человека здесь нет. Странно.

Ветер пронёс меня над этим континентом несколько раз. Показал тропические леса – представить себе не могла, что такие возможны. Пройти по ним нельзя, надо с топором прорубаться, деревья увиты лианами толще моей руки, животные диковинные, птицы яркие, а воздух жаркий и влажный. Потом показал горы – постояли, полюбовались, перенес к огромной трещине в земле, глубины невероятной и вокруг скалы на водопад слетали. Увидела столько, что к концу дня уже ничего не воспринимала. Когда прибыли домой, я схватила пирожок и побрела в кровать. Сил нет. На прощанье

Лаки напомнил мне:

– Ты только никому не рассказывай об увиденном, это почему-то тайна.

А в это время...

Мужской разговор

Мы с Хи и Бориславом сидели вечером и попивали замечательное вино, добытое из чьих-то закровов и привезённое нам Лаки. Баловал он нас иногда. Давненько не расслаблялись – то учеба, то работа по дому, всё время крутимся. А тут отдохнуть решили. Борислав в последнее время какой-то задумчивый стал, расстроенный ходит, не так, видимо, как хотелось, отношения со Стешей развиваются. Кому как не мне знать про то, что такое мезальянс. Жалко, хорошая пара. Выпили, расслабились, напряжение спало. Можно и по душам поговорить. О чём поговорить вечером за стаканчиком вина, как не о девушках?

– Лютень в середине, скоро в дорогу, – задумчиво произнес Ха. – Может, ну их, этих невест, Хи? Возвратимся домой или просто так попутешествуем. И так не хотелось жениться, а после первой предполагаемой невесты и вовсе на душе отвратительно.

– Мы, братец, отцу обещали, что у трёх царевен побываем. Надо продолжить путешествие.

– Вот только выручать их у Змея Горыныча и Кощея как-

то не хочется уже, пусть там остаются.

– Ха, откуда такой пессимизм?

– Прежде, чем ехать, нам надо было сообразить, что мы от этих невест ждём. Просто познакомиться с удивительными девушками – это хорошо. А вот невеста – это совсем другое. Ты вот скажи, Борислав, ты много о девушках думал, как можно жену выбрать?

Мрачный Борислав ещё больше нахмурился.

– Нашли, у кого спрашивать. У меня что ни опыт, так всё невпопад.

– Чего это невпопад – и тебе Стефания, и ты ей, кажется, нравишься, или я ошибаюсь?

– В том-то и дело, что она-то мне нравится, и чем дальше, тем сильнее, а вот я ей? Поначалу, как она душу поймала, хотелось просто небольшой интрижки – легкий флирт, словами пробросаться, переспать с ней не прочь был, конечно. А тут, как учиться она стала, понял – получится ей во дворце графиню изобразить, всё при ней: и этикету обучена, и красавица, и умница, только где для меня место в её мыслях? Кто я для неё?

– Кажись, зря хандришь, нравишься ты ей.

– А чего тогда не подпускает к себе, даже целоваться не желает? Я и так, и эдак, так ей приятнее с Чеславом о бизнесе разговаривать, чем со мной на звёзды смотреть.

– Так и ты с ней о чем-нибудь поговори.

– О чем?

– О службе, о плаваниях, о дворе, в конце концов. Ты столько видел, неужели не найдёшь, что рассказать?

– Не умею я с девушками по душам разговаривать. При дворе, сами знаете, легкий флирт, никаких серьёзных разговоров: ах, ваши глазки пронзили меня в самое сердце и другая чушь, на придворных дур рассчитанная. Стеша от моих комплиментов морщится и в тетрадку утыкается. А в мыслях сразу вспоминаю Бериславу с её запросами – и совсем неумолимо становится. Вот думаю – или я опять без души останусь, или придется к Стеше в услужение идти, другого выхода у меня нет.

– Ну, во-первых, душа ещё может вернуться к тебе, во-вторых, со Стефанией можно договориться, что ты с ней рядом и дальше поживёшь или она с тобой, а в-третьих, я бы на твоём месте seriously подумал о женитьбе на ней. Все при ней – и хороша собой, и не дура, и на шее сидеть не будет, своё дело заведёт.

– Умный ты, Карен, а сам хотел бы, чтобы твоя жена бизнесом занималась или чем-то другим, а не мужем и детьми? Мужчина у нас испокон веков семью содержит, а жена покой и уют обеспечивает, вечером у двери его встречает. А тут всё не так. Ей нравится самой делами заниматься, с людьми общаться, не больно-то я ей и нужен.

– Не все такие девушки, как Стефания, может, найдёшь себе кого-то, кто рад дома сидеть, таких большинство. На шею сядут и ножки свесят, а если и не сядут на шею, так в

рот смотреть будут – не нарадуешься. Ты такого хочешь?

– Все шутите, а я понял, что нравится она мне сильно, и другая мне не нужна. Вот только нужен ли я ей теперь? Все эта учеба да Лоттины деньги. Так бы увёз ее в город, домик снял, и жила бы она на моём содержании.

– Ну ты и козел, Борюсик. Такую девушку в содержанки?

– Так я так думал до того, как она учиться стала. Ведь что вначале было – красавица, весёлая, приятная, душечка, а все одно деревенская. А теперь не подступись. Тяжело мне, парни, в понятиях нестыковки. Изменилось вокруг многое, а я вот не успеваю. Давно хочу спросить, вам-то самим какая девушка могла бы приглынуться?

Мы с Ха хором произнесли:

– Да такая, так Лотта, – и сами испугались.

Вот глупости. Ха посмотрел на меня и сказал:

– Характер у нее подходящий. Хорошо, уютно с ней. Но вот только как такую во дворец привезешь? Происхождение её неизвестно, да и придворные смеяться будут, что не красавица.

– А по мне, так пусть смеются, – сказал я. – Только вот та же проблема с ней, схожа с твоей, Борислав. Не захочет она во дворце жить, вольная она птица. Да и кто тебе сказал, что это именно Лотта, мы же сказали «такую, как Лота».

– Да, с Лоттой мезальянс похлеще моего будет, вы же принцы.

– Вот насчет мезальянса еще подумать надо. Есть в ней

что-то такое, чему любая царица позавидует. Видел, как к ней Ветры уважительно относятся, богини выделяют? Держится она с ними почти как ровня, да, впрочем, со всеми так держится, нет для неё особых различий в происхождении. Не кажется мне она больше простой девочкой из леса, тайна какая-то в ней есть. Вот какая, всё себя спрашиваю. А то, что она на лицо не такая красивая, как другие девушки, так я уже и привык, не замечаю. Когда болела, понял, как она мне дорога. Не любовь, конечно, но что-то особенное к ней чувствую. Разобраться бы с этим. Ты со мной согласен, Ха?

– Ну, в общем-то, конечно, так, только я всё равно на внешность её внимание обращаю. Когда долго общаемся – привыкаю, забываю, а если какое-то время не видимся, а потом увижу – не по себе немного.

Я удивился этому – я точно не замечаю, потом вернулся к ситуации с Бориславом.

– Послушай, ну не кажется мне, что она за полтора месяца из простой и доброй деревенской девушки от одного образования качественно другой станет. Суть – она поэтому и есть суть, что не так просто меняется. Гордыня её заменить может, но это не Стешин вариант.

– Ты хочешь сказать, что ей понравится дома сидеть и мужа ждать?

– Вот это вряд ли, но любить, уважать и слушаться его, когда он дело говорит, точно будет. Вопрос, сможешь ли ты стерпеть её работу и уважать её, по сути девочку деревен-

скую?

– Раскрутили вы меня, парни. Я об этом сам всё время думаю думаю, но ничего не придумал. Так что посоветуете?

– Если хочешь с ней быть – забудь, что она деревенская, и веди себя с ней так, чтобы и другие этого не чувствовали. Ты бы графиню за грудь сразу лапать пробовал? Нет, ты бы ей сначала пальчики целовал, про странствия свои рассказывал, а уж потом в койку тащил.

– Эх, забыли вы, принцы, какие разные графини бывают. Совет ваш понял. Повязан я с ней теперь душой своей и в прямом, и в переносном смысле. Надо менять стратегию.

Стефания

Ночь. Полночь на дворе, все, поди, спят, а я вожусь, все простыни сбила: то о милом думаю, то о занятиях, то про то, с какими людьми судьба свела. Высоко взлетела, падать больно будет. Думала: нравится мне Борислав, и нечего скрывать – и ему, и окружающим это понятно, а вот как вести себя с ним – непонятно. Не девочка, нечего бы ломаться, а что-то держит. И Логта, и Клевенс советуют три раза взвесить прежде, чем ему на шею бросаться, а так хочется это сделать. У Лели бы спросить, обещала она меня не оставлять. Загадаю во сне е увидеть. На этом и заснула.

И правда, привиделась мне она. Стоим мы на зеленой полянке, пролески синими головками качают, шмели пытаются

ся нектаром поживиться, а Леля стоит и улыбается, весенняя такая.

– Запуталась, Стеша, в соснах заблудилась? Пойдём пройдемся, может, дорожку найдем.

Я за ней иду – хорошо с ней, спокойно, мир вокруг правильный, в мыслях покой.

– Иногда, отдавши, приобретешь, знаешь? – спросила Леля.

– А отдать-то что? Нет у меня ничего.

– Душа у тебя Борислава. К тебе она привязана.

– Так ведь не держусь я за неё.

– Не держись, а держишь, большая разница, и привязалась к ней. А ты отпусти.

– А вдруг я Бориславу после этого вообще не нужна буду? Может, он рядом только из-за души находится.

– Если только ради этого, так зачем себя тешишь надеждами?

– А так хочется, чтобы и ради меня рядом был. Он словами играет, заблудилась я в них. Поверить боюсь, не верить боюсь, замерзнуть сердцем боюсь, ему зло причинить боюсь. Скоро больше страха, чем любви будет.

– Стеша, много сил нужно, чтоб чужую душу на себе носить, устала ты от этого. Отпусти её. Знаешь, в полную силу душа входит, когда сердца касается, а его душа у тебя на плече живет. Отпусти её.

– Верю тебе, вот себе бы ещё верить научиться. Сказывай,

как сделать это.

– Проще некуда. Подойди, дотронься до его сердца и скажи: «Сердце горячее, прими душу незрячую, прими с миром – наполнись силой». За сердце своё не волнуйся, больше оно не замёрзнет, помыслами ума сердца тоже греются, а они у тебя имеются, не бросай начатое. И еще – прижми цветок мой к сердцу, когда тяжело, я услышу, помогу. До скорой встречи.

Утром я проснулась с твердым намерением воспользоваться советом Лели. Собрала все растрепанные мысли в кучку и вышла в гостиную. Скоро занятия начинаются. Хорошо бы успеть с утра задуманное совершить, а то мало ли какие себе отговорки придумаю позже.

Борислава увидела сразу, выглядел он сильно озабоченным чем-то. Решительно подошла к нему и сказала:

– Отойдём на минуточку, сказать тебе кое-что хочу.

Милый улыбался сегодня не так самоуверенно, как обычно, не заигрывал и не шалил.

– Мне решение подсказали, как тебе душу твою назад получить.

И, не дожидаясь его реакции, протянула руку и сказала заклинание. Птичка вспорхнула с плеча и пропала. Борислав ойкнул и осел на пол. Кинулась к нему, испугалась.

– Что, что случилось? Тебе плохо?

– Нет, хорошо, – он смотрел на меня и блаженно улыбался. – Хорошо, как будто мир перевернулся, и глаза откры-

лись, свет ярче стал, а ты... ты ещё краше стала.

Подумала:

«Вот опять, вместо спасибо словами играет. Пойду-ка я на занятия, чтобы не разреветься.

Подняла голову и сказала:

– Теперь мы твоей душой не связаны. Свободен ты, и отныне и без меня рядом спокойно жить будешь. Сердце твоё заполнено, живи и здравствуй. Лелю видела, сказала она, что скоро свидимся. А значит, весна на пороге, в дорогу отправляться можно будет: тебе на запад, а мне в другую сторону.

Тряхнула косой и, не оборачиваясь, пошла к Чеславу, у нас с ним первый урок.

Скоро новая свадьба. Лотта

Трудная у нас сегодня с Хи тема – логикой занимаемся. Уж я и так, и эдак изворачивалась, на его каверзные вопросы отвечая. Совсем запуталась. А к обеду ближе он мне и говорит:

– Отойдем от сухой теории к жизненной практике. Вот скажи, какой логикой пользуются эти двое, – и показывает на Стешу и Борислава. – Нравятся друг другу, а отношения выяснить не могут. Сегодня вообще непонятно, что произошло. Видишь, у Стефании птички-души нет, и лица на ней нет, а Борислав на себя не похож. Сидит, думу думает. Стеша с ним танцевать и заниматься не захотела, урок с Чеславом

продлила. Как ты думаешь, что происходит?

Я глянула на подругу и почувствовала, что всё очень серьезно. Бледная, чуть не плачет, но держится.

– Погоди, Хи, тут не логика, а хорошая жилетка нужна, перерыв делаем.

Подошла к Стеше, схватила ее за руку и потащила к себе в комнату. Там она мне и рассказала о случившемся. Плакали обе, всех жалко было.

– Лотта, хочу уехать прямо сегодня. Как ты думаешь, если Лаки попросить, он отвезет меня в Древлянию, откуда Чеслав родом? Дом там сниму, его подожду, бизнес вместе начнем, он предлагал. Мозги заняты будут, о Бориславе думать не буду. Не могу я больше здесь находиться. Тяжело смотреть на него. Что делать, не знаю – на шею ему броситься или в ноги: «Возьми меня, мол, дорогой, на все готова – содержанкой быть, служанкой, только бы с тобой». Если бы предложил, так и согласилась бы, наверное. Так не предложит теперь, душа у него на месте, зачем я ему? А моего места не находит. Леля скоро придет, совсем недолго нам здесь жить осталось, но нет сил выдержать даже эти недели. Уехать бы прямо сегодня. Спроси Ветра, а?

Я растерялась. Глупость-то какая, у меня, конечно, никакого опыта в решении любовных проблем нет, но всё равно понимала: если разбегутся в разные стороны, могут и не встретиться. Поэтому сказала:

– Стеша, я, конечно, Ветра спрошу, он завтра к вечеру

обещал появиться, но не знаю, в его ли правилах людей возить. Собирателя грехов и Есению отвез, так они в услужении богов находятся. Почему меня возит, не знаю. Мы вот с принцами весной своим ходом дальше поедем, подождала бы немного, с тем же Чеславом и отправилась бы.

– Невмоготу мне, – и опять заревела.

– Хорошо, поговорю завтра вечером с Ветром. Только не плачь, вон нос красный, посиди у меня, а то такая зарёванная людей испугаешь. Я сейчас к Клевенс схожу, посоветуюсь.

Быстро сбегала к Клевенс, попросила её посидеть со Стешей, а сама решила, не откладывая, попробовать поговорить с Бориславом. Пусть меня ругают, что вмешиваюсь, но эту глупую ситуацию надо как-то разрешать.

Зла на него была ужасно. Не заслужила Стеша второй раз таких страданий – красивая, добрая, теперь ещё и образованная. Чеслав говорит, что из неё отличная бизнес-барышня получится. Все при ней, что еще человеку надо? Была бы мужиком, сама бы в неё влюбилась.

Дыша праведным гневом, я направилась искать Борислава.

– Нет, ты мне скажи, что тебе от девушки надо, довёл её до того, что уезжать сегодня собралась.

– Как уезжать, куда?

– В Древянию. Буду Ветра просить, хоть и неудобно это, её туда доставить. Потом она там с Чеславом работать будет, нужно же ей себе на пропитание зарабатывать.

– Таки с Чеславом, а я ей, значит, не подхожу? – да как шарахнет кулаком о стенку, только что не проломил.

Тут я захлопала ресницами. Даже гневаться перестала. В себя пришла. Вспомнила сразу уроки Хи, как вести переговоры, но сразу не получилось, по-простому продолжила.

– Ты что бесишься-то? Сам не гам и другому не дам. Чеслав к ней нежных чувств не питает, у него к Стеше другой интерес, работать они вместе будут. Ты меня вообще слышишь? Уехать она может завтра.

– Почему уехать, а я как же?

– А ты весны будешь ждать, потом в свою Смолянию отправишься, ваши государства недалеко, через годик, глядишь, к ней в гости заедешь.

Тут парень опять как стукнет кулаком стену.

– Ты дом-то не рушь, не ты строил. Чего бесишься? Головой думай, что делать. Отпустишь её вот так?

Смотрю, на него отчаяние накатило. Много мужик в жизни видел, воевал, по морям скитался, а теперь чуть не плачет. Сама же недавно его во всем виноватым считала, а теперь жалею.

– Лотта, я как утром душу свою в сердце получил, свет во мне перевернулся. Одно дело чувствовать, что жизнь есть, другое – жить. Ты понимаешь меня? Вот только как теперь без Стеши буду? Не простит она меня. Как такую свинью простить можно? Одно слово – бездушный. Не понял я сразу, ни что она за человек, ни как вести себя с ней. Лотта, не

хочу оправдываться, только что я в жизни видел? Девушка, которую придумал и так усердно добивался, не такой, как виделась, оказалась. Служба моя военная – грязь, кровь, мат. На корабле жизнь – море, месяцами море, суши не видать и одни мужики с разговорами не для девичьих ушей. В королевстве больше политикой интересовался, да и как к королю по-другому приблизиться? Не суди меня строго, сам себя осудил. Лучше скажи, что делать. Если она уедет – не прощу себе.

– А поговорить с ней и сказать, что чувствуешь, нельзя? Или великий «достигатор» боится смешным оказаться?

– Да мне легче с толпой кочевников одному в поле встретиться, чем услышать, что не люб.

– А с чего ты решил, что не люб?

– Так она сама сказала, повторю слово в слово: «Свободен ты и отныне и без меня рядом спокойно жить будешь» и ещё разное. А потом с Чеславом заниматься пошла, и явно ей это в удовольствие было. А я теперь на дворе голову остужаю, чтобы ему морду не набить.

– Ой, как запутано. Ты что, ревнуешь?

– И ревную, и себя ругаю, и что делать – не знаю.

– А просто, по-человечески, сказать, что нравится она тебе, пробовал? Что не только потому, что у неё твоя душа была, ты рядом крутился? Что она сама тебе нужна, говорил? Словами играл, а за ними леса не видать, то бишь чувств. Так мой тебе совет, она сейчас у меня в комнате сидит, пла-

чет, пойдй и поговори, мужик ты или кто?

– Пойду. Цветов, жаль, нет.

– Так ты ей Лелин цветок подари. Она оценит.

Борислав прочувствовал-таки момент, побежал со Стефанией разговаривать. Должно у них сладиться, должно. Когда только результат известен будет? Занятия сегодня пошли кувирком. Не до занятий сейчас. Интересно, до чего договорятся, вариантов много. Побежала к Клевенс узнать, что она думает. Клевенс обсуждала со Святославом сказку про то, что такое хорошо и что такое плохо. «Мальчик» уже начал высказывать вполне здравые мысли. Как ей только терпения хватает с ним возиться, он такой эмоциональный, ум-то и чувства слабо контролирует: то хохочет, то плакать начинает. Перекинулись несколькими словами о том, что ждать от разговора милых. Сошлись на мысли, что, во-первых, всё будет хорошо, и на второй мысли, что всё будет даже лучше, чем хорошо. Хочется нам так.

Зареванная, но улыбающаяся Стеша с приближающим её за талию Бориславом прошествовала во двор. Долго их не было. За ужином мы наконец услышали долгожданную новость.

– Стефания дала согласие на брак, – очень торжественно произнес Борислав. – Мы сегодня осуществим помолвку, а вы будете свидетелями серьезности наших намерений. Мы решили, что поживём сейчас вместе, а свадьбу сыграем дома. Я представлю Стефанию ко двору как графиню Полян-

скую, свою невесту.

Наше небольшое общество восприняло сообщение с неопишуемым восторгом. Ещё одни постояльцы этого удивительного приюта нашли своё счастье. Хорошо-то как.

Отъезд

Пришла весна и, хотя иногда подмораживало, но все понимали, что надо собираться в путь. Было радостно и грустно. Дорога манила непредсказуемостью, засиделись мы малость в четырех стенах. Грустно расставаться, столько хорошего произошло в этом заметённом снегами приюте, а впереди – у кого свадьба, а у кого неизвестность. Себастьян и Есения вернулись загорелые и сияющие от счастья. Ветер сказал, что доставит их до ближайшего городка, где они возьмут лошадей и двинутся в странствия. Чеслав предложил Стефании и Бориславу воспользоваться его каретой, а ещё они, кажется, договорились, что он будет работать вместе со Стешей, и они начнут совместный бизнес. Борислав обещал всевозможное содействие этому делу. Ревновал он Стешу к Чеславу постоянно, но девушка стояла на своём и советовала научиться доверять ей. У нас с принцами лошади были, собираться было недолго – сели и поехали. Сказитель отправлялся в дорогу пешком, как привык за долгие годы странствий. На Клевенс смотрели и часто отводили глаза, как будто извинялись, что покидаем её приют. Она понима-

юще улыбалась: мол, не волнуйтесь, не пропаду. Спасибо тебе, приют, прощай. Здравствуй, дорога. Интересно, какая ты будешь – сказочная ли, человеческая ли, если разная – все равно, здравствуй.

Часть третья. Превратности любви У Горыныча

После теплой и мягкой постели постоянного двора ночёвки на холодной земле, часто под дождём, не всегда радовали. Но мы решили ехать самостоятельно, без помощи Ветра. Как и раньше, добывали дичь, варили кашу и приправляли её снытью и молодой пробивающейся крапивой. Вечерами беседовали, вспоминали друзей, а ночью теснее прижимались друг другу в надежде согреться. Лесов становилось все меньше, появились огромные пространства степи, простирающиеся до самого горизонта. Нить моего пути стремилась вперед, мы двигались на восток и каждый день ложились спать в надежде, что цель близка.

Не знаю, на какой день пути навстречу нам выехал всадник на черном коне. Увидев нас, он остановился, поджидая.

– Вот и гости, – произнес всадник с явным интересом в глазах. – Жаждался я вас. Думал, раньше прибудете. Разрешите представиться: Змей... Горыныч... Огнедышащий, – произнес он свои имена с некоторым перерывом.

Мы вежливо поклонились и представились

– Принцы Карен и Михел из Сливании и наша спутница Лотта, – почтительно представился Хи.

– Принцы ясно зачем, – поморщился Змей. – Или мне головы рубить, или девиц освобождать, работа у вас такая, а ты, прекрасное создание, тут какими путями? – обратился он ко мне.

– Путешествую я с ними. Мы едем мир посмотреть, людей повидать. Мы рады вас видеть и головы никому рубить не собираемся. С Еленой Прекрасной хотим познакомиться.

– И позвольте спросить, зачем этим принцам Елена Прекрасная, когда рядом с ними такое чудо имеется? – галантно коснулся моей руки губами Горыныч, подъехав ближе, а потом обратился к принцам. – Меняемся не глядя, то есть договариваемся, пока вы с Еленой Прекрасной не общались – меняю ее на Лотту. Не волнуйтесь, Елена – красавица писаная, про внешность её не врут.

Принцы опешили, не ожидали такого развития событий и напора со стороны этого авантюриста, каковым оказался Змей. Но Хи быстро нашелся.

– Не, товар не глядя не берём, да и вообще, Лотта нам самим нужна. Привыкли мы к ней, полезная она девушка.

Я толкнула Хи локтем, благо на одной лошади ехали – мол, чего говоришь, какой товар, какая полезная девушка, что за гнилые разговоры? Он же продолжал гнуть своё.

– Уважаемый хозяин, мы рады оказаться в ваших владениях, едем давно, устали, особенно тяжело пришлось Лотте,

она девушка нежная. Не были бы Вы так любезны приютить нас у себя и обсудить интересующую нас ситуацию в более непринуждённой обстановке?

Горыныч, нагло вперившись в меня взглядом и облизав губы, промурчал:

– С удовольствием. Давно у меня гостей не было. Тем более таких вежливых и особо привлекательных. Некоторые как приедут – не поздороваются, слова доброго не скажут, сразу начинают кричать: «Конец тебе, Змей поганый, мой меч – твоя голова с плеч» и другие глупости. Приходится желудок портить, всякой гадостью питаться, а потом отрыжка нездоровая целую неделю.

И продолжил, улыбаясь еще более нагло:

– Прошу, моя обитель за теми холмами. Видите, я выехал Вас встречать безоружным, и вообще я – сама доброжелательность.

Ситуация мне не особо нравилось. Молодой мужчина, сказавший, что он Горыныч, не выглядел устрашающе: в меру симпатичный, даже, сказала бы, с особым шармом, не маленький – повыше принцев будет, крепкий, в седле хорошо сидит, зелёными глазами смотрит нагло, но не кровожадно, а как-то с лукавой усмешкой. А что у него в голове – не знаю, может, коварство какое удумал. Но отступать некуда. Приехали – значит, будем действовать по обстоятельствам.

За холмом действительно появился огромный замок. Со всем не мрачный, недавно построенный, он как будто парил

в воздухе.

– О, – вырвалось у меня, – восхитительное строение!

– Рад, что оценили, он и внутри уютный. Люблю, знаете ли, комфорт. Да и перед барышнями, что у меня проживают, не хочется в грязь лицом ударить.

Когда мы подъехали, ворота сами собой отворились, и мы оказались на огромной каменной площадке.

– Это чтобы мне было куда приземляться, – поспешил ответить на наши удивленные взгляды Змей. – У меня и зал большой для оборотов внутри имеется. Прошу любить и жаловать, – и опять заинтересованно посмотрел на меня.

Мы вошли в помещение, которое поражало своей изысканной красотой и роскошью. Золота многовато – так на то и гнездо дракона, они без излишков этого металла жизни не мыслят.

Пошли дальше в зал, где был накрыт стол, уставленный всевозможными яствами.

– Перекусим немного, – проговорил хозяин, – а потом отдохнете, о деле завтра. Девушки, не стесняйтесь, поприветствуйте гостей. Это принцы Карен и Михел и их очаровательная спутница Лотта. Только, чур, не ревнуйте, она гостя.

И тихо добавил:

– Пока.

Мы не знали, куда смотреть: на красоту отделки зала, изысканные яства (голодные сильно были) или на девушек,

вставших нас поприветствовать. А посмотреть было на кого. Первой из-за стола поднялась здоровенная дивчина в короткой юбке, кожаном жилете с металлическими бляшками, обтягивающем богатырскую грудь. «Девушка-богатырша», – пронеслось в голове. Красавица улыбалась, она и правда была хороша, но, как по мне, уж больно крупная: косая сажень в плечах, нога – три моих, такой ударит – убьет, а рядом со стулом стояла огромная булава.

– Моряночка, ну зачем ты опять за стол булаву притащила? Гости споткнуться могут, – проговорил хозяин. – Разрешите представить, мои подружки Марья Моревна и Алёнушка.

За экзотическим видом первой подружки вторую и не заметила. А это была милая девушка с пушистой косой и огромными грустными глазами на пол-лица, одетая в простой сарафан.

– А это Алёнушка, прошу любить и жаловать. Жаль, братца Иванушки сегодня нет, козлёночком обернулся, бывает у него это от стресса и излишней балованности, но животных за стол не сажаем, и не проси, – и он резко махнул головой в ответ на умоляющий взгляд Алёнушки.

Сначала мы ели молча, отдавая дань невероятно вкусным яствам и своим голодным желудкам. Немного насытившись, я не утерпела и спросила:

– Уважаемый хозяин, а не расскажете ли вы о себе, много слухов по земле ходит про вас, и все разные, во что верить

– не знаем. Любопытство одолевает. Не расскажете? И где Елена Прекрасная, почему её за столом нет?

– Елена Прекрасная во гробу лежит.

Мы тихо ахнули. Вот гад, убил девушку, а мы с ним тут беседуем, вино распиваем. Ишь супостат хренов. Я насупилась и впила глаза в этого убивцу.

– Да ладно Вам нервничать, в гробу она лежит живая, только усыплённая, а находится там для эксперимента, должны же принцы, как положено, три загадки разгадать, раз сюда на девушку поглядеть пожаловали.

Мы выдохнули воздух и немного расслабились.

– Что про себя-то рассказать? Слухи действительно разные, но поверьте, всё врут, всё врут.

– И что у вас три головы, врут? Ведь вы на самом деле человек.

– Вот что три головы – не врут, а сейчас я в моей любимой ипостаси, не буду же я за столом в три змеиные головы жрать? А с девушками как общаться прикажете? Да и гостей пугать не люблю, особенно приятных, – и опять подмигнул мне, как-то скабрёзно улыбаясь.

Ох, не нравятся мне его улыбочки.

– Да, головы у меня действительно три. Это и радость моя, и беда. Говорят, одна голова хорошо, а две лучше. А вот лучше ли три – вопрос. У каждой головы своё мнение имеется, из-за чего у нас и разногласия возникают. Когда сильно поспорим, я узурпирую власть и единолично всё решаю, а они

потом сердятся, тираном и узурпатором кличут, а я что, я за мирное урегулирование вопросов и единоличное главенство. Вот сейчас всё тихо, спокойно, а когда приму трёхглавый облик, так только в зале с огнеупорным покрытием стен общаться можем. Особливо Задумчивая голова старается.

Я ахнула.

– Так что, у Вас каждая голова личностью является?

– Так она на то и голова, и мозги у неё свои. Спинной мозг у нас, конечно, общий, до того места, что ниже спины доходит, но не им же думать прикажете. Вот и спорим. Одна голова именуется «Сильная» – личность она такая, всё могучее любит. Марья Моревна – её любовь, как прослышал про неё, полетели к Кощею в замок свататься. А она в это время Кощея победила, заковала двенадцатью цепями и в подвал каменный поместила.

Я опять ахнула, возьми, да и ляпни:

– А разве не Иван-дурак Кощея водой напоил, и он потом силу получил, цепи порвал?

– Говорю, слухи это дурацкие, всё врут. Я и сам дурак, зачем мне Иван. Увидел Кощея в беде, напоил приятеля, он цепи порвал, Моревну скрутил, благо злости на неё набрался за время заточения, да и передал мне на перевоспитание. Наградил, называется. Сильная голова как на неё посмотрела, так и до сих пор жить без неё не может.

При этом глянул на девушку, вздрогнул немного и примирительно так произнес:

– Любимая, ну зачем ты опять булавой постукиваешь, говорю же, любимая, ненаглядная, разве я когда тебя обидел? Награда ты моя несравненная.

Я подумала: «Обидишь такую, как же».

– Да, продолжил Горыныч, – вторая голова у меня «Добрый» называется. Жалостливая личность очень. Алёнушку спасти и сюда привести – это её идея. Если бы только одну Алёнушку, так и братца ее Иванушку привести пришлось, а он непоседливый – страсть, разбаловался здесь совершенно. Неймётся ему в замке, всё намеревается налево сбежать. Как набедокурил с девками в соседней деревне – в козленочка превращается и говорит: «Что с меня взять, козёл – и есть козёл, зачем, мол, в огород пускали?» А мне приходится отступные барышням выплачивать за поруганную честь. Всем без разбору плачу, от этого разориться могу, не буду же проверять, у кого была эта честь, а у кого нет? А ещё что очень неудобно: раньше, когда людей здесь не было, я в змеиной ипостаси в горах на коз охотился. Так инстинкт никуда не делся. Как увижу этого «Козленочка», так и сожрать его хочется. А Алёнушка это видит, сердится, рыдает, я этих слез жуть как не люблю. Третья голова у меня «Задумчивая». Не от слова думать, к сожалению, а от слова задумывать. Как задумает иногда что-нибудь – не знаешь, куда деться. Удумала в прошлый раз, что ей в невесты нужна Снегурочка – мол, хорошо зимой с ней пообщаться, а потом отдыхать от неё всё лето, когда она в облаках витает. Согласился я, сле-

пили мы её из того, что было. Только получилась не как хотели, а как всегда, еле весны дождалась. А теперь вот удумала Елену Прекрасную похитить. Похитили. Всё, надо вовремя останавливаться. Про Елену Прекрасную завтра разговор будет. Вы должны будете загадки разгадать. Получится – забирайте, а не получится – Лотту мне оставите.

– Мы так не договаривались, – сразу сказал Хи.

– Вы сами сюда прибыли, знали, кто я. Змей я, в конце концов, или не змей? Я подлый и ужасный, девушек похищаю, хорошо, что не питаюсь ими, хотя многие и в это верят. Поэтому разговор у меня короткий: угадаете – получите Елену, проиграете – Лотту оставите здесь. Ужин окончен, спасибо за компанию. Вас сейчас слуги устроят, отдыхайте. Утро вечера мудренее.

Я вошла в приготовленные мне покои и блаженно упала в глубокое кресло. Тепло, мягко, комфортно. Почему, спрашивается, я не могу долго жить в нормальных условиях? Что гонит меня по мокрым, грязным, опасным дорогам? Помощь принцам? Я отдавала себе отчет, что хочу, конечно, им помочь, но это предлог, не более. Посижу в этом уютном гнездышке, что свил себе змей, и опять захочется в лес и дальше, дальше, дальше... Про змея и его загадки думать не хотелось, слишком всё странно. А думалось о другом.

Что со мной не так? И этот Горыныч, странный какой-то, хотя, как змею быть нестранным? Почему он так пристально смотрел на меня, говорил комплименты и зачем хочет меня

оставить в замке? Игра? Не похоже вроде.

Искупалась в роскошном бассейне, облицованном белым мрамором, вытерлась белоснежным мягким полотенцем и залезла в постель. Уютно, заснуть бы сразу, только вот сон не шел, мысли какие-то лезли в голову. Спать бы в такой кровати и спать, а почему-то тревожно. Может, потому, что у Змея в доме, а может – потому, что принцев рядом нет. Наверное, второе: когда они рядом, так хорошо. Я привыкла засыпать в кольце их рук, согреваемая их теплом, ощущая постоянную заботу и внимание. Они и раньше не считали меня кем-то неравным себе, не было в них такого, а после зимовки что-то неощутимо изменилось. Я стала важна им, особенно Хи, я это чувствовала. Чем это вызвано – привыкли или что?

За этими мыслями не заметила, как дверь тихонько отворилась, и в комнату скользнула тень. Всё внутри меня напрягло: что делать, неужели конец, одна в комнате в доме Змея? Вжалась в перину и растворилась бы в ней, если бы могла. Говорили же принцы, что лучше спать вместе, так не послушалась.

– Лотта, не пугайся, это я, – тихо прошептала тень.

Кто я – пока непонятно, но не пугаться стало легче.

– Это я, Марья Моревна.

В таком случае просьба не пугаться довольно странная. Она Кощея смогла связать, а что стоит меня прихлопнуть?

– Лотта, – опять раздался голос, – слышу, что не спишь, я поговорить пришла. Предложение у меня есть.

Я высунула голову из-под одеяла.

– Прости, не ждала гостей. Страшно как-то тут, однако.

– Не бойся Горыныча, просто так насиловать не придёт, хороший он. На вид хитрый да лукавый, а так его умеючи вокруг пальца обвести ничего не стоит. Хороший он мужик.

«Мужик или змей трёхголовый – разница имеется», – промелькнуло в голове.

– Вот только женщины – его слабость. Не может ни одну смазливую мордашку пропустить, всех сюда тащит. А мы с Алёнушкой мучаемся.

– Чего мучаетесь-то? Хорошо, на других отвлекается, вас не трогает.

– Вот не поверишь ты и наверно странным покажется, но любим мы это чудо змеиное непутёвое, родной он и в постели ласковый. Когда у него лирическое настроение – он с Алёнкой, а когда кровь разогнать надо, так меня зовёт. Мы уже привыкли, хотя братца Алёнушкиного гоняет сильно. Так поделом, козлика блудливая выросла, не сумела она его воспитать, все жалела братца.

Я осмелела и говорю Моревне:

– Так и Горыныч же, как сама говоришь, не ангел, всё на других девок заглядывается.

– Так он всех в дом тащит, на стороне не гуляет – под присмотром значит, да и контролируем мы это дело. Вот с тобой договориться хотим.

– Да я не против, мне совсем не светит ему бок греть. Я

птица вольная, любви хочу, своей. Ещё никого не встретила, – а сама вздохнула: принцев-то встретила, только то, что у нас, любовью не называется, а жаль.

Потом спросила:

– Так что ты предлагаешь?

– Завтра он загадает принцам три загадки, даст на это время. Мы с Алёнкой два ответа знаем, подскажем их тебе – не хотим мы, чтобы ты здесь оставалась. У меня к тебе ничего личного, но Горыныча не уступлю, наш он с Алёнкой. И хорошо бы ещё, чтобы твои принцы эту Елену Распрекрасную забрали, слов приличных про неё нет. Не хочу и рассказывать, сама увидишь. Вот такие дела. Так что договорились.

– Да я только за, спасибо за помощь. Уверю тебя, Змей мне и даром не нужен. Мне чужого не надо, своё бы найти.

После этого разговора на душе стало спокойно. Моревна девушка серьезная, да и большеглазая сиротинушка Алёнушка оказалась не так проста, у них под присмотром не побалуешься. Хотя разгадки загадок никто не отменял, но это всё с утра.

Утро с рассвета не началось, проспала до полудня, усталость предыдущих дней дала о себе знать. Спустилась в зал. Там никого, на столе еда горячая, пирожки подпрыгивают и приговаривают: «Съешь меня, съешь». Я девушка добрая – съела, конечно, раз просят, и пошла во двор. Там гордо выхаживал Горыныч, за ним ходили озабоченные принцы, а девушки-красавицы сидели на скамейке и щёлкали семеч-

ки, но шелуху на землю не бросали, в кулёчек складывали. Культурные.

– А, краса наша неземная наконец проснулась, – заметил меня Горыныч.

Вздыхнула про себя – надоело мне, что все дразнятся. Подумала в который раз – может, поверить для разнообразия, раз так усердно говорят.

– Как спалось?

– Хорошо всё, за пирожки спасибо, за заботу спасибо, хозяин, – любезность из меня просто капала. Посмотрела на озабоченных принцев.

– Михел, Карен, вы как?

Принцы обрадовались, увидев меня, напряжённость на лицах уменьшилась, и они стали с двух сторон от меня, всем видом давая понять: наше, мол, не отдадим. Приятно, однако.

– Я тут принцев с дизайном двора знакомлю, сейчас сад покажу, там и бассейн имеется, и деревья разнообразные высажены. Мы с подружками любим благоустройством заниматься. Хочу похвастаться нашими достижениями, пройдёмте дальше.

Больше часа, наверное, Горыныч гордо водил нас по участку, показывая чудным образом стриженные растения: некоторые шариком, а некоторые и более сложными фигурами. Розочки разных сортов обрамляли дорожки и увивали беседку.

– Пойдемте, посидим в тенёчке немного.

На столе в беседке возникли кушанья разные, и хозяин пригласил нас отдохнуть.

– Сегодня отдыхаем, а завтра вы, принцы, должны будете разгадать первую загадку. Сказал вам уже, что Елена в гробу лежит. Больше она мне там нравится. Завтра перед Вами будет стоять двенадцать гробов с одинаковыми девушками. Живая только одна, остальные фантомы, руками их трогать нельзя, рассыпаются, так что на ощупь отличать не будет возможности. Угадаете – дальше играть будем, а не угадаете – Лотта у меня остаётся. И не хмурьтесь. Смотрю, любовных отношений между вами не имеется, дорогу к Кощею я вам сам покажу и даже отвести туда готов. Что там Бессмертному говорить будете, меня не касается, а Лотта у меня останется. Вы всё одно такое чудо оценить не способны.

– Чего это мы не ценим, очень даже ценим. И вообще, Лотта с нами как проводник пришла, не её затея была к тебе наведаться, – хмуро ответил Ха.

– Как пришла, так и останется. Зачем она вам? А я её холить да любить буду, мне такие красавицы давно не встречались. Бежать от меня у вас, принцы, не получится, догоню и съем. Мне принцами не впервой питаться. Я не жестокий, а справедливый: отгадываете загадки – Елена Прекрасная ваша, не отгадываете – Лотта наша.

Тут я не выдержала.

– А меня спросить забыли, хочу я тут остаться или нет?

Может, мне путешествовать нравится, а не взаперти сидеть, да и не люб ты мне.

– Лотточка, крошка, вместе попутешествовать можем. Куда хочешь, тебя свожу и дома без внимания не оставлю, знаешь, какой я горячий, – он обернулся на девушек, которые хмуро на него посматривали

– Не хмурьтесь. Вы же просили Елену из замка убрать? Удовлетворяю вашу просьбу, а как я это сделаю, мы не обговаривали – принцам ли отдам, домой ли отправлю или на другую поменяю. А вы не расстраивайтесь, моей любви на всех хватит.

Меня такая перспектива не устраивала, да и остальных тоже. Вдруг смотрю – у Ха какая-то мысль промелькнула. Он спрашивает:

– А давно Елена Прекрасная в гробу отдыхает?

– Да завтра пятый день будет.

– И фантомы сразу создал? Только почему так давно колдовал, мы же только вчера приехали?

– Да раньше вас ждал, задержались вы малость, а фантомы, конечно, создал сразу. Чего лишний раз отвлекаться. Так и лежат все двенадцать в подвале.

Ха улыбнулся понимающе, а потом и говорит:

– Ну, с Еленой Прекрасной все ясно: до завтра полежит, не испортится. Не бежать же сразу в подвал на неё смотреть. С Лоттой мы давно знакомы, а вот таких красавиц, как рядом сидят, не видывали. Можно, барышни, мы с вами ближе

познакомимся, – и давай Марье Моревне да Алёнушке комплименты сыпать.

– Ты, Горыныч, Лотте садик ещё покажи, а мы с барышнями посидим в тенечке.

Смотрю, и Хи к нему присоединился, любезничает. Пересели поближе к девушкам, улыбаются, то пальчики поцелуют, то коленки невзначай коснутся. Смотрю на них и не узнаю. Может, влюбчивость Горыныча заразная да принцам передалась? Когда Марья Искусница их околдовала – ясно видно было, а тут вроде без всякого колдовства девицам улыбаются да заигрывают. И так обидно мне стало, так захотелось этим красавицам косы повыдергивать. А они смеются, глазками стреляют, ягодки со стола принцам в рот кладут. Чтобы не смотреть на это безобразие и не расстраиваться, схватила Горыныча и увела дизайн сада дальше рассматривать. Горыныч упирался сначала – у него самого глаза от увиденного круглыми стали, но пошёл. Только ему почему-то не до показа было. Всё на беседку оглядывался, а оттуда смех слышится и голоса весёлые. Смотрю, загрустил Горыныч.

– Змей, а что, если Марья Моревна и Алёнушка принцам больше, чем Елена Прекрасная понравятся, да захотят с ними уехать, что делать будешь?

– Съем, а девушек не отдам.

– Крут ты, Горыныч, неужто любви они тебе? Вот Елену вообще на меня обменять хотел не глядя.

– Так то Елена, а эти – другое дело.

– Неужто нравятся тебе?

– Да не задумывался об этом, рядом они со мной – и хорошо. Думал, любят меня, а они вот на моих глазах с заезжими хахалями хихикают.

– А что, мужчины у тебя в замке редкость? – опять поинтересовалась я.

– Да кто ж к Змею сунется? Кощей если заедет, так он теперь на сторону не глядит, всегда с Василисой появляется, а другие молодые не заезжают, боятся. И правильно делают.

Мы с Горынычем сидели на лавочке возле фонтанчика и грустно смотрели на беседку.

– Предатели, – почему-то сказала я.

– Предательницы, – поправил Горыныч.

Когда из беседки стали любовные песни слышны, Горыныч не выдержал, а я уже давно чуть не плакала,

– Если сейчас это безобразие не прекратится, обернусь и пожгу всех, – прошипел Змей.

Я испугалась, схватила его за руку:

– Ну что ты, Змеюшка, я сейчас этих принцев заберу, не нервничай, – и кинулась в беседку.

Забегала туда быстро, а за мной следом Горыныч. Смотрю, голова Моревны уже на плече у Хи лежит, а он ей коленку поглаживает. Змей уже огнем дышать стал. Я схватила Ха за руки и крикнула:

– Что за беспредел такой? Быстро вставайте, чего чужих девушек соблазняете.

– Так мы думали, что Змей Горыныч на тебя, Лотта, глаз положил, а эти красавицы без внимания остались. А они прехорошенькие, и интересно с ними, поговорить можно и другое всякое.

– Да, Горыныч, – вдруг встала во весь свой богатырский рост Моревна, – с ними и поговорить можно, и песню спеть, и не изменять нам они обещали. Что такого? Повеселились девушки малость, отвлеклись. Тебе можно, а нам нельзя? Несправедливо это, – да как стукнет булавой об пол, так доски в щепки и рассыпались.

«Аргумент, однако», – подумала я.

Горыныч сразу пар спустил, только шипеть не перестал.

– Мы, милые, с вами ещё поговорим, – схватил своих девушек под белые ручки и потащил в замок, а на нас даже и не оглянулся.

Объясняться с этими бабниками не стала, гордо подняла голову и пошла к себе в комнату плакать.

С утра принцы опять начали мило улыбаться девушкам, а Горыныч даже когти отрастил, так нервничал. Пошли в подвал загадку разгадывать. И правда – лежат там двенадцать прекрасных дев во гробах и не дышат. Страшно. Посмотрела – одинаковые совершенно, красивые, аж дух захватывает. Не врут, что краше Елены Прекрасной никого нет. Вздохнула, посмотрела, как принцы этих Елен внимательно рассматривают, и подумала: «Пусть там и Ветер, и Горыныч меня красавицей называют, вот лежит в гробу девушка – глаз не ото-

рвешь. И что удумала – принцев к Моревне да Аленке ревновать? Обидно стало, что они мне таких комплиментов никогда не говорили и не скажут, наверно, а хочется почему-то. Странно, ни от кого ласковых слов и комплиментов слышать не хочу, а от них слушала бы и слушала. Так не говорят».

Принцы походили еще вдоль гробов, потом посоветовались, и Ха указывает:

– Вот это – Елена Прекрасная настоящая.

Только он это произнес – девушка из гроба подниматься начала. Глаза закрыты, страшно мне стало, мурашки пошли. Потом она глаза открыла – огромные, голубые, но пустые, мертвые какие-то, ещё страшнее стало. Вышла из гроба, подошла к Горынычу и говорит голосом, в котором ни одной эмоции не проскакивает:

– Здравствуй, суженый.

Горыныч как отскочит от неё, аж побледнел весь.

– Здравствуй, Елена Прекрасная. Рад, что угадали принцы, в каком гробу настоящая ты лежала. Теперь, может, кто-то из них твоим суженым будет, – и надежда в его голосе мне послышалась.

Елена моргнула, повернулась к принцам и таким же голосом говорит:

– Здравствуйте, кто из вас моим суженым будет?

– И тебе не хворать, Елена Прекрасная, – сказал Ха, он почему-то меньше Хи растерялся. – Рада ли ты, девица прекрасная, видеть нас, и не обижал ли тебя Горыныч?

– Нет, не обижал меня никто. Вопрос у вас странный – рада ли я вас видеть? Как это рада?

Тут даже Ха растерялся.

– Может, тебе в неволе у Горыныча плохо жилось, а с нами будет лучше?

– Что воля, что, неволя – все равно, – сказала раскрасавица механическим голосом, помолчала немного и продолжила. – Хорошо у него жилось, зеркал много, на себя везде смотреть можно. Когда зеркал много, я всегда рада, а когда себя не вижу – плохо мне. Пойдёмте в зал, соскучилась я по себе любимой.

Горыныч вздохнул, Хи и Ха пожали плечами, девушки заулыбались ехидно, а у меня всё крутился в голове вопрос: как же Ха угадал, какая девушка настоящая?

Наша увеличившаяся компания направилась в залу. Зеркала в шикарных рамах обрамляли лестницу, увеличивая и так совсем не маленькое пространство.

Принцы быстро пристроились к Моревне и Аленушке. Тут нежная Аленушка достаточно ехидным голосом (хотя, может, мне и показалось) говорит Горынычу:

– Мы немного пообщаемся с принцами, они такие очаровательные. Не сердись, милый, у тебя же для разговоров Елена Прекрасная будет, скучать тебе не даст. И позволь Лотте сегодня отдохнуть, она хотела в одиночестве в библиотеке посидеть. Проводим её туда.

Когда это я хотела в библиотеку, не помню. Я спроси-

тельно посмотрела на Ха, который держал под локоток Моревну, он бросил на меня мимолетный взгляд и, как мне показалось, подмигнул, а потом обратился к Марье:

– Разрешите, я поддержу Вас, ступеньки могут быть скользкими, не упадите, – и еще крепче прижал к себе Моревну.

«Такая упадет, как же, у неё булава есть, на неё обопрется», – подумала я.

Обида так и разъедала сердце. Кто бы мне руку предложил? Единственное, что немного меня утешало в страданиях, – я была не одинока. Горыныч тоже не выглядел счастливым. Елена Прекрасная держалась за него и действительно могла упасть, так как неотрывно смотрела на себя в зеркала по сторонам лестницы. Вот теперь она улыбалась – улыбалась своему отражению.

Я действительно провела весь день в библиотеке, только из окна выглядывала на площадку для тренировок, где упражнялись Моревна с принцами и Горынычем. Сначала она сражалась с принцами, причём сразу с двумя, да и то как-то в полсилы. «Могучая, – с уважением подумала я, – принцы-то не такие уж слабые бойцы». А вот когда за меч взялся Горыныч, посмотреть на этот поединок было интересно. Бойцы как будто исполняли танец, так красиво это было, но через некоторое время меч Моревны был приставлен к горлу Горыныча, и он признал себя побежденным. Бойцы в конце поединка обычно пожимают друг другу руки, а Змей вдруг

схватил Марию в объятия и поцеловал. Ой, какие страсти! А она, пожалуй, ему более дорога, чем он хочет показать.

Утром принцев ждало новое испытание. Девушки наметнули мне – мол, успокойся, подсказка ребятам известна.

Мы спустились опять в подвал, где на полу увидели двенадцать зеркал, лежащих в ряд.

– В одном из них душа Елены Прекрасной заключена. Угадаете – хорошо, а нет – Лотта остается со мной, – только сказал он это как-то не так самонадеянно, как в начале нашего знакомства, и на девушек посматривал как-то виновато.

– Зеркала щупать можно? – поинтересовался Хи.

– Да пожалуйста, хоть облизывайте, – хмыкнул Горыныч.

Парни явно не спешили. Ходили возле зеркал, рассматривали, к лицу подносили, дышали на них. «Еще на зуб попробуйте, – вертелось в голове. – Неужели не знают отгадку?» Переживать начала. Однако через некоторое время Хи протянул Горынычу зеркало, которое после того, как на него подышали, покрылось инеем.

– Вот в этом зеркале душа Елены Прекрасной – холодная и равнодушная.

В то же мгновение перед нами материализовалась Елена Прекрасная и спросила у принцев:

– А далеко ли нам ехать придется до вашего королевства, и много ли там зеркал?

– Ехать долго, зеркала есть, но не так много, как в этом чудесном дворце.

– Тогда я не поеду, что я в дороге делать буду, как себя в полный рост увижу? Не хочу, останусь у Горыныча, – и топнула ножкой.

Горыныч сначала побледнел, потом позеленел и говорит:

– Принцы, вы на её капризы не обращайте внимания, мало ли что не хочет? В ковер завернули, через седло перебросили – и в дорогу.

– Нет, не поеду, – опять топнула ножкой Елена, – мне и тут хорошо. Ты меня из дому забрал, жениться обещал, и вообще, почему до сих пор не выгнал этих девок уродливых, что они тут интерьер своим видом портят? Выгони и на меня смотри. Я ли не самая красивая на этом свете?

Тут Аленушка не выдержала.

– Посмотрите на эту гадюку, ещё говорят, что Горыныч змеище поганый, а она... она в сто раз хуже, – да и хватъ ее за косу.

Горыныч Моревну за руки держит, еле удерживает её от смертоубийства: та, если приложится, так от Прекрасной и мокрого места не останется.

Давно такого не видела, принцы их еле разняли. У каждого по девице в руках, а я одна, как всегда, одна. Самой, что ли, ножкой топнуть или за косу схватить, всё легче будет. Вот оценит ли кто?

– Горыныч, так у нас завтра ещё одно испытание, – напомнил Хи, – завтра и поговорим. Если бы не твои слова, что Лотту заберёшь, отступились бы мы от Елены Прекрасной

хоть сейчас. Может, передумаешь, ну, будет у тебя не две подружки, а три, головы-то три? А что Задумчивая твоя по этому поводу думает?

– Она задумала в кусты спрятаться, – обреченно как-то произнес Горыныч. – Слушайте, а может, вы Елену и за два выполненных задания с собой заберете?

– А Лотта как?

– Да ладно, пускай с вами едет, понял я кое-что про нее – ночью слетал, с Кощеем посоветовался.

Все вопросительно на него посмотрели.

– Простите, не могу рассказать, информация не разглашается, не моя тайна, – и с надеждой так на принцев посмотрел. – Так что, заберёте?

Но Елена Прекрасная не унималась.

– Это что ты, Змей, удумал, меня за тридевять земель отправить решил? Я вот Иванушке-дурачку из Приреченского царства пожалуюсь, он ко мне сватался. Сказал, что посадит меня в уголок рядом с зеркалом, чтобы я не горюнилась, а сам пылинки сдувать с меня будет. И будет меня показывать гостям заморским, как картину бесценную. Вот как меня истинные ценители красоты уважают. Да и то понятно, вкусы у Вас плебейские, раз таких..., – хотела сказать, но побоялась, посмотрев на девушек, – рядом с собой держите.

Девчата хотели было опять ей косу повыдергать, а мужчины как-то обрадовано переглянулись.

– Так тебе у Иванушки-дурачка хотелось в тереме жить? –

ласково так спросил Горыныч.

– Хотелось, он больше всех оценил красоту мою неземную и любоваться ей собирался денно и ночью, а тут ты налетел, схватил, принес, с этими за одним столом сидеть заставлял и загадки свои глупые придумывал. Хочу, чтобы мной любовались. Вот.

Горыныч переглянулся с принцами и говорит им:

– Полетели, ребята, переговорщиками будете, а то я излишне горяч бываю. А тебя, Лотта, очень прошу: погуляй с Еленой Прекрасной по садику, пока мы не вернемся. Только от подружек моих подальше держитесь. А вам, – он обернулся к Аленушке и Моревне, – обещаю решить всё в ближайшее время. Не убейте её до моего возвращения.

Девушки кивнули понимающе.

Потом мужчины вышли на каменную площадку перед домом, и Змей сказал:

– Как обернусь – не бойтесь, залезайте на спину да держитесь крепче. Полетим в Приреченское царство. Думаю, до ночи обернемся. Главное, чтобы Иван не передумал.

Ко всему была готова, но что Горыныч такой огромный и страшный – не ожидала. На его спине человек десять усесться могли, не меньше. Видела – принцам страшно, но они храбрились. Залезли, вцепились, что было сил, в выступающую чешую на хребте и взмыли в воздух, только их и видели. Девушки откуда-то платочки достали и вслед помахали, а мы пошли гулять. Как я до вечера дожила, гуляючи с Еленой

Прекрасной, не знаю, не спрашивайте, она всё про красоту свою разговаривала, а я на цветочки смотрела.

Вечером прилетели Горыныч с тремя принцами. Иванушка-дурачок был не так уж и прост, как рассказывают. Взгляд деловой, своего не упустит. Слез с Горыныча, пошел к Елене Прекрасной, ручки ей облобызал и говорит:

– Спасая тебя, краса ненаглядная, от людей и нелюдей, что не ценят тебя. Полетим сейчас в мое царство, у меня гости завтра придут, представлю тебя им. На людей посмотришь, тебя покажем, а то они все хвастаются: у одного соседа белка орешки с золотой скорлупой грызет, у другого конь златогривый, ещё у одного перо жар-птицы имеется, теперь и мне будет, чем перед людьми похвастаться. Зеркалами все комнаты обвешано, пылинки сдувать с тебя буду, любоваться денно и ночью и другим показывать, ты уж точно не хуже белки, а лучше её во много раз. Правда ведь? – и взял Прекрасную под локоток. – Ты только потерпи немного на перелёте, придется тебя в коврик замотать, чтобы не упала ненароком с Горыныча, но зато прилетим – всё будет в шоколаде.

– И в зеркалах, – добавила Елена и посмотрела на нас свысока.

– Да, Змеюшка, а где сундучок, что ты мне в качестве компенсации за действия твои противоправные обещал? И как его на тебя погрузить, чтобы не свалился?

– В зубах понесу, – буркнул Горыныч, – только бы побыстрее освободиться.

Из дворца на площадку вынесли ковер и совсем не маленький сундучок, в котором что-то позвякивало, не иначе, как золотишко. Не дурак этот Иван, точно.

Только скрылся Горыныч в облаках, подошли ко мне принцы, приобняли и говорят:

– Прости нас за спектакль, что мы тут разыгрывали. Не хотели тебе раньше времени говорить, ты девушка, к интригам не приученная, могла выдать. Договорились мы с подружками Горыныча, что поухаживаем за ними назло змею, чтобы приревновал он. А то замучил их своим самодурством, привозя в замок всяких Елен Распрекрасных. Тебя вот хотел оставить. Теперь понял, каково это, когда у тебя на глазах любимые с другими любезничают.

Я, конечно, сердиться долго не могла, тем более что смотрели они на меня с большим вниманием.

– А не боялись вы, что Горыныч сожрёт вас из ревности?

– Так Марья Моревна обещала подстраховать. Страшно было, конечно, но для хорошего дела и рискнуть можно.

– А загадки как отгадали?

– Просто. Ногти у людей, даже у мертвых, некоторое время растут, а Елена в гробу пять дней пролежала, ногти у нее длиннее, чем у фантомов, были, и это было заметно. А про зеркала, так девушки подсказали, что оно самое холодное будет. Вот и дышали на них: на котором пар оседет – в том и душа. А ты же видела, на зеркале даже иней появился. Все просто, и, главное, хорошо закончилось.

Ночью прилетел усталый Горыныч – намотался туда-сюда за день, но сказал, что это событие надо отпраздновать. Змей обнимал своих подружек, ласково на них поглядывал, и они обиды на него не держали. Алёнушка положила голову ему на плечо с одной стороны, а Моревна с другой, булаву она под стол закатила.

Мы пробыли у Горыныча больше недели, он возил нас на себе по окрестным достопримечательностям. Ещё мы ловили рыбу, охотились, ездили на каких-то диковинных животных с двумя горбами, что паслись во владениях Змея. Принцы с утра повышали свой уровень мастерства владения мечом – у Змея и у Моревны поучиться было чему. Горыныч хотел отвезти нас к Кощею сам, но куда девать лошадей? Решили ехать, как всегда, своим ходом. Мне Змей тоже подарил лошадь, и я могла ехать сама, не нагружая больше коня Хи двойной ношей, но он почему-то был не рад. Ехали мы к Кощею просто познакомиться, приглашение он через Горыныча прислал. По-моему, поиски невест принцам поднадоели, но на мир посмотреть они были не прочь.

И опять дорога. Перед нами степь с гуляющими по ней волнами ковыля и разукрашенная маками. Сурки пересвистываются. Над нами расправил крылья ястреб-перепелятник – летит, куда хочет, и мы тоже скачем, куда глаза глядят. Хорошо.

Кощей Бессмертный

Долго ли, коротко ли ехали, а добрались до замка Кощева. Непрístupный, каменный, мрачноватый с виду, вокруг замка ров вырыт, мост подъёмный через ров, ворота прочные – просто так не попасть. Стали мы перед рвом, ждем, когда нас заметят и пустят. Тревожно как-то стало: неласково вокруг замка. Вскоре мост опустился, ворота открылись, и, оказавшись за ними, мы очутились как бы в другом месте. На залитых солнцем участках зеленела трава, цвели яблони, а под ними алели тюльпаны. И близко нет ничего похожего на безжизненные каменные стены за воротами. Нас вышла встречать очаровательная девушка с умными серыми глазами. Сколько ей лет? Молодая, но не девочка восемнадцатилетняя.

– Наконец-то вы добрались. Мы через Горыныча передали вам приглашение заехать к нам в гости, да заждались. Вероятно, вы уже догадались: меня зовут Василиса Премудрая, лучше просто Василиса, а вас по рассказам этого плейбоя Горыныча знаю. Вы принцы Карен и Михел и прекрасная девушка Лотта, что с вами путешествует. Муж сейчас освободится – он дописывает что-то важное – и к нам присоединится. Пойдемте, немного приведёте себя в порядок после дороги да поужинаем. Кощей к тому времени спустится.

У нас взяли лошадей и проводили в умывальни. Замок был мрачным только наружи, внутри всё дышало уютом и располагало к себе ненавязчивостью убранства. Если у Го-

рыныча в замке всё дышало помпезностью и богатством (вспомнились зеркала и позолоченные рамы), то каждая вещь в замке Кощея была так удивительно проста и изящна, что трудно было даже подумать, сколько эта простота стоит.

– Нравится? – заметила Василиса мой восхищенный взгляд. – Это мы с Кощеем продумывали, у него отличный вкус. Располагайтесь, это ваши комнаты, столовая зала вон там. Я приготовила для Вас несколько платьев – надеюсь, что-то подойдет. Не стесняйтесь, у нас всегда рады гостям. Я буду ждать.

Чистые и приодетые, мы спустились в столовую. Хозяйка ждала нас и провела к прекрасно накрытому столу. Ждали только появления хозяина. Чего только про него не наслышалась: и бессмертный потому, что кровь невинных детей пьет, и в подвалах его девушки-красавицы похищенные чахнут, и скелеты, что он оживил, золото в сундуках считают, а Кощей приходит и всю ночь их подсчеты проверяет, чахнет то бишь над этим золотом. Пока всё это вспоминалось, в зал вошел худощавый энергичный человек в хорошо сшитом костюме, на вид не больше сорока лет.

– О, вот и гости! Простите, не встретил Вас у ворот, делал кое-какие пометки, хотелось быстрее закончить. Будем ужинать. Присаживайтесь, не стесняйтесь. Уверен, вам понравится кухня. У меня очень хороший повар, как, впрочем, и другие служащие. Люблю, знаете ли, профессионалов.

Кушанья были выше всяческих похвал, а за столом вилась

непринужденная беседа. Я и не заметила, как легко разговор перешел на обсуждение наших приключений. Повествование о Горыныче и его подружках супругов привело в восторг, и Кощей сказал:

– Наконец-то он научится ценить, что имеет, тем более – девушки это заслуживают.

– А Вы к Моревне не питаете никаких обид? – спросила я

– Ну что вы, это было давно и почти неправда. С тех пор, как я встретил Василисушку, многое изменилось. Так ведь, любимая? А Моревна? Горячая она, да и характерами мы с ней не сошлись. А главное, не любила она меня, а вот этого Змея непутевого полюбить смогла. Личность его мечтательную разностороннюю – одновременно и «сильную», и «добрую», и, главное, «задумчивую» – девушки любят. А история эта, забавная по сути, обросла почему-то домыслами.

Он увидел наши заинтересованные взгляды и продолжил.

– Закованный в цепи я оказался по своей глупости. Решили мы с Моренной немного разнообразить наши отношения, приковала она меня к кровати, а я по глупости сказал ей по поводу этого представления что-то обидное. Осерчала она – говорю, девушка горячая – так скованного в цепях в подвал и отправила, а остальное вы знаете. С тех пор зарекся в такие игры играть, нам и так хорошо, правда, ненаглядная?

Подумалось: «Да уж, вот так сказки рождаются».

Василиса больше молчала, но как только разговор заходил в тупик, она умело находила следующую тему.

Карен стал интересоваться, чем Бессмертный занимается сейчас, да почему у него такая репутация не шибко положительная.

– Люди любят всё делить на белое и черное. Я долго жил затворником, что было непонятно окружающим, замок неприступный с виду, что внутри – еще более непонятно. Слуги у меня верные, неразговорчивые, вот домыслы и пошли. Да, появлялись в замке изредка молодые женщины и девушки, но я никого насильно не держал, поверьте. Многие богатство моё хотели в руках подержать, вот только неинтересно им было в затворничестве моём жить, поэтому и уходили. Однако никого без подарков не оставил. А что напридумывали, так я им не судья. А от привычки жизни в одиночестве трудно избавиться, я ведь пережил не «сто лет одиночества», а много больше. Замок мой, мрачный снаружи, тоже на поддержание определенной репутации влиял, а что внутри, я особо не показывал – ни в замке, ни в душе. Знаете, от чего Кощеем зовусь? Не от слова кость – худой, а от слова Кош – жребий, или почти судьба. Думал, жребий у меня – одиночество бесконечное. Одинокое сердце, неласковое, только Василиса Премудрая и смогла его отогреть. Смогла понять, восхитилась тем, что во мне есть. Это она меня убедила, что и знания мои, и мудрость, веками возвращенная – не пустые слова, а от её восхищения мне хотелось всё больше её удивлять своими начинаниями и успехами. Много задумок у меня возникло с её появлением: и как капитал свой в дело

пустить и увеличить, и как создать общество людей, что идеи мои разделяют, и как знаниями своими поделиться. Может, Лотте это и не так интересно, а вот с вами, Карен и Михел, с удовольствием поделюсь, полезно знать некоторые вещи.

Наше проживание у Кощея немного затянулось. Мужчины находили удовольствие в решении вопросов управления государством и людьми, а мы с Василисой просто подружились. Не сразу, но она много рассказала о себе. Её история тронула меня невероятно, вот ведь как бывает.

Василиса

Мы гуляли, и я все расспрашивала её о жизни, о том, как она Премудрой стала, от рождения у неё мудрость или позже появилась? Я о тебе и у Бабы Яги слышала, что ты одна её загадку про знания разгадала.

– Лотта, – усмехнулась Василиса, – ну ты и удивила меня. Да, сейчас меня зовут Премудрой, но такими точно не рождаются. Обыкновенными рождаются: маленькими, красненькими и кричащими, а потом растут, и если кто хочет чего-то добиться – старается научиться, а если нет – так на нет и суда нет.

– А что нужно сделать или изначально иметь, чтобы стать мудрой? – спросила я, уж очень мне тоже хотелось на неё похожей быть.

– Изначально, наверно, любознательность иметь нужно,

она у меня присутствовала в избытке, и этим я сильно от многих девочек отличалась. Эта черта, как я позже поняла, не у всех есть в наличии – кто без нее рождается, у кого её отбивают, кому обстоятельства не дают её развить. Мне вот позволили. Отцу нравилось меня учить. Я и сама любила читать, решать задачи разные логические, всё задумывалась, как мир устроен, поэтому надоедала родителям и их знакомым, всё рядом с ними крутилась, разговоры слушала, пока позволяли. Учителей своих расспросами донимала, многие от меня уставали. Ещё и энергия из меня ключом била. Не только читать и учиться успевала, а и с ребятами дворовыми поиграть, всякой шкоды заводилой была. Не Василисой – Васькой дразнили. Вот, пожалуй, эти две черты меня от других немного и отличали – любознательность и кипучая энергия. А остальное, наверное, как у всех.

– Ты так училась и училась, а потом тебя Премудрой называть стали?

– Нет, конечно. Одним учением не обошлось. Все изменилось, когда мне шестнадцать лет стукнуло. Любила я тихонько, чтобы никто не видел, посидеть с книжкой в гостиной. Вот сижу я, значит, в уголочке, не видно меня, а тут бабушка заходит с приятелем. И разговор у них интересный происходит. Приятель и говорит отцу: «Дочке-то твоей, поди, шестнадцать стукнуло, почему женихов не полный дом?» А отец отвечает: «Да не хочу ещё я с дочкой расставаться. Многие бы не против её в жены взять – красивая, ладная, но

чувствую – для необычной судьбы она родилась. Умная не по возрасту, а мечтательница, как будто двенадцать лет ей. Про женихов не думает, всё книги читает, хочет познать непознаваемое, как её такую на грешную землю опустишь?» «Не она первая, не она последняя. Как к мужу в дом попадает, сразу начнёт детьми и хозяйством заниматься, а не об устройстве мира думать. Зачем это девке? Это и мужику не особенно надобно, а уж девке-то и подавно. Разбаловал ты её, придумал, что она у тебя самая умная. Кому бабий ум-то нужен? Может, каши ей варить и не нужно будет, слуги есть, но про мироустройство думать точно больше не придется. В постели что умная, что дура – все едино». «Жалко дочку, ты не понимаешь – единственная она у меня и действительно разумницей уродилась. Неужто и такой девушке обычная судьба уготована? Как колесо: родилась, выучилась, замуж вышла, родила дочку – и опять учит её, и так по кругу. А где она сама потерялась, неужто только угодить мужу и детей народить смысл жизни-то её? Мать её, красавица, ни о чём таком, как Василиса, и не думала никогда, всё мне в рот смотрела. Хорошая, добрая жена. Но иногда хотелось закричать: закрой рот, дура, я уже всё сказал». «Да нет, есть, конечно, выдающиеся женщины, что Премудрыми кличут. Особая миссия у них по жизни, но как в нашем небольшом княжестве «особая» могла народиться? Да и зачем тебе это? Все знают: нормальная женщина счастлива от того, что муж её обеспечивает, защищает, заботится. Она в полном довольстве живет,

а когда муж после дел домой возвращается, она его у порога встречает, привечает, что у него за день произошло, расспрашивает, если устал – промолчит, когда не надо – не трогает, а хочет поговорить – так выслушает. Он её, внимательную, подарками одаривает, платья новые покупает, колечки разные. Для обычных в нашем мире обычная судьба. Только нерадивая жена мужа поучает и перечит. Ты такую хочешь вырастить?» «Да не хочу я, чтобы она поучала кого-то, хочу, чтобы себя нашла, что ли. Может, я и не против, чтобы её Премудрой называли». «Так это ты, что ли, ей эти мысли глупые в голову вложил, чтобы училась она разному и думу думала, титул Премудрой ей примеряешь? А знаешь, говорят, чтобы премудрой стать, надо три пары железных башмаков истоптать, три чугунных посоха изломать и истереть в дороге, три каменных просвиры, три каменных хлеба изгладить. Ты такую судьбу дочери хочешь?» «А легче никак нельзя?» «Не чуди, выдавай девку замуж, пусть муж в её необычности разбирается. Внушки родятся – может, они тоже способными окажутся. Мужикам-то легче себя показать в этом мире. Ты еще про любовь с ней поговори, она тебе девичьи мечты про неё, неземную, наговорит. Мой тебе совет, послушай меня – вон хоть за сына моего замуж отдай, чем не жених? Что толстоват, так зато хозяйственный. Всё в дом, всё в дом. Пойдём-ка в столовую, за стаканчиком вина это обсудим».

– Вот такой, Лотта, я разговор услышала, – продолжила Василиса. – И поняла я, что дома мне оставаться нельзя, уго-

воят батюшку. Он и любит меня, и судьбы мне, как другим девушкам, не хочет, только не знает, как это осуществить. Значит, ещё пара-тройка таких разговоров, как сегодняшней, и быть мне замужем если не за Ванькой, то за Петькой из соседнего княжества. А замуж я не хотела, и сильно, не готова была ни мужу в постели угождать, ни хозяйством управлять. Стихи писать хотелось, песни петь хотелось, мир повидать хотелось, а себя показать – не хотелось. Поэтому отрезала я косу свою пушистую, нашла сапоги пусть и не железные, но удобные, одежду мужскую, шляпу широкополую, чтобы лица не видно было, взяла денег, увела коня надежного и поехала с миром знакомиться. Вот так десять лет я с ним и знакомилась, а он со мной. Как-то так.

– Как же ты десять лет бродила по свету?

– Так и бродила. Наверно, если бы сапоги железные одела, так точно три пары бы износила, да хлебы каменные бы изгрызла. Ты вот путница, а я странница – по странам, по городам ездила. И носило меня, как осенний листок, и не могла остановиться, искала своего.

– Чего своего? – спросила я, абсолютно ошарашенная услышанным.

– Своего – того, что мне уготовано. Истинное. Свое. Нашла, но не сразу.

– Расскажи. Просто с трудом верится: как ты десять лет скитаний могла выдержать?

– Говорю – любознательность, энергия, ну и, конечно, ве-

зенье.

– Ну расскажи, пожалуйста, где ты была, что видела?

– Да долгий разговор.

– А что, мы разве куда-то торопимся? Ну, пожалуйста. Ты вон какая умная, а я девушка простая, привыкла по лесам да по полям ходить, а про города мало чего знаю и в людях не сильно разбираюсь.

– В городе можно быстрее, чем в лесу, заблудиться. Это точно. Вспоминать многое не хочется.

– Ну, расскажи. Кто меня ещё поучит жизни, как не Василиса Премудрая?

– Хоть ты не обзывайся, зови просто Василисой или лучше Васей, привыкла уже. Эпитет этот для гостей незваных или титулованных, а ты званая. Ладно, расскажу. Может, и не всё приятно вспоминать, но постараюсь.

Мы устроились в беседке. Туда принесли напитки, вина, кушанья разные, и мы досиделись до самого ужина.

– Первые несколько лет я всё по мудрым старцам ездила, школы мудрости различные посещала, в общинах типа «школа познания жизни», «познай себя» или «научись быть счастливой» проживала. Интересно, познавательно. Много жуликов при мудрости ходят, однако и хороших, действительно умных людей встречала. Было чему поучиться. В результате обучения усвоила: чем больше человек получает знаний о мире в целом, чем больше узнает о себе и ближних своих, чем больше понимает свое и чужое несовершен-

ство – тем больше расстраивается по этому поводу. Верно изречение: «во многой мудрости много печали; и кто умножает познания, умножает скорбь». Потом встретила по дороге в очередную школу весёлого парня, и он спросил меня: «Ты вот всё учишься жизни, а жить пробовала?» Хороший был вопрос. Задумалась я. А ещё вспомнила одно изречение: «Будьте как дети, живите и радуйтесь». Подумала: чего теряю? Надо попробовать. По дороге встретила бродячую труппу, взяли меня. Пела я хорошо, пьесы быстро выучивала, играла в спектаклях неплохо. Даже поклонники моего таланта появились. В переездах сама несколько пьес написала. Их теперь во многих театрах играют, может, слышала: «Укрощение строптивого», «Леди весна» и ещё некоторые. Нравилось мне играть. Не только в театре поиграла, но и в светской жизни отметилась, в нескольких королевствах как титулованная графиня побывала. Карты, гадания, предсказания – самое смешное, верили и деньги хорошие платили. Хорошо одетой я эффектно смотрелась. Поклонники богатые имелись. Только не хотела я с ними дело иметь. Потом, чтобы мир повидать, на корабль устроилась штурманом. Мужиком переделалась, а когда в море вышли, выяснилось, что не мужик я вовсе. Вот была паника: женщина на корабле – к несчастью. Я навигацию до этого выучила, по звёздам прекрасно ориентировалась. Попсиховали мои морячки, а деваться им было некуда, куда без штурмана? Работала я неплохо, корабль наш с курса не сбивался и на рифы не наты-

кался. Приняли со временем меня за своего, дразнили Васью Мудрым и своим парнем называли. К мату матросскому привыкнуть пришлось. А народ они хороший: простой, незатейливый, с ними главное было – сразу себя поставить как надо. Со временем гордиться мной стали. Где это видано: баба – штурман-навигатор? Плавали мы долго, аж до страны восходящего солнца добрались и обратно вернулись. После этого ещё полгода ходила, широко расставив ноги. Расставались когда – мужики плакали. В трактире, конечно, и после изрядной выпивки, но прощаться со мной им было жалко. А я дальше по жизни поплыла. В путешествие в тропики африканские отправилась. И пустыню преодолела, и саванну прошла. Животных различных видела, на антилоп охотилась, от львов защищалась. Интересные приключения. И лечить, и убивать приходилось. Не все из той экспедиции вернулись. Я вернулась. Ты знаешь, вроде десять лет скитаний и немного, но почему-то захотелось опять вопросами мироздания заняться. После жизненной практики опять теории захотелось. Вот тут я про Кощея-то и вспомнила. Поговаривали, что он не только над золотом чахнет, но и над книгами тоже, что библиотека у него самая большая из известных. Что знает он то, что другие не ведают. Ну и сообщили, конечно, джентльменский набор про его личную жизнь и питье крови младенцев. Так меня в это время ничем таким удивить невозможно было. Решила – сделала.

Добралась до замка и попросилась в ученики. Удивился

Кощей очень, но не выгонять же барышню на улицу? Хотя вид у меня ещё тот был. Худая, на лице одни глаза, что были велики ещё и от страха. Нелегко было сначала, но об этом завтра. Ты чего своих принцев забросила, Лотта? Они вполне неплохие ребята. Вот завтра мне и расскажешь, чего смущаешься, когда об этом спрашиваю.

На ярмарке

И завтра, и послезавтра я оттягивала разговор про принцев, а Василиса – про то, как складывались их отношения с Кощеем, поэтому мы продолжали разговаривать про её путешествия. Я спрашивала про города и страны, всё это было удивительно и ново, и слушать об этом можно было бесконечно. С принцами и Кощеем мы пересекались только за столом, они были увлечены своими мужскими разговорами, и отсутствие их внимания не придавало мне уверенности в себе. Для Премудрой это было очевидно – поэтому, наверное, сегодня она предложила съездить в ближайший городок на ярмарку – на людей посмотреть. Я не возражала.

– Когда выезжаем? – обрадовалась моему согласию Василиса.

– Да хоть сейчас, мне долго собираться не надо, коня оседлаю, денег возьму – и в дорогу. А это далеко?

– Муж может порталом перекинуть. А можем и на конях проехать, полдня дороги. Вечером по городу побродим,

представления посмотрим. Заночуем на постоялом дворе, утром до обеда на ярмарке скупимся и вернемся. Так тебя больше устраивает? Пойду, мужу скажу, что уедем.

Кощей не возражал и даже обрадовался, что у жены появилась компания, и она может развеяться. После недолгих сборов мы выехали. В замке было уютно и зелено, но мне не хватало простора. От ощущения дороги у меня как будто крылья выросли и, подставив лицо ветру, я заулыбалась.

– Да, такую девушку под замком не удержишь, даже если семейными цепями приковать. И как ты себе представляешь, что дальше делать будешь? Планов громадье у тебя не наблюдается.

– Если бы я знала. Ты вот скажи, что может в жизни девушка делать, чтобы и себя не потерять, и от одиночества не страдать?

– По вопросам одиночества – это с Кощеем разговаривай, а я тебе одно скажу: вопросы нужно задавать себе и самой на них отвечать. Чужие ответы для чужой жизни хороши, твою за тебя никто не проживет. Я могу тебе несколько наводящих вопросов задать – может, тебе легче будет разобраться. Потом сама себе задавать будешь, только надо научиться честно на них отвечать, а это труднее всего. Начнем сначала. Что доставляет тебе удовольствие?

– Нравится смена мест, люблю бродить по лесу, чувствовать, как он растет. По степи ехать тоже нравится, особенно весной, но лес лучше. Хочется видеть новое, наблюдать, как

живут звери, птицы, как растут цветы. Ещё интересно слушать рассказы людей, про разные страны, их природу. Тебя интересно было слушать – про саванны, тропики.

– А про города, про людей интересно?

– Умная ты, Вася, догадливая – про людей мне слушать сложно, не понимаю и боюсь я их. Ты ведь знаешь, я и путь-то так прокладывала, чтобы меньше с людьми пересекаться. Хотя, когда мы на зимовке на постоялом дворе жили, я с постояльцами с удовольствием общалась. Так там люди в беде были, я им помочь хотела, поэтому не боялась.

– То есть тех, которые в беде, ты не боишься, а которые нет – те страшные? Так, что ли?

– Нет, ты все упрощаешь. Скорее, мне легче общаться с людьми, которым нужна моя помощь.

– А в чем твоя помощь состояла?

– Отвести к Дереву Мироздания, вернее, найти дорогу к нему. Стеше помогала немного наладить отношения с Бориславом.

– А в чем ты принцам помогаешь?

– Я дорогу им показываю, сама знаешь. Сначала из леса, потом к Марье Искуснице, затем к приюту, потом к Горынычу, сейчас к вам привела.

– Вот видишь, как интересно получается. Ты всем дорогу помогаешь найти к чему-то, что в пространстве находится, а некоторым даже друг к другу. Это не просто так происходит. А ещё скажи: тебе самой без цели бродить нравится?

Я задумалась. Мне нравилось бродить по лесу, я всегда находила новое в нем, как Мавка, но жить, как она, ехать куда-то без цели, одна? Не знаю, захочу ли. Быть бродяжкой, как Бадзула? Тоже не хотела.

– Изменю вопрос, – опять заговорила Василиса. – Вот вернутся принцы домой, без них ты в дорогу без надобности отпавишься или в лесу сидеть будешь?

Вопрос был сложный. Что я буду делать и смогу ли нормально жить без принцев? Я с некоторых пор стала часто задавать его себе. Пока выходило – плохо будет мне жить без них, о чём и сказала Василисе.

– Они тебе нравятся, скажи? Оба сразу?

– Да вот так, оба сразу. Не могу и не хочу решать, кто лучше, а кто хуже. Карен добрый, умный, заботливый, а Михел весёлый, беззаботный. Хорошо с обоими. Не знаю, кто больше нравится.

– С этим тебе, извини, точно самой придется разбираться, – заулыбалась девушка. – Тут тебе никто не советчик. А вот во дворце жить с ними ты бы смогла?

– Нет, – я яростно замотала головой, – даже не думаю об этом, что я там забыла? Во дворце не смогу жить.

– И ты понимаешь, что они с тобой вечно по дорогам скитаться не будут.

– Так, – сказала я, и слёзы начали сначала застилать глаза, а потом тонкими струйками потекли по щекам.

– Вот этого не надо. Мы не договаривались, что ты реветь

будешь. Ты думаешь, ситуация безысходная и, как ни крути, тебе с принцами не быть?

– Да, и мне плохо от этого, а придумать ничего невозможно, – ещё сильнее захлюпала я носом.

– Лотта, тебе еще семнадцати нет, ты и других принцев встретишь. И если подумать: что плохого, если во дворце жить будешь?

– Да кто меня туда возьмет? И не нужна я им, ты же видишь, какая я страшная?

– Положим, то, что я вижу, я тебе не скажу, а утешу тем, что всё течет, всё изменяется – это раз, а второе – видела бы ты, какие страшненькие особи женского пола удивительными красавцами крутят. Как себя ощущаешь, так и к тебе относиться будут. Может, не сразу у тебя получится себя красавицей считать, но этому научиться надо. В каждой живёт удивительная красавица, только почувствуй её. Вот скажи: что ты, когда забываешь себя поругать, внутри себя чувствуешь? Только честно.

Всё-таки, какая Василиса необычная. Как она так все выкрутила, что заставила меня вывернуться наизнанку и посмотреть на себя и изнутри, и снаружи другими глазами.

– А ты смеяться не будешь? Может, это мечты всякие – глупые, несбыточные. Только чувствую я себя иногда, когда засыпаю, точнее, когда в полудреме нахожусь, необычной и красивой девушкой, которая знает, что у неё крылья должны появиться. А ещё что летать будет – сама летать, и полёт

для неё такой же реальный, как виденье дороги. И ещё, что сейчас она как в темнице своей личины некрасивой, но это кончится. Что предназначение у неё есть в жизни важное, и оно скоро откроется. Нелегкое оно – и страшно, тревожно ей от этого. Вот такое чувствую иногда. Глупая я, да?

Василиса посмотрела на меня очень серьезно и сказала:

– Хорошо, что чувствуешь. И другим это видится, не все понимают, но чувствуют эту необычность. Доверяй себе больше. Тогда скоро полетишь.

– Вася, а может, мне с Ветром Удачи летать? Он не будет возражать, сам предлагал.

– Когда предлагал?

– Когда познакомились.

– А потом что произошло?

– Сначала он за мной явно начал ухаживать, а потом как отрезало, всё в дружбу перевел. А я сильно не возражала. Правда, поначалу немного обидно было, что ничего не произошло романтического, а хотелось. А потом поняла, что так, в смысле только дружеские отношения, для меня лучше.

– Может, он узнал что-то, что помешало ему развивать отношения с тобой?

– Может, и узнал. Огорчённый был точно и как будто боялся ко мне прикоснуться, да я и сама расстроенная была, размечталась тогда о нежных чувствах.

– Вот видишь, его что-то удерживает от развития дальнейших отношений с тобой. Подумай: легко ли ему будет с

тобой каждый день летать, если вы просто друзьями остаетесь? Редко мужчины просто так готовы долго общаться с девушками, ничего не желая взамен. Не верю я в искреннюю дружбу между мужчинами и женщинами. Среди подростков она ещё может быть – так, в снежки поиграть, в чужой сад залезть, о жизни поговорить. А во взрослой жизни – не верю. Часто у такой дружбы имеются скрытые причины – один любит, а другой нет, или у каждого в душе какая-то любовь неразделенная, и они дружат, чтобы ситуацию эту легче пережить. Но такая дружба некрепкая – или усталость придёт от невзаимной любви, или другая любовь возникнет. Бывает, конечно, хэппи-энд – понимают люди, что созданы друг для друга. Но это не похоже на ваш случай. Тут скорее всего кто-то страдать будет. Есть один стабильный вариант дружбы – это общая работа, идея, что объединяет. Как у нас в экспедиции было – поддерживали друг друга, вытаскивали из трудных ситуаций. Так я там и женщиной себя не чувствовала – так, соратник по трудному пути, который в одиночку не пройти. Но, как понимаю, с Лаки тебе просто полетать хочется, мир поглядеть. Надолго вас хватит? Подумай.

Я вздохнула и произнесла:

– Ты и эту мечту, Василиса, развеяла. И что делать?

– Прекратить прятаться от людей. Себя бояться и жалеть перестать. «Ах, я такая рыжая, некрасивая, в лесу росла, люди увидят – засмеют». У каждого свой страх есть, попытайся преодолеть его. Вот приедем на ярмарку, посмотрим на лю-

дей, может, маскарад будет – потанцуем. И еще – никто не знает наперед, как жизнь сложится, но в любом случае тебе надо учиться. Вот мы с Кощеем подумываем открыть университет, где и женщины учиться смогут. Я учиться всегда любила, а теперь преподавать попробую.

Мы подъехали к городу, который был празднично украшен. Играла музыка, люди смеялись и пели. А что, интересно – никогда не была на ярмарке.

– Сначала поселимся, перекусим, а потом переоденемся и пойдем гулять, – сказала Василиса и потащила меня на постоянный двор. – Снимай свою униформу для верховой езды, у меня платья припасены, ты когда платье-то надевала?

Премудрая выдала мне простенькое, но симпатичное платьице и такое же скромное достала себе.

– Зачем выделяться? Мы веселиться пришли, а не себя показывать. Я узнала, вечером будет маскарад, поэтому маски, что я захватила, пригодятся.

– А тебя что, тут знают?

– Некоторые видели, приезжала по делам. Думаю, не узнают, но рисковать не хочется, – оправдывалась Василиса. – Я люблю побродить в толпе, спеть, потанцевать, а муж не любит больших скоплений народа, но не возражает, когда я так расслабляюсь.

Мы выскочили на улицу, заполненную людьми. Рядом с подругой, в длинном платье и маске, я чувствовала себя спокойной. Люди шли к небольшой площади, на которой про-

исходило основное действо. На небольшой сцене играли какую-то пьесу, героиню спасали от дракона, публика веселилась. Мы тоже поддались этому захватившему всех веселью. Как это замечательно, когда становишься единым целым с толпой и ни о чем не думаешь, когда смешно просто потому, что люди вокруг радуются и смеются глупым шуткам, когда ты такой же, как все, и это не вызывает огорчения, а на время уносит все проблемы и нерешенные вопросы. В одном конце площади выступали заклинатели огня, в другом кувыркался медведь, а собачка носила шляпу для сбора денег. Спрашивается, чего я боялась? В праздничной толпе так же, как в лесу: ты предоставлен сам себе, никто не обращает на тебя внимания. Хочешь смеяться – смейся, хочешь плакать – плачь, никто не заметит. Потом на сцене начали петь, и даже я знала некоторые песни. Мы с Василисой подпевали, у неё был великолепный голос. Мы ели какие-то простые сладости, грызли моченые яблоки и пили квас. Это неистовое веселье продолжалось до темноты, мы вернулись на наш постоянный двор, когда ноги нас почти не держали. Так как возбуждение и веселье в нас ещё било ключом и спать в таком состоянии совершенно не хотелось, мы решили слегка перекусить перед сном. Народа в зале было много, но нам все-таки достался отдельный столик. Мы заказали немного вина и легкой закуски и стали слушать менестреля, который терзал струны своего инструмента на маленькой сцене. Зал подпевал, мы тоже. Потом стали приглашать желающих вы-

ступить, многие пели, и я подтолкнула Василису:

– Пойди спой, ты чудесно поёшь, и всё равно ты в маске, никто не узнает. Я бы и сама спела, да песен знаю не много, и они не совсем праздничные, так, для себя напевать. А ты рассказывала, что пела раньше на сцене.

– А что, и правда, – согласилась моя спутница, – и спою, давно не чувствовала себя артисткой. Люблю ощущение, когда зал, пусть небольшой, но твой, слушает тебя. Давно этого чувства не испытывала.

Когда Василиса запела, зал затих в немом удивлении. Ее голос звучал удивительно сильно и чисто, звуки песни обволакивали тело, затрагивали что-то внутри, вынимали это что-то, очищали и делали тебя сопричастным к самому лучшему, что есть в мире. Хоть песня была совсем не грустная, я заплакала – просто от этого невероятного таланта. Публика не успокаивалась, не отпускала певицу, и ей пришлось спеть несколько песен, прежде чем вернуться ко мне. Раскрасневшаяся, довольная, даже в маске было видно, что она красавица. Мужчины провожали её восхищенными взглядами, но что-то в её осанке и походке удерживало присутствующих от комментариев. «Королева», – звучало у меня в голове. Василиса села, всё ещё переживая свое выступление и мечтательно глядя куда-то в пространство.

Не прошло и пяти минут, как возле нас возник молодой мужчина – думаю, чуть больше тридцати лет, хорошо сложенный, подтянутый, воин или человек, который постоянно

тренирует своё тело, русоволосый и тоже в маске.

– Сударыни, извините меня за дерзость, но мне очень нужно поговорить и выяснить один чрезвычайно важный вопрос, который мучает меня много веков.

– На многовекового старца вы что-то не похожи, – довольно дерзко ответила я и глянула на Василису.

Лицо её побледнело и скулы, которые не были покрыты маской, стали белее снега. Рука безжизненно упала на колени.

– Что такое, Василиса? Что происходит, тебе плохо? Мы можем подняться в комнаты, я расплачусь.

– Я всё-таки тебя нашел, это ты, не отпирайся, – сказал незнакомец и нахально уселся за свободный стул. – Столько лет, другой мир, другое лицо, другое имя – но голос твой и притяжение, что я чувствовал, когда ты только появлялась в радиусе километра от меня, никуда не делось. Правда, Клео?

– Значит, нашел, – прозвучал бесчувственный голос девушки. – Почему всё так, почему?

– Я сам бы хотел знать. Я искал тебя во всех своих перерождениях в нашем мире, я был уверен, что твоя душа не пропадет втуне, она обязательно будет воплощена, хотя бы ещё раз. Слишком яркая, слишком невероятная и слишком трагическая, чтобы не попробовать прожить ещё одну жизнь. И вот я тебя нашел. Нам надо поговорить, – сказал парень.

Затем он обратился ко мне:

– Вы не могли бы оставить нас одних? Я не обижу вашу подругу, мы старые знакомые, она знает.

– Нет, Лотта, – Василиса схватила меня за руку, – я прошу тебя остаться. Я могу наделать много глупостей, с тобой мне будет легче. Пожалуйста, не уходи.

– Да я и не собиралась тебя оставлять одну с неизвестным мужчиной.

– Я совсем не неизвестный, правда. Сейчас меня зовут просто Марк, а Клео знала меня как Марк Антоний.

Василиса сидела бледная и подавленная, и мне это всё совсем не нравилось. Почему она молчит? Почему этот парень называет её другим именем, почему ведёт себя так, как будто имеет на неё какие-то права?

– Как ты меня нашел? Это невозможно, – прошептала Василиса.

– Для нас нет ничего невозможного. Мы ведь любим друг друга, правда? Такая любовь не умирает. Мы сделали много глупостей, просто судьба была против нас тогда, но сейчас? Сейчас всё можно изменить – другой мир, мы другие – не такие жестокие, не такие жадные. Что нам может быть нужно, кроме любви? Нас тогда погубила власть, нас и наших детей. Но сейчас все по-другому.

– Вот именно, Антоний, мы другие. Всё, оказывается, меняется, кроме любви. Но зачем же так? Почему так больно? И опять выбор, опять боль.

Глаза её были сухие, но отчаяние на грани обморока от-

ражалось в них. Она сняла маску, опустила голову на руки и отчаянно сказала:

– Почему выбор, за что это проклятье? Я любила и его, и тебя, и сейчас люблю. Но тогда он ушёл, а ты появился, а сейчас почему всё сразу?

Теперь побледнел и покрылся испариной лоб Марка.

– Гай жив, и он здесь?

– Да, он мой муж, и я сделаю всё, чтобы его не убили опять, – резко ответила Василиса.

– Это невозможно, за что? – и Марк или Антоний, или Марк Антоний тоже уронил голову.

Пожалуй, слова «невозможно» и «за что» составляло суть этой интригующей беседы. Я путалась в догадках, и боль, которая исходила от этих двух людей, была настолько сильной, что мне хотелось закрыть глаза и уши и убежать подальше от этого места. Но их отчаяние просто прижало меня к стулу.

– Клео, ты для меня только Клео, хотя эта девушка называет тебя Василисой. Я не знаю, как я появился в этом мире. Он совсем другой, и я тоже в нем другой, мне не нужно завоёвывать страны, мне хватает своего королевства – кстати, оно опять в Италии, и новый Рим стоит на старом месте. Совсем другой город, но холмы те же. Люди растят виноград, возделывают землю, но нет рабов и наёмников. Нет понятия великая империя, великий Рим, просто город – хороший, уютный, я рос в нем и был просто Марк, потом просто король Марк, ничего не помнящий и только с тоской в

сердце, как будто я что-то забыл, что-то важное, что хорошо знал, что составляло мою жизнь. Однажды я стоял на берегу моря. Солнце всходило, и в его лучах я увидел судно с вызолоченной кормой, пурпурными парусами и посеребренными веслами. На носу восседала самая прекрасная девушка в мире, которую я когда-то видел, на ней был наряд Афродиты, по обе стороны от неё стояли с опахалами мальчики амуры, а управляли кораблем служанки в одеяниях нимф. Видение длилось не больше десяти минут, но я всё вспомнил: кем я был, кого любил и кого потерял в том мире.

– Я была еще та стерва, – усмехнулась Василиса. – Когда вспоминаю её дела, кровь в жилах стынет. Как её можно было любить? Интриганка, авантюристка и бесстыдница.

– То был другой мир, в нем по-другому было нельзя. Ты была красавица и умница. Когда ты проходила мимо, все мужчины попадали под твоё обаяние, как и сейчас. И это никуда не делось, а пела ты сейчас, может, даже лучше, чем тогда. Но я сразу узнал тебя по голосу и походке. Только ты можешь идти как королева в затрапезном трактире.

– Я другая теперь, совсем другая. Когда я вспомнила свое прошлое, я ужаснулась: что общего у меня с ней? Всё ушло, кроме любви к тебе и Цезарю. Прости, всей моей настоящей премудрости не хватает, чтобы в этом разобраться. Гай тоже не знает. У него всё по-другому. Это наши с тобой души перерождаются в другие тела, с другими мыслями, а Гай, он просто воскрес. Ты знаешь, ведь он и был и есть Кощей Бес-

смертный из этого мира, его убили тогда чудом, но он воскрес здесь и ждал меня эти две тысячи лет. Просто ждал. А ты, как ты нашел меня?

– Когда увидел этот корабль-призрак, я понял, что это знак, что ты здесь, и если я не попытаюсь найти тебя, моя жизнь будет прожита зря. Я стал искать, стал спрашивать про необычных девушек, выдающихся красотой и умом одновременно. Понимал, конечно, что внешность может измениться, но ум, обаяние и скорей всего красота останутся. Год я собирал информацию, изучал ее, сортировал, выбрал всего десять возможных вариантов и стал искать. Шесть уже проверил, ты седьмая.

– А если бы я была старая, косая и хромая, что бы ты делал?

– Не знаю. Я был уверен, что ты молодая и надеялся, что красивая, но ты ещё лучше, чем я ожидал. Я даже вспомнил смешные стихи, что читал тебе на берегу:

Небо спорило с морем, кто глубже – оно или глаза – твои, Клео.

Ветер забросил облака – игрушки, чтобы локоны гладить – твои, Клео.

Солнце ласкало камни, чтобы они согревали пальцы – твои, Клео.

Луна нарядилась свидетельницей, чтобы ты стала – моей, Клео.

Теперь Василиса заплакала. Антоний прижимал её к себе

и гладил по голове и целовал волосы.

– Ну что ты плачешь, мы же встретились.

– Вот именно, – зарыдала Василиса и уткнулась ему в грудь.

Я сидела с открытым ртом, и мне было неудобно смотреть на этих двух отчаянно несчастных и счастливых одновременно людей, что встретились в этом не своём мире, в другом теле, с другими взглядами, только с одной и той же любовью, которая не ушла никуда, и которую они наверняка не смогут разделить.

«Может, и у меня была другая жизнь до этого, но я не хотела бы о ней знать», – подумала я.

– Пожалуй, пойду спать.

Сказала и быстро удалилась. Дольше не выдержу, сама разревусь.

Утром в нашей комнате Василису я не обнаружила. «Дела», – пронеслось в голове. Подумала то, что подумалось, и решила не рассуждать о ситуации. Сама потом расскажет, если захочет. Кто я, чтобы ее судить? Видела же, как ей плохо вчера было. От нечего делать пошла погулять по торговым рядам. Городок Запамянск на самом деле небольшой, как, в общем, большинство городков на нашей части материка. Оживление в них наступало, когда происходили ярмарки, в это время сюда стекались жители со всех окрестных сел и хуторов. Мне вдруг захотелось подобрать себе платье. Конечно, Василиса мне подарила симпатичное, но хотелось

выбрать самой, да и купить что-то другое, не такое затрапезное, в дорогу. После общения с Василисой возникло желание получше выглядеть, а начать это легче всего с одежды. Девушка я, в конце концов, или кто? Может, принцы внимание обратят. Вспомнила наш разговор про них с Василисой. Не хотелось ведь никому ничего рассказывать, а рассказала – и не заметила. Подумала тут же, что мои проблемы просто ерунда по сравнению с Василисиными. Как ей помочь? Буду ждать, придет – расскажет.

Пошла гулять по рядам. Купила шляпку, закрывающую половину лица, долго выбирала штаны и куртку в дорогу и, наконец, добралась до покупки платья. Продавщица смотрела на меня с некоторым сожалением, но девушка оказалась вполне милой и помогла в этом нелегком для меня занятии. Купила даже два платья, и это отвлекло меня на некоторое время от ожидания возвращения Василисы. Потом купила мягкие, удобные сапоги и с этими покупками направилась на постоялый двор в надежде встретить там свою спутницу. Она появилась где-то после обеда, с красными обкусанными губами, опухшими от слез глазами, в которых отражалась одно – растерянность. По всему было видно – наша мудрая Василиса не знает, что делать. Я молчала, хотя сочувствие и незнание, как ей помочь, разрывали душу. Выговориться бы ей надо, может, легче станет. Подошла к ней.

– Вась, давай поедem назад в замок, а по дороге поговорим, может, полегчает.

Василиса покачала головой.

– Я назад к Кощею не вернусь, – отчаянно произнесла она.

– Все равно, поехали отсюда. Давай остановимся возле того симпатичного прудика, мимо которого проезжали. На берегу посидим, в себя прийти попробуем. Поехали.

По тому, как обреченно девушка стала собираться, было видно, что она что-то задумала – что-то эдакое, неожиданное. Мы сели на коней, молча доехали до прудика и присели на бережок.

– Вась, пожалуйста, если сможешь, расскажи про Клеопатру – откуда она и что произошло. Мне и самой хочется понять. Не может быть, чтобы выхода не нашлось.

– Оптимистка ты молодая, Лотта. Нет выхода, во всяком случае, я его не вижу и не чувствую. Уезжать надо. Может, попытаться вернуться в тот мир, где существовала Клеопатра. Надо искать, как туда попасть.

– Ты что, подожди, вдруг всё не так плохо. Постарайся рассказать.

– Ты даже не представляешь, как всё плохо. Я предала, и, если будет возможность, опять предам Кощею. Он этого не заслуживает совсем, а я не смогу разорваться в выборе. Проклятье Клеопатры начало работать.

– Ну уж так и проклятье.

– Хуже, много хуже – проклятье и страсть вместе.

– Всё-таки попробуй рассказать про неё. Я хоть и не имею почти никакого жизненного опыта и вряд ли смогу посовет-

товать что-то путящее, но тебе может стать легче, если расскажешь.

– Рассказать? Ты не представляешь, сколько там грязи. Не хочу её показывать, чтобы ты не испачкалась.

– Вась, эта грязь касается той девушки, а ты – это ты.

– Не совсем, к сожалению, не совсем, кое-что осталось, и это будет отравлять жизни и Копиею, и Антонию, и мне. Мне надо уйти, но как – не знаю.

– Про уйти я поняла, но все-таки расскажи по порядку. Начни с того, чем она так плоха, и что осталось от неё у тебя.

– Попробую. Пока я не появилась у Кощея, я себе ощущала жительницей этого мира, которую звали от рождения Василисой, и которой позже к имени не понятно за что добавили эпитет Премудрая. Ещё в самом начале ученичества у Кощея я удивлялась, почему он как-то странно на меня смотрит и ведёт себя по отношению ко мне тоже странно: как будто высматривает во мне что-то. Списывала на его, скажем прямо, некоторое своеобразие. Однажды он заговорил про души. Что, мол, души человеческие после смерти могут присоединиться ко вновь рождённому человеку и даже человеку, уже имеющему свою душу. Не все, конечно, а души некоторых людей, чаще всего с удивительной судьбой, что осталась нереализованной. Или души, которые не выполнили своей миссии в своё время, или ещё из-за чего-то – не знаю. Этот человек не всегда вспоминает и понимает, кем он был в прошлой жизни. В основном это происходит в определённых,

часто чрезвычайных обстоятельствах или в результате осуществления некоторых техник, направленных на вспоминание. Кощей сказал, что, вероятно, у меня была яркая жизнь в прошлом, и предложил провести некоторое действие по вспоминанию этой прошлой жизни. Я сдуру согласилась. И, о ужас, – я выяснила, что раньше была Клеопатрой – царицей Египетской. Тебе это ни о чем не говорит, но, когда я начала вспоминать, что было в её жизни, я серьезно заболела, и было от чего. Я не представляла, какой ужасной была её жизнь, её время и она сама. Никакие сказки и страшилки не сравнятся с её судьбой – войны, убийства, постоянные интриги, ожидание, что тебя предадут, расчёты, с кем быть правильнее, и что делать, чтобы завоевать власть, удержать власть, возвратить власть. Всё вокруг власти, господства над людьми и страсть, страсть, которую она распространяла вокруг себя. Аромат её очарования! Он лишал мужчин разума, а она знала это и умела пользоваться.

– Что, и Кощей был в той твоей жизни?

– Да, наша планета тогда была безлюдна, и ему стало скучно. Он пробрался на Землю и стал Императором самой могучей империи того времени – Римской. Те времена отличались жестокостью, да и он был жесток, хотя старался как-то загладить это по возможности: вводил право, какие-то законы. Но всё равно кровь, война, война – и ему это нравилось. Пойми, Кощей не Леля, а родственник Чернобога, жестокость у него в крови. Это сейчас он осознанно старает-

ся контролировать себя, победить нетерпимость, агрессивность и многое другое. И у него это получается. Так вот, вернёмся к истории с Клеопатрой. Когда его земному телу было пятьдесят три, в его жизни появилась Клеопатра. Надо сказать, сообразительность у неё (или у меня) имелась в избытке. Чтобы попасть к Цезарю, она залезла в корзину для белья и уговорила раба отнести эту ношу в его покои. Эффектное явление в спальне красавицы, заявляющей, что она царица Египетская, удивило и заинтриговало императора. Клео была хороша собой, молода – ей было тогда двадцать два года, и удивительно обаятельна. Как она двигалась, как говорила, как пела! Хитрая, умная, страстная. Великий Цезарь влюбился, и могучий Кощей тоже.

– А Клео тоже его любила? – как зачарованная слушала я рассказ про чужую жизнь.

– Любила, он был очень умным и интересным человеком и великолепным любовником. Клеопатра ценила знания. Она была исключительно образованная для того времени женщина – знала около десяти языков, увлекалась философией, поэзией, магией. Прекрасно знала, как подстегнуть и усилить и свои, и чужие любовные желания – все-таки внучка куртизанки. В ней была гремучая смесь обаяния, беспринципности и желания властвовать.

– Все-таки ты не совсем отождествляешь её с собой, говоришь о ней отстранённо. То есть она – не ты.

– Конечно, я не она. Моё воспитание, мои принципы, мой

жизненный опыт – они никуда не делись. Но, к сожалению, и слишком на многое оказывает влияние душа Клеопатры. И есть то, что я не в силах изменить и забыть.

– Что ты имеешь в виду? Что между Вами общего?

– По-моему, это прежде всего воспоминания, но, как говорит Кошей, ещё и обаяние, любознательность, хороший голос, умение общаться с людьми и обобщать информацию, делать выводы. Но я не подлая, не такая жестокая, совершенно не властолюбивая, – как бы оправдываясь, добавила Василиса.

– Но это же хорошо – иметь то, о чём ты сказала. Что тебя так огорчает?

– Очень многое, слишком многое.

– Ну, объясни мне, я же вижу, что ты в отчаянии.

– Во-первых, наверное, память. Я помню весь кошмар её жизни, её поступков, её побед и просчётов, ее ухищрений и мерзостей, от которых меня тошнит. Я помню её отчаяние и страшный конец жизни и еще... – Василиса замолкла.

Я попыталась вернуть её назад к этому тяжелому разговору:

– А нельзя воспринимать это просто как то, что было в другой жизни и не с тобой, как будто ты прочитала это в книжке. Пусть ярко написано, но не про тебя.

– Ты права, Логга, маленькая, но умненькая девочка. Ты права. Конечно, можно постараться забыть, что отравила брата, что приказала казнить сестру. Не я, и хата не моя.

Можно, но очень трудно. Мой ум и опыт постоянно перекрывают воспоминания, но, к сожалению, не эмоции. Вот тут невероятная проблема. Когда Кощей увидел, что я всё вспомнила, он обрадовался. Даже с его умом он сразу не подумал, какой конфликт разбудил во мне. Он думал только о том, что я вспомню, что мы были вместе, и брошусь в его объятия. Так и случилось. Любовь и страсть – всё вспомнилось. Мы поженились. Кстати, и до ритуала воспоминания прошлой жизни мне уже очень нравился Кошей, да что там нравился – я была влюблена в него по уши, только и себе, и тем более ему боялась это показать. Я осознала, как трудно ему было все эти века. Он любит меня, хотя, скорее, Клео. Меня это мучает и сейчас: кто ему нужен – я или Клео? Сколько же силы и обаяния в этой женщине, что даже Кощей больше не мог по-настоящему никого полюбить, она стала его наваждением. Две тысячи лет, ну почти две тысячи без малого, он вспоминал её, придумывал и украшал её облик, сделал из неё нечто удивительное, неповторимое. Его богатая фантазия украсила образ и убрала лишнее, создала эдакое божество из обаяния и страсти, с которым он нянчился эти годы. Ум – он сказочник, он со временем стирает полутона и оставляет от прошлого или белое, или черное. Вот и Кощей оставил себе белую и пушистую Клео. Оставил придуманную Клео и ждет её продолжения во мне. А я не она, совсем. Да, много общего, но повторю – я не она, и ему это трудно осознать. Может, я утрирую, но картина в целом вер-

ная. Годы одиночества и замкнутый образ жизни всё равно не помогли ему во всем разобраться. Ты знаешь, у него появлялись женщины, но они были не Клео, он ждал и, наконец, дождался. Иногда мне кажется, что он жалеет, что я не Клео, иногда наоборот. А иногда мне самой невольно от мысли, что он ищет во мне черты другой женщины. Всё непросто, Лотта, я и она, мы и Кощей. Но я стараюсь, честное слово. Я разорвала круг его одиночества, помогала залечивать раны прожитых лет и неверие в счастье. Мы подумывали о наследнике, ведь Цезариона, сына от Клео, убили, а Кощей в это время с трудом восстанавливался после своей смерти и ничем не мог помочь. Теперь он спрятал свою смерть в более надёжном месте. Вместе мы начали думать об интересных делах, он постоянно консультирует правителей, пишет книги, он стал общаться с людьми, просто стал жить.

Тут Василиса опять как будто выпала из жизни и с тоской стала смотреть в степь.

– Вась, тебе так плохо из-за Антония?

– Да, из-за него.

Она помолчала и все-таки продолжила:

– Самая сильная эмоция, которая осталась во мне от Клеопатры – это страсть. Она и была самой сильной в Клео. Хотя, если подумать, то жажда власти тоже была очень сильна, но эта эмоция или стремление почему-то меня не волнует, может, ей это стремление к власти вложили с воспитанием, но любовь, способность любить – её не воспитаешь. Вот я её

и получила в полной мере. Любовь или страсть к Цезарю и Антонию. Сильную, потешающую мой разум, подчиняющую его, сводящую меня до какой-то портовой девки. Ненавижу это чувство.

– Вась, ты что, разве так можно говорить про любовь?

– Где любовь, а где страсть, Лотта? Как их разграничить, как? Скажу – никак. Теперь вот появился Антоний, и мне конец, я проклиная всё и вся, но ничего не могу сделать.

– А что у тебя было с Антонием раньше?

– Страсть, любовь, расчёт, животная привязанность – все. Первый раз они увиделись, когда Клео было четырнадцать. Высокий, красивый и могучий, как Геракл, он мелькнул тогда на горизонте Клеопатры и уехал в свой Рим. Он был правой рукой Цезаря, его другом. Я или Клеопатра – извини, тут мы с ней почти одно лицо – конечно, немного влюбилась в красавца, пострадала и продолжала жить дальше. Взрослела, хитрела, хищнела, становилась всё более жестокой, получила власть. Потом была удивительная любовь с Цезарем, было рождение Цезариона, а потом Гая убили, и она (или я) опять осталась одна. В том мире тогда, да и в этом сейчас, женщине одной практически невозможно чего-то добиться. Только с мужчиной или через мужчину. Тут на горизонте опять появляется Марк Антоний. Ему сорок, а мне уже двадцать восемь, и он при власти, не император, но власти очень много – больше, чем у него, только у Октавиана, которому Цезарь её завещал. Так вот, Клеопатра соблазняет Антония,

и тот влюбляется в неё без памяти. Помнишь, он вчера рассказывал про видение, которое помогло ему вспомнить, кто он был. Клеопатра тогда постаралась с этим кораблем, она большая артистка, и я, наверное, поэтому тоже люблю театр, все переплелось. Попытаюсь продолжить. У нас с ним разгорелась невероятная страсть. Мы не выходили из спальни неделями, только мы и больше никого. Восемнадцать месяцев постоянных пиров и гуляний. Мы жили друг другом, страстью. Какой был Антоний? Если Цезарь был образован и умён, то Антоний – немного недалек и простоват. Солдат до мозга костей, с солдатскими сальными шуточками, словами, а мне нравилось, я как будто сама поглупела, но не могла без него. Даже его женитьбу на Октавии простила, хотя было тяжело. У нас ведь тоже были дети – близнецы, мальчик и девочка, потом ещё один сын родился. Клеопатра в своей жизни родила четверых детей, и при этом даже перед смертью, когда ей было тридцать восемь, мужчины не могли отвести от неё взгляд. Как развивались отношения дальше? Десять лет вместе, а страсть не прошла, но вокруг опять война за власть, предательства, смерти, кровь. Риму не очень нравилась связь Антония с Клеопатрой. Значит, опять война. Везение покинуло нас к этому времени, и стало отчетливо ясно, что это конец. Мы решили покончить жизнь вместе, но я всё надеялась на чудо. В отчаянии, загнанный в угол, Антоний бросился на меч, но не умер сразу, помучился, он умер у меня на руках. Страшно подумать, сколько смертей на од-

ну женщину. И ради чего? Когда Октавиан окончательно победил, он хотел захватить Клеопатру и провести её в цепях по Риму. Она (или я) не могла этого допустить. Она тоже покончила с жизнью, выбрала смерть, но не позор – просто укус змеи. А вместо Клеопатры по Риму провезли её золотую статую. Детям, правда так в цепях и пришлось идти. Вот такая занимательная судьба, правда, Лотта? И всё это не закончилось.

– Вась, а что же теперь, чего хочет Антоний?

– Любви, Лотта. Любви.

– А ты?

– Хотела бы всё забыть или лучше не знать, но не могу.

Самое страшное, что не могу разорваться. Это тогда сначала был Цезарь, а после его смерти Антоний, а сейчас? Сейчас они для меня, Василисы, существуют в этом мире и одновременно. Оба видят и ищут во мне Клеопатру и хотят её любви. Ты думаешь, можно сделать выбор, предпочесть одного из них? У меня, увы, не получается. Вчера я изменила Цезарю, считай, предала, и как я теперь поеду к нему домой? Уехать с Антонием не могу: во-первых, мне дорог Кощей, а во-вторых, он могуч и убьёт Антония. Может, самой умереть, а, Лотта?

– Ты с ума сошла.

– И что посоветуешь? Хотя совершенно понятно, выхода нет. Можно уехать от обоих, но найдут, особенно быстро Кощей. Наверно, найдёт, даже если удастся попасть в другой

мир. Думаю, он не остановится. Хуже всего, что я не могу без них, так они мне дороги оба. Страшно подумать, что будет со мной, если Кощей узнает и убьёт Антония. Выхода нет, Лотта, нет выхода.

Василиса обхватила себя руками за плечи и замолчала, а я села рядом и стала смотреть на закат. Солнце – огромное, огненно-красное – садилось в такие же яркие облака. «Завтра будет ветер», – автоматически подумала я. В голове мысли носились туда-сюда, никак не желая упорядочиваться, и ни одна из них не несла какой-нибудь информации, которая могла бы помочь в этой ситуации. На том берегу пруда начала орать выпь. Её протяжное, гнусавое «кау» породило кучу неприятных ассоциаций. Микулишна говорила – люди верят, что эта птица связана с нечистью. Не знаю уж, связана ли с кем-либо эта не такая уж крупная птица, но она так зловеще ухает, что жуть берет. По жуткости восприятия, пожалуй, может поспорить с филином.

В воздухе появилась ночная свежесть, вокруг нас, противно попискивая, начали роиться комары. Степь наполнялась ночными звуками. Вдалеке пробежал табун тарпанов, тревожно пересвистывались сурки, невидимые грызуны и птицы сновали в траве. Жизнь шла своим чередом, а мы сидели и продолжали предаваться отчаянию и безнадее. Так жалко себя стало, жуть. Василису жалко, себя жалко, Кощей жалко, Антония жалко и даже принцев жалко. «А их-то за что?» – промелькнуло в голове. «Да за компанию, жалеть,

так всех», – подсказало подсознание. Вот подлое оно – нет, чтобы предаться жалости и реветь вместе с Василисой, так оно про еду думает, про то, как спать будем – в общем, уводит меня от нужных рассуждений. У меня всегда так: когда не могу что-то мудрое и нужное придумать, про всякую ерунду думать начинаю.

– Вась, может, поедем домой? – ещё раз попробовала я воззвать к голосу разума.

– Нет, ты можешь возвращаться, лошадь найдет дорогу. Ой, что это я говорю про дорогу путнице. Ты доберешься и скажешь всё Кощею. Скажи, что я просила меня пока не искать, а там видно будет. Сейчас посижу, подумаю, а утром, наверное, поеду, куда глаза глядят. Не могу я смотреть в глаза Кощею, а что делать – не знаю. Лотта, никогда не думала, что можно ненавидеть свою душу. Мой рациональный, нормальный мозг просто плавится от противоречия с частью меня, с той частью, что называется душой.

Она немного помолчала, а потом продолжила:

– Интересно, где располагается душа? И как она так может влиять на человека, что я, нормальная, здравомыслящая девушка, сгораю страстью по человеку, которого увидела вчера первый раз. Думаю о его руках, поцелуях, молодом и сильном теле. Эта страсть заставляет меня бросить мужа, который мне невероятно дорог, и бежать неизвестно куда, лишь бы не жить в этом диком противоречии. Лотта, а ты что думаешь об этом, а то я совсем запуталась?

– Ты знаешь, как-то странно происходят мои встречи в жизни. В «Приюте нужных путников» я видела человека, потерявшего душу, призрака с душой, но без тела, девушку с замороженным сердцем, а вот теперь ты – девушка, которая ненавидит свою душу. Видимо, осталось встретить человека, который ненавидит своё тело, но это, думаю, не такой сложный вариант. Я и сама хотела бы поменять свое тело – не то, чтобы я его не любила, но хотелось бы иметь более симпатичное.

– Ты отвлекаешься. Многим девушкам хотелось бы иметь другое тело – кому ноги не нравятся, кому вся фигура, а черты лица мечтают подправить почти все. А вот что с душой? Как научиться её любить или хотя бы жить в мире с собой?

– Знаешь, я вспомнила Клевенс. Она живет сейчас с человеком, которого любит за душу и ищет способы сформировать заново его ущербный сейчас разум. Она выращивает его как ребенка, а вот как воспитывать душу – вопрос. Может, удалить из неё часть, как удалили из ума его пороки? Вот удалим из твоей души страсть – и будет легче.

– Интересная мысль – кастрировать душу, – усмехнулась Василиса. – А что после этого от меня останется?

Она задумчиво смотрела на оставшийся краешек заходящего солнца, и было понятно, что эта мысль её заинтересовала.

Она тихо продолжила свои размышления:

– Интересно, будет ли любить эту кастрированную душу

и меня, бесстрастную, Кощей? Он же мужчина. Ему страсть подавай. А ведь это, наверное, буду не я, а кто-то совсем другой. Вот опять мысль у меня крутится – может, он и не меня любит, а образ Клео, который видит во мне? Поверь, это неприятно. Нет, не вернусь к нему.

Она немного помолчала и опять заговорила:

– А может, это и к лучшему будет. Лучше быть ущербной, но жить и не страдать. А, Лотта?

– Вась, а давай посоветуемся с Кощеем, он мудрый. Два мудрых человека – это что-то, вдруг придумаете что-то дельное.

– Лотта, ну как ты себе представляешь мой монолог при встрече с мужем? Мы приезжаем в замок, а я говорю: «Кощей, мы задержались, так как я тут намеренно встретила Антония, ну ты знаешь – это человек, с которым в прошлой жизни мы были любовниками, и я прожила с ним десять лет, стгорая страстью в его объятьях, и этой ночью Клеопатра во мне оказалась настолько сильна, что я тебе с ним изменила. Это не я, это Клеопатра во всем виновата. Не буду скрывать и оправдываться, но вы оба вызываете у меня бурю эмоций. Вот так. И прости, я не знаю, как жить дальше. Кош, миленький, найди способ разрешить эту ситуацию. А еще лучше – придумай, как забрать у меня из души эту подлую страсть к Антонию, а к себе оставь. Лотта, ты представляешь эту сцену? Я всё валю на Клеопатру, а сама остаюсь чистой и непорочной?

Василиса замолчала, и по её лицу можно было видеть, как она представляет эту картину.

– Что будет делать Кощей, я не могу просчитать, слишком он сложная личность. Он, конечно, мудрый, но мужчина, а они не прощают измены. А я сама? Как я буду себя в этой ситуации чувствовать? Нет, надо уезжать, и быстрее. Лотта, поезжай в замок сама, а я прямо сейчас поскачу на север, найду остров Буян. Туда трудно попасть, но я что-нибудь придумаю. Пересажу некоторое время там, подумаю, а потом видно будет. Все, Лотта, я решила – уезжаю прямо сейчас.

Но не успела она подняться с травы, как воздух сгустился, и Василиса оказалась в объятиях Кощея.

– Никуда ты, жена, не поедешь, – сказал он твердо. – Прости, но последние полчаса разговора я слышал. Вот такой я подлый и ужасный. Можешь меня стукнуть.

От неожиданности мы испуганно уставились на него. Лицо Кощея было озабоченным и хмурым.

– Извини, я не мог дожидаться вас в замке и понял, что что-то случилось. Стал волноваться. Почувствовал, где вы, открыл портал, но не смог сразу материализоваться. Услышав, что обсуждается в вашем разговоре, не стал сразу становиться видимым. Понял, что просто так от тебя правды добиться будет трудно, поэтому подло подслушивал. Прости, милая. Только не уезжай, да я и не отпущу тебя сейчас. Мы что-нибудь придумаем.

Василиса ойкнула и стала вырываться.

– Это подло – подслушивать. Мне и так тяжело, я не знаю, что делать.

Она вырывалась, как дикая кошка, и причитала:

– Кош, я не буду просить прощения, отпусти меня, я уеду и от тебя, и от Антония, найду проход в другой мир, а если нет – поселюсь в какой-нибудь глуши и не буду портить вам жизнь. Пусти меня.

– Не отпущу, – твердо сказал Кошей. – Ты моя жена и зовут тебя Василиса. А то, что к тебе прилепилась душа Клео, так это только в начале наших отношений имело существенное значение, а за несколько лет с тобой я понял..., – он помолчал, – многое понял и передумал. Об этом мы поговорим в замке. Я забираю вас, и это не обговаривается.

Кошей что-то ещё проговорил. Потом обвёл руками вокруг нас, и воздух стал густым и тягучим. Казалось, он течёт, как сметана, и препятствует перемещению, но вскорости мы оказались в замке, в кабинете Кошея. Он всё так же прижимал Василису к себе.

– Давай успокоимся и поговорим. Обещай, что сегодня не будешь делать глупостей. Мне надо подумать.

– Я не помешаю вашему разговору? Может, мне выйти? – я направилась было к дверям.

Но Василиса судорожно схватила меня за руку:

– Не уходи, побудь с нами, – еле слышно прошептала она и в тот же миг обвисла на руках Кошея.

Он бережно положил её на диван, подложил под голову

подушку, устроил поудобнее и только после этого посмотрел на меня.

– Не пугайся, Лотта, я просто усыпил её. Ей надо отдохнуть, а мне подумать. Не осуждай меня. Василиса слишком дорога для меня. Я был одинок долгие годы. Долгие годы одиночества, долгая школа изучения себя и борьбы с бесцельностью существования. Одиночество – прекрасная почва для идеализации того, кто поразил тебя, кого обожал. Время нашей памяти всегда настоящее, и я протащил образ Клеопатры через века. Да, очень давно я любил её... скорее был зависим от своей страсти. Обожал её – жестокую, как то время, но прекрасную и удивительную. Она была необыкновенной женщиной. Я ждал её реинкарнации и искал повсюду. И вот она пришла ко мне, сама пришла. Пришла в образе другой прекрасной девушки – Василисы. Да, с другим лицом, да, другая, но её энергетика, её душа, которую невозможно спутать ни с кем, возродили во мне жизнь. Я не мог сказать об этом Василисе сразу, хотя с первой же минуты хотелось схватить и заключить её в объятия, целовать и говорить всякие глупости. Но я боялся испугать её. Я решил, что, если она узнает, кем была в прошлой жизни, то вспомнит, и мы опять будем вместе, как в прошлые времена. Я научил её, как вспомнить прошлую жизнь. Какой же я был самонадеянный дурак! Я впустил в её сознание ад, в котором жила и поэтому была приспособлена Клеопатра, но совсем не могла принять Василиса. И я забыл, вернее, не учёл факт, что по-

сле смерти Цезаря она долго жила с Антонием. Но надеялся, что вероятность реинкарнации его в одно время с Василисой практически равна нулю. Самонадеянный болван.

Кощей запустил руки в волосы и опустил голову. Было видно, что случившееся ещё не совсем поддается его осознанию. Минут пять мы молчали. Я вообще боялась присесть, так и стояла возле стола. Передо мной в отчаянии сидел сам Кощей Бессмертный и не скрывал этого. Вернее, скорее не замечал меня. Однако в моей голове все время крутилась мысль, которая возникла ещё на берегу пруда – о возможности удаления части души. Кроме того, я сейчас вспомнила, что принц, в которого была немного влюблена моя подруга Русалочка, искал потерянную часть души. Значит, её как-то можно разделить. Я осторожно кашлянула, пытаюсь напомнить Кощею о своём присутствии.

– Вы извините, что я Вас отвлекаю. Может, это глупо звучит, но нельзя ли удалить из души Василисы эту страсть?

И я испуганно замолчала под взглядом, который бросил на меня Кощей.

– Я об этом и думаю, Лотта. Пока это единственный выход, который я вижу. Но тот, кто это способен сделать, может и не согласиться. А уж какие будут последствия – не могу пока просчитать.

– Так это всё-таки возможно? И что будет в результате? – выпалила на одном дыхании я.

– Думаю, возможно, а что будет..., – он помолчал. – Не

знаю, что будет. Просто я понял, что люблю сейчас не Клео, а Василису. Добрую, умную, уютную, которая делает меня во сто крат лучше, с которой мне хочется делать этот мир лучшим, а не завоёвывать его. А страсть... Если я потеряю Василису, мне уже точно ничего не будет нужно в этой жизни. Века одиночества, Лотта, века ожиданий и поисков, века злобы и отчаяния – и, наконец, она рядом, та, которая ... Лучше всех, моя, которую я люблю не только в постели, а её душа... – он снова помолчал, – с душой всё не так просто.

– Пожалуйста, расскажите мне, что с ними происходит? Мне нужно это знать, я так переживаю за Василису. Она... она такая хорошая.

– Ох, Лотта, неприятно говорить опять эти примитивные, ничего не значащие слова – все не так просто. Мне будет немного трудно объяснить тебе эту сложную, думаю, только Богу до конца понятную материю, но если в двух словах и на пальцах, то вокруг Земли существует невидимая нам энерго-информационная оболочка. Понимаю, для тебя это сложные понятия, но пока расшифровывать не буду, прими, как данность. В этом энерго-информационном бульоне постоянно происходят непонятные для нас процессы и возмущения. В некоторых местах информация и энергия сгущаются, и туда, возможно, Бог посылает искру и образуется то, что мы называем рождением новой души, у которой может быть своя миссия. Эти новые души вселяются в зародившийся эмбрион и развиваются вместе с сознанием ребенка. Если душа вы-

полнила свою миссию, то после смерти человека она растворяется в этом энерго-информационном поле, дополняя его. Но имеют место более сложные случаи. В этом поле отдельными вкраплениями или сгустками существуют души, уже прожившие жизнь, но по какой-то причине не растворившиеся в этом коллективном бессознательном поле, а сохранившие свою индивидуальность. Чаще всего это души, которые не смогли решить возникшую у них задачу – или задача была слишком сложной, или условия, в которых проходила жизнь, не позволили выполнить миссию до конца. Они существуют с желанием совершенствоваться и стремятся воплотиться ещё раз, а может, и больше, если будет нужно для решения проблемы. Они выбирают определённого ребенка, который им по каким-то параметрам – по заложенной в нём энергетике, способностям, положению и качествам родителей, месту или времени их нахождения на Земле – подходит для их целей, и присоединяются к нему. Причем эта неприкаянная душа может найти нового подходящего хозяина через многие годы и даже столетья и присоединиться как эмбриону, так и к уже вполне взрослому человеку, имеющему свою душу, и это может привести к внутреннему конфликту. Так произошло с Василисой. Душа Клео нашла Василису, когда она была уже взрослой девушкой, такой же сильной, талантливой, умной, как и Клеопатра, но не вероломной и властолюбивой. Думаю, и тело Василисы, невероятно красивое, и её темперамент тоже привлекли эту душу. Видимо, это про-

изошло перед её приездом ко мне – Василиса рассказывала, что желание учиться у меня возникло у неё довольно неожиданно. Вероятно, это в какой-то степени «подсказки» души Клеопатры, а я подтолкнул её к осознанию у неё наличия ещё одной души.

– Так что, у Василисы две души? Как такое возможно? – ахнула я. И где они находятся? – встряла я в ход объяснений Кощея и засмушалась. – Извините, что перебила.

– Да, у Василисы две души, и сейчас они конфликтуют. Двоедушие – возможное явление, ты же слово такое слышала? Хотя так говорят о не очень хорошем человеке. Кстати, вы рассказывали, что в Приюте нужных путников вы встретили Призрака, душу которого полюбила Клевенс. Вероятно, у того парня изначально перед лишением тела было две души, одна не сосем, скажем так, положительная. Она попала вместе с телом в другой мир, а там его покинула, а лучшая душа, та, за которую Клевенс и полюбила Призрака, осталась в нашем мире и потом её вернули в тело иначе я не могу объяснить, настолько сильные различия тела и души призрака. А где души находятся? Многие думают, что в голове, некоторые считают, что в сердце, некоторые даже в другие места её помещают, например, в пятки, – он улыбнулся. – На самом деле, душа находится вокруг головы, но она сильно привязана к телу. Опускается и ниже к плечам и сердцу, но основное её сосредоточение – пространство вокруг головы. Так вот, продолжаю свою мысль. Пока на горизонте не появил-

ся человек, к которому присоединилась душа Антония, и не нашёл Василису, души – первоначальная Василисы и душа Клео еще уживались вместе, хотя после того, как Василиса вспомнила прошлую жизнь Клеопатры, жене было очень тяжело. Это я виноват и не прощу себе никогда эту глупость. Но появление этого... – он с трудом выговорил имя Марка Антония, – дало толчок и возможность к доминированию души Клеопатры, для которой страсть к власти и особенно к физическим утехам была чуть ли не главенствующей.

Кощей помолчал, а потом продолжил:

– Вот смотри: в её изначальной душе не было страсти к власти, иначе бы душа Клео всеми способами, а способов у неё масса, исхитрилась бы через меня попытаться получить власть над этим миром. Даже боюсь подумать, что у неё могло бы получиться. Мужчины, когда любят, становятся слепыми и сильно глупеют, – наконец он улыбнулся.

– Так что же делать?

– Пусть она пока поспит, а я попытаюсь найти одну особу, которая сможет помочь удалить душу Клеопатры.

– Но это может нарушить ваши отношения?

– А как по-другому? Со временем конфликт душ будет только усугубляться. Многие симптомы шизофрении у людей – это конфликт двух душ, что прилепились к одному телу. Это я так, к слову. Да и Антоний никогда не откажется от Василисы, он слишком был привязан к ней и теперь будет, как хищник, подстергать её везде. Заточить я её не смогу,

да и не буду, а решение Василисы по этому вопросу ты уже слышала – бежать, бежать, как будто это решит ситуацию. Надо разрубить этот Гордеев узел. Если она меня любит, то всё постепенно вернётся на круги своя. Может, не сразу, но вернётся. Вот так всё непросто в жизни, Лотта. В играх судьбы иногда не помогают никакие мудрость и премудрость.

Он только сейчас заметил, что я стою.

– Извини, Лотта, погрузился в свои проблемы и о тебе забыл. Василиса проспит до утра, и ты отдохни. Я тебе очень благодарен за то, что тебе пришла в голову мысль об удалении страсти. Может и не получится, может, будет очень трудно, но я не могу потерять Василису. Для этого мне надо будет срочно найти Лилит.

Кошей резко поднялся, опять сделал какие-то пассы руками и пропал с того места, где стоял. Я, растерянная и впечатленная услышанным, вышла из кабинета и пошла в кухню, кушать сильно хотелось, сильнее, чем обычно. «От волнений, что ли, – мелькнуло в голове, – вот прожорливая». Только сейчас вспомнила про принцев. Где они и как? Совсем про них позабыла. Проходя по галерее, вдруг заметила две знакомые фигуры, которые тут же метнулись ко мне. Карен схватил меня и прижал к себе.

– Как хорошо, что ты нашлась, – одной рукой он прижимал меня к себе, а другой гладил по всклокоченным волосам, – мы так переживали. Кошей нервничал и сказал, что с вами что-то случилось, если бы всё было нормально, то вы

бы уже давно были дома. Мы не знали, что думать. И зачем только отпустили вас одних?

Я удивленно смотрела на Хи. Что это ещё за телячьи нежности? Никогда не видела его таким взволнованным, тем более из-за меня. Ха тоже стоял рядом и держал меня за руку, как будто боялся, что, если отпустит руку, я исчезну. Тёплая волна понимания, что они за меня переживали, прокатилась по всему телу и добежала до пяток. Я отстранилась, покраснела, хотя хотелось вот так и стоять, прижавшись, и чувствовать, что о тебе думают и волнуются, и твоя судьба не совсем безразлична этим парням.

– Ой, да Кощей привёз нас и улетел по делам, Василиса спит, а я вот есть хочу. Не составите мне компанию? Так много всего случилось, но пока рассказать вам не могу, не моя тайна. Думаю, вы всё скоро узнаете.

Но ни утром, ни вечером ничего не изменилось. Кощей не появлялся. Василиса спала уже вторые сутки, а я сидела возле неё и размышляла о превратностях судеб, душах и немножко о себе и принцах. Приятно было думать, что они волновались обо мне.

Лилит

К вечеру второго дня Василиса проснулась. Увидела, что находится в кабинете Кощей, и расплакалась. Я попросила служанку принести нам чего-нибудь поесть, но Василиса к

еде не притронулась, только выпила немного сока и опять легла, отвернувшись к стене. В комнате повисло тягостное молчание. Кошечка не было, а я не знала, что сказать. Открыла настежь окно и выглянула, нет ли кого во дворе. За спиной почувствовалось какое-то движение, и я резко обернулась. Посредине комнаты появилась женщина. Нет, не женщина – богиня. Остолбенело смотрела я на это чудо. За этот год я увидела много красивых женщин – и Василису, и Елену Прекрасную, и Марию Искусницу, не говоря уж о богинях Леле и Живе, но это было совершенство, не просто красота, а красота мира в одном создании. Золотисто-рыжие волосы волной ложились на плечи и ниспадали до поясицы. Сначала моё внимание приковали полные, невероятно чувственные губы, которые, наверное, мечтал бы поцеловать каждый мужчина. Потом я встретилась с ней глазами. Огромные, зеленые, они смотрели, поглощая тебя, вынимая душу, одновременно обещая рассказать все тайны мира и развеять все твои печали. Как такое может быть?

Женщина, на вид ей было около тридцати, подошла к креслу, спокойно опустилась, как будто всю жизнь сидела в нем, обвела нас ещё раз взглядом и проговорила:

– Василиса, успокойся, я послала Кошечку на поиски Марка Антония, а пока мы можем спокойно поговорить в приятной компании. Я знаю, кто вы. А меня не прошу любить и жаловать, так как я Лилит, первая жена Адама, стерва и дрянь. Надеюсь, слышали про таких. Кошечкой просил меня помочь

тебе, Василиса, и, какие бы слухи обо мне ни ходили, я сделаю это для него, слишком давно мы друг друга знаем.

Она взглянула на Василису и засмеялась:

– О, только не ревнуй, он не в моем вкусе, и с ним у меня точно ничего не было. А тебя он сильно любит, если решился найти меня и попросить помочь другой женщине. Немногие мужчины на это решаются.

В кабинет заглянула служанка. Лилит царственным жестом поманила её и попросила принести вино и фрукты.

– Давно я не общалась с людьми. Надоедают они мне иногда, вот и живу сейчас в своём замке с пятью собаками и тремя кошками – хорошо, спокойно. Но Кощей меня вытащил в этот мир, и, глядя на вас, мне даже пообщаться захотелось.

Служанка появилась с целым подносом всякой снеди и вином.

Мы перекусили, пригубили вина, напряжение первых минут знакомства немного спало, но мы по-прежнему смотрели на нашу гостью изумлёнными глазами. Очень о многом хотелось спросить, но я не знала, с чего начать, а Василиса после всего пережитого ещё явно была не способна вести светские беседы.

– Ладно, вижу, вам любопытно, кто я и почему Кощей обратился ко мне. Полного интервью, как говорят на Земле, не могу обещать, но кое-что о себе расскажу, давно никто не спрашивал, а придумывают разное. Так вот, на шестой день творения Бог создал нас с Адамом. Как написано в Библии:

«И сотворил Бог человека по образу Своему, по образу Божию сотворил его; мужчину и женщину, сотворил их. И благословил их Бог, и сказал Бог: плодитесь и размножайтесь, и наполняйте землю...». Мы неплохо ладили с Адамом, он был тогда умницей и лапочкой, но вскоре у него, и, не будем отрицать этого, у меня тоже, начало расти самомнение, развилась эта дурацкая соревновательность – кто главный, кто сверху в прямом и переносном смысле и т. д.? Я такое же творенье Божье и подчиняться ему не хотела, а он не мог или не хотел увидеть во мне ровню себе. И вот результат – я улетела, выпросив у Бога крылья, а Адам остался один. Возвращаться не захотела, тут и начали придумывать обо мне всякие гадости, вспоминать противно. А Адам поскулил и выпросил у Бога себе вторую жену. Бог усыпил Адама, взял его безмозглую кость, то есть ребро, и сотворил Еву – плоть от плоти, преданную мужу. Нас стало двое: я – Женщина, другая – жена. Я – Человек, Ева – рабыня и «безмозглая кость». Очень удачно сказано о ней в одном стихотворении:

Ева мыслила лениво,
Но умела терпеливо
Угождать ему, не покладая рук.
Рядом с ней, такой убогой,
Сам себе казался богом
Наш примерный, обожаемый супруг.
Зарафьян Анэс

А потом они отведали плод дерева добра и зла, чем сильно огорчили Бога. Их изгнали из рая, лишили бессмертия и части знаний, только 10% мозга теперь интенсивно работает, и то не у всех. А я осталась бессмертной, крылатой, умной и ... одинокой. И ещё беспринципной, злой, алчной, страстной. Мы оказались очень разными с Евой. Все, что так дорого и необходимо Еве – постоянство, стабильность, домашний уют, уверенность в завтрашнем дне – для меня ничего не значит. Я никогда не знаю, что мне захочется завтра, но если захочу, то пойду и сделаю это, невзирая ни на что. Возьму любого мужчину, – она глянула на Василису, – ладно, не любого, но почти любого, и воспользуюсь им как захочу, а он отдаст мне всё, будет таять и просить не оставлять его, бросая под ноги богатства и даже жизнь. С годами моя природа менялась, ничего неизменного в жизни нет, а тем более в такой длинной, как моя, и я стала, по сути, демоном – демоном страсти. Я даю, рождаю страсть, но я же могу её забрать.

Лилит внимательно следила, как мыотреагируем на её слова, но я чувствовала только огромное удивление от услышанного. А у Василисы, видимо, возникла масса вопросов, и она, что-то придумав, выпалила:

– А кто для Вас Клеопатра?

– Она моя правнучка. Её бабушка, моя дочь, была куртизанкой, и её страсть от меня передалась правнучке, как и множество других талантов. Мои дети обычно очень талант-

ливы, а женщины к тому же невероятно страстны и привлекательны. Все великие женщины мира Земли – мои ближайшие потомки. Да и здесь вы сталкивались с такими страстными натурами. Марья Искусница – моя дочь. Да, беспринципная, и живет, питаясь страстью, но ведь мужчины приходят к ней добровольно. Она поклялась мне никогда не покидать остров, и приход к ней мужчин – их выбор, как у наёмников, которые идут на войну – знают, что их могут убить, и всё-таки идут.

Василиса нахмурилась, но опять задала вопрос:

– И много у Вас детей?

– За время жизни сама родила, заметь, не в муках, как Ева, 586 детей, а соответственно существует множество их потомков. Но их не так много, как Евиных. Я и мои дети не так плодовиты, как Евины. Мои потомки – не все, конечно, гены отцов тоже, к сожалению, участвуют в развитии, и их пальцем не раздавишь – умны и активны в жизни. И клянусь: все гениальные люди – это мои ближайшие потомки. Умные и страстные мужчины, как Александр Македонский, Наполеон – моя гордость. А женщины – умные, страстные, властные – Царица Савская, Клеопатра, Роксалана, Екатерина Великая и другие – достойное моё продолжение. Бывает, конечно, рождаются очаровательные, страстные глупышки, как, например, Мэрилин Монро. Но к её ногам опускались президенты огромных стран – не власть ли это? Евины дети – посредственности и рожают посредственностей. И мне не

было бы до них никакого дела, если бы они не уничтожили всех моих зеленоглазых умниц и красавиц по всей Европе во времена инквизиции. Это они, видя своё ничтожество, распространили и перенесли пренебрежение на всех женщин, сделав их бесправными на многие века. Посредственности всегда агрессивны. Они не способны глубоко мыслить, анализировать, делать выводы, серьёзные обобщения. Они подобны свиньям, которые живут, уткнувшись рылом в землю, не способные увидеть небо. Всё вокруг они воспринимают поверхностно, они не способны найти связь в фактах, обобщить их. Иногда мне кажется, что они вообще не способны думать. Для них каждый случай – это только случай, как бы часто он ни повторялся. Но то, что не поддаётся их пониманию, противоречит их представлениям, подлежит очернению, а лучше уничтожению. Заметь, это не я сказала.

Лилит замолчала, и в её глазах стояла печаль.

Я глянула на Василису. Ей было очень интересно, она уже смотрела на Лилит не как на возможную спасительницу, а как на источник новых знаний. Воспользовавшись образовавшейся паузой, она вставила несколько фраз:

– Я не знаю, что делать с теми, которых много, которые не гении и не уроды, которые мечтают просто жить, просто дышать и просто любить. Но мне кажется, что их надо научить быть более терпимыми к другим, да и гениям терпимость бы не помешала. И ещё ведь и твои, и Евины потомки вступают в брак друг с другом, так что чистоты крови

не наблюдается. И кстати – ты, Лотта, не знаешь, но в первом мире развитие науки пошло очень далеко по сравнению с нами, и она дополнила сказанное Лилит. Как рассказывал мне Кощей, американские учёные из института популяционной генетики сделали новое открытие. Лотта, я тебе потом расскажу подробнее об этих терминах. Исследователи пытались выяснить, каким образом гены передаются по материнской линии от поколения к поколению. С помощью каких-то их компьютерных технологий учёные свели количество родовых линий всех женщин, живущих ныне, к двум материнским кланам, а не к одному, как считалось ранее. Таким образом удалось доказать, что у Адама было две жены – Лилит и Ева, и от них обеих происходит человечество. Хотя учёные других стран Первой Земли достаточно скептически относятся к открытию этих американцев. Но, Лилит, выходит, Вы все-таки имели детей от Адама?

– Ну да, имела, он при первой же возможности бежал изменять Еве со мной, ещё тот был праведник. Он, ради того, чтобы на мгновение ощутить на своих губах сладкий привкус потерянной им Вечности, был готов пойти на все мои прихоти, но такой он был мне не нужен – так, секс для здоровья. Но до сих пор во всех своих мужчинах я чувствую его гены, и мне грустно. Грустно ещё и от того, что чем больше в женщине моей сущности, тем больше она обречена это чувствовать.

После этих слов Лилит мотнула своей шикарной шевелю-

рой и, моментально преобразившись, сказала:

– Сейчас к нам гости пожалуют, я не привыкла раскисать, особенно перед мужчинами.

И действительно, в коридоре послышались поспешные шаги, и в дверь вошли четверо мужчин – Кощей с Марком Антонием и принцы.

– Все хороши, как на подбор, – хищно сказала Лилит, а глаза мужчин округлились от удивления.

Однако Кощей только кивнул Лилит благодарственно за то, что она приехала, и кинулся к Василисе. Я думала, что Марк Антоний тоже кинется к ней, вспомнила, как он смотрел на неё в городе тремя днями раньше. Но нет, он не отрывал глаз от Лилит.

– Этот уже мой, – кивнула она Василисе, – не переживай, тебя он больше не тронет, я с ним немного полюблюсь. Чудесный экземпляр мужчинки, – и она хищно облизнулась, подошла и провела по губам Марка пальцем.

На Марка было противно смотреть. Он весь подался вперёд, стараясь поймать губами её пальцы. «Да, этот, весь с потрохами, во власти Лилит, а ведь как недавно добивался Василису», – горько пронеслось в голове.

– Я уже забрала его страсть к Клео и к тебе, Василиса, соответственно, она была такая поверхностная, перепорхнула и не заметила. Забудь о нём, Василиса. Я побуду немного с ним, может, рожу от такого замечательного самчика себе девочку, а то уже давно никто меня не радовал. Собачки и

кошечки – это не дочечки. А с тобой мы поработаем чуть позже, не переживай.

Потом она обратила свой взгляд на принцев, и у меня все похолодело внутри: вдруг и они так на неё прореагируют? Захотелось закрыть их обоих собой от взгляда Лилит, но ноги как будто приросли к полу. Сначала она подошла к Карену и, казалось, заглянула ему в душу. Хи стоял как изваяние с совершенно окаменевшим лицом. «Что она с ними такое делает?» – пронеслось в голове.

– Этот не мой. А хорош, красавчик. Забирай, Лотта, не пожалеешь, не подведет, – и она быстро перешла к окаменевшей фигуре Ха и проделала ту же процедуру по заглядыванию в душу.

– Хороший котеночек, – промурчала она, – держится, сопротивляется, но тем интереснее с ним будет поиграть позже. Я ведь могу менять внешность, засыпаешь с желанной девушкой, а просыпаешься со мной. Мы ещё встретимся с тобой, кареглазенький, я тебя не забуду – и она фамильярно похлопала Ха по щеке, отчего меня начало разрывать от возмущения.

– Успокойся, Лотта, они пока не мои, да Карен и не будет, а то, что я делаю с ними сейчас, они не вспомнят. Возвращаю, крылатая подруга.

Махнула рукой, и на лицах принцев появились удивление и тревога.

– До завтра, Василиса, – Лилит схватила Марка за руку и

исчезла.

Кощей прижимал к себе плачущую Василису, целовал её макушку и приговаривал:

– Видишь, с Антонием ужу разобрались. Лилит странная и такая беспринципная, особенно с мужчинами, но тебе поможет, раз обещала. Если хочешь, я усыплю тебя снова, чтобы до завтра не мучилась.

Но Василиса замотала головой и ещё сильнее прижалась к Кощею.

Я схватила принцев за руки и потянула прочь из кабинета. Мы тут были явно лишними, к тому же очень хотелось отдохнуть и переварить услышанное. Утро прошло в томительном ожидании. Я прохаживалась вдоль кабинета Кощей, потом он пригласил меня посидеть с Василисой, пока сделает некоторые указания по делам. Она, несмотря на отрешенность от действительности, принялась рассказывать мне, что слышала от мужа о первой Земле, Библии, Адаме и Еве. Мне всё хотелось выяснить, почему у нас никто ничего об этом не знает, раз мы от них произошли, но не успела.

Лилит появилась ближе к середине дня, довольная, как кошка после миски сметаны, смешливо глянула на нас и сказала:

– Понравился, сумел удовлетворить, побуду на этой земле ещё немного. Люблю Италию. А сейчас попытаюсь договориться с душой правнучки. Василиса, ты подумала? Готова потерять эту душу? Она очень сильная и способна во мно-

гом быть полезной, научить на многое смотреть по-иному. Но тебе действительно без неё будет легче. К тому же то, что ты узнала от неё, уже не забудется, хотя со временем будешь вспоминать об этом как о прочитанной, но очень тяжелой книге. И как Кощей воспримет эту потерю?

Василиса внимательно слушала Лилит.

– Вы знаете, мы проговорили с Кощеем почти всю ночь и решили, что прошлое должно остаться в прошлом. Предоставим мертвецам самим хоронить своих мертвецов. Муж считает, что мы справимся, а я ему верю.

– Что ж, если Кощей уверен, что справитесь – значит, справитесь. Тебе очень повезло с мужем, да и ему с тобой. Я не ханжа и умею радоваться чужому счастью. Лотта, позови Кощея, а я пока поговорю с правнучкой. У меня для неё есть на примете одна беременная жена влиятельного американского сенатора, думаю, её эмбрион подойдет душе Клео. Жена – голливудская красавица, и он не дурак. Девочка с хорошим умственным потенциалом, а с такой душой она и президентом сможет стать, то-то правнучка порадуется. Эх, той души на вес меньше четырех граммов, а столько проблем!

Как проходило отделение души – не видела, меня не пустили. Василиса потом долго спала, и около недели они постоянно находились вдвоём с Кощеем, даже в столовую не приходили. Как сказал Кощей, период реабилитации оказался непростым. Но они справились. Когда бледная, но улыбающаяся Василиса появилась на людях, мы с принцами реши-

ли, что пора и честь знать, и надо уезжать, но хозяева попросили погостить нас хотя бы ещё пару недель, помочь Василисе привыкнуть к новому состоянию. Кощей же хотел продолжить занятия с принцами по вопросам управления. Я тоже училась и у Кощея, и у Василисы, узнавая новое и об этом мире, и об очень интересном для меня мире первой Земли. Мы пробыли в этом замечательном замке ещё около месяца, но принцы явно скучали по дому. Мне-то особенно некуда было спешить, хотя Микулишна и девочки, наверно, по мне тоже скучают. Так что однажды летним утром мы попрощались, оседлали своих коней и тронулись домой.

Часть четвертая.

Почти хеппи энд...

Бал

Мы вернулись домой в последнем месяце лета.

Король и королева были невероятно счастливы. Год они ждали своих детей. Год неизвестности, год печали, год тревог. Счастье, что они вернулись живыми, пусть глаза их по-другому смотрят на мир. Глаза их не изменили цвет, лица не стали хмурыми и нелюдимыми, просто король и королева поняли – выросли их дети. Сыновья стали взрослыми, в глазах пропал щенячий детский восторг от мысли, что жизнь прекрасна и удивительна, но появилось понимание,

что жизнь – сложная и простая, добрая и жестокая, весёлая и грустная, простая и сложная – просто жизнь, и в ней нужно научиться жить.

Вся дворцовая челядь, все придворные высыпали во двор и окружили принцев, а я тихонько выбралась из плотной толпы и направила своего коня в сторону леса. Что я тут забыла? Принцев? Уж я – то их буду помнить, а вот они? Кто я, и кто они? Уходить надо вовремя и незаметно.

Я уехала опять к Микулишне. Как она была рада, ведь я теперь была не просто девчонка, не просто мальчонка, а та, что в тяжёлых ситуациях не потеряла себя, не обозлилась, не возгордилась, не стала циничной, а осталась самой собой, девочкой из леса. Я приехала погостить к отцу – мой отец лес, а мать дорога. Она, наверное, ждёт и готовит новый путь.

Я рассказывала подругам о Марье Искуснице, и Русалочка закатывала глаза и закусывала губу – то ли хотела такого же успеха, то ли осуждала Марию, не поняла пока. Мавка была вся во внимании при рассказе о Василисе Премудрой.

И ещё из моих рассказов они догадались, что мне нравятся Хи и Ха, но ничего не могли мне посоветовать. Одного не выберешь, двоих не будешь любить.

Несколько раз в деревню из дворца приезжали гонцы с приглашением во дворец, но я не ехала. Я решила, что мне надо кончать любые отношения с принцами. Кто они и кто я? Эти вопросы терзали душу. Эти слова как щит защищали меня от мысли о принцах. Да, они относятся ко мне хоро-

шо и даже очень, особенно в последнее время – я часто чувствовала на себе заботливые и задумчивые взгляды. Да, они благодарны мне, так и я тоже благодарна очень за многое. Я увидела с ними мир, подружилась с Ветром, стала старше на целый год. Это так много. А во дворце? Что я там забыла? Мне и тут хорошо. Я лежала на берегу и смотрела в небо. Вот уже опять по лесу гуляет Сива. Опять осень. Опять листопад, пора свадеб. И принцам надо подумывать о невестах – может, здесь, а не за тридевять земель найдут себе пару. Карену предстояло подготовиться к правлению, ходили слухи, что король стал совсем слаб. Получила от них послание, которое очень удивило. Принцы писали, что они предприняли уже не одну попытку увидеть меня и пробовали попасть в лес, но он их не пускал. Почему? Хотя от послания на душе потеплело – значит, не забыли – но лес, он правильный, он знает, он мой отец. Мать-дорога в последнее время опять рождала смутные образы полей, лесов, рек, которые манили и ждали меня. Я понимала, что моё пребывание здесь временно, но пока не могла принять никакого решения, будто ждала – а вдруг решение придёт само собой. И дождалась.

Оно пришла в тихом шелесте листвы.

– Лотта, – позвал меня лес, – Лотта, послушай.

Я насторожилась и прислушалась. В этот момент передо мной возникла женщина, от которой веяло могуществом и добротой. А ещё она была такая, которую не ослушаешься. Макошь! Передо мной стояла сама богиня Макошь.

– Здравствуй, Лотта, узнала? Умница. Я пришла напомнить об обещании.

Я только удивлено хлопала глазами.

– Лотта, помнишь, ты обещала мне выполнить любую мою просьбу за спасение вас от Марьи Искусницы? Время пришло, Лотта. Ты должна подготовиться к пути – он долгий, длиной в жизнь. Я расскажу, что тебе нужно сделать, но сначала ты должна решить свои проблемы с принцами. Нельзя оставлять нерешенные проблемы, уходя в дорогу, котомка будет слишком тяжелой, не унесёшь. Завтра во дворце будет бал. Король сильно болен, и Карен (ты знаешь, он сильно повзрослел) пообещал, что, если на балу появится та, которая может стать его судьбой на всю жизнь, он не будет против. И очень просит не заставлять его ни на ком жениться насильно. Ты знаешь, Карен тянет время, он просто ждет чуда, как все вы, люди. Подыграй ему. Завтра за тобой приедет карета, и ты превратишься на вечер в ту, какой ты есть на самом деле, прекрасную птицедеву.

Я стояла с округлившимися от удивления глазами и не могла поверить в реальность происходящего.

– Ты разве не чувствовала, что это так? Да, та сказка, что ты слышала на постоялом дворе, о тебе. Больше о себе узнаешь позже. Но не признавайся принцам, что ты Лотта. Если Карен или Михел узнают тебя, многое может измениться в ваших судьбах. Я не властна полностью над твоей судьбой, Лотта. Ты родилась в странную ночь, в ночь, когда правит

богиня ненаписанных судеб и запретных дорог, ты сама выбираешь себе дорогу. Твоей судьбой не играют богини неотвратимости, не держат нитей твоей жизни, ты сама создаёшь её узор, но это иногда ещё труднее, чем predeterminedность – неудачи-то свалить не на кого. А обещанье придется выполнять. Всё, что обещаешь и выбираешь, когда-нибудь требует возврата и сбывается. Ты сказала гадалке, что тебе не нужна любовь, а нужны друзья, ты их получила, а теперь страдаешь.

Даже не знаю, где взяла храбрости, но я выпалила:

– Я взяла в друзья Ветра, но ведь дорога имеет развилки? Теперь я хочу идти по дороге любви.

– Посмотрим, – улыбнулась Макошь.

– Макошь, скажи, оно очень трудное, моё дело? Вдруг я не справлюсь?

– Поздно, дорога только вперёд, не петляет. Я тебя не просила разбрасываться клятвами там, на озере, у терема Марьи Искусницы. Ты ведь сама, без Хи и без Ха, могла бы выплыть. Лодка отвезла бы их опять в терем, а ты могла бы жить без них дальше. Или не могла? Так, значит, завтра, когда солнечный диск спрячется за верхушкой дуба, за тобой, птицедева, придут.

Сказать, что я опешила – не сказать ничего. Какой бал, какая птицедева, кто я такая? Чудеса. Я этого, кажется, просто не выдержу, я маленькая. Ладно, уже не маленькая – глупенькая. Ну, не совсем глупенькая, но замухрышистая Лот-

та, живущая в лесу. Да, я умею видеть дорогу, и она приводит меня туда, куда прошу, но что я буду делать на балу, я и танцевать-то не умею толком, хотя Ха меня немного учил, когда в приюте зимовали, да и кружилась с Мавкой под музыку ветра, но это не королевские манерные танцы. Легла я спать в смятении. Наутро рассказала всё моим подругам, и мы, как всегда, собрались на полянке перед озером и стали ждать.

Вот и время пришло. На поляну опустилась небольшая карета, запряжённая крылатыми конями. Из неё выпорхнула маленькая эльфа, подошла почтительно ко мне и спросила:

– Вы готовы, Лотта?

– Вот стою лохматая, страшная, но умытая перед тобой – значит, готова. Что, поехали?

– Шутите, сударыня. Не волнуйтесь, сейчас будет всё в лучшем виде.

Она облетела вокруг меня, и по поляне прошел вздох. Что-то воздушное, ослепительно изумрудное, невесомое колыхалось вокруг моих ног. Эта юбка казалась сотканной из морской пены. Я дотронулась до головы и поняла, что это не мои волосы, а какое-то шелковистое светлое чудо лежит короной на моей голове, и только некоторые локоны игриво выбиваются из прически. Руки были маленькие и нежные, такими неудобно разжигать костер, чистить рыбу, кидать нож. Богиня Макошь!!! Что это со мной!!! За что?!!

– Вот еще туфельки, – и эльфа протянула мне хрустальные

башмачки, – как раз на Ваши маленькие ножки.

Макошь, как можно жить с этим, с этим можно только на диванчике сидеть, и чтобы кто-то пыль с меня сдувал. Полное безобразие.

– Что-то не нравится? – буркнула обиженная эльфа. – Приказано временно восстановить Ваш естественный вид, приложив к нему соответствующую одежду. Возражаете? Всё равно придется потерпеть этот вечер. На сегодня это ваша внешность и ваше платье. Выглядите Вы, как настоящая принцесса.

В полной тишине я двинулась к карете.

– Пожелайте мне мудрости и удачи. Они мне сегодня пригодятся. Девочки, не верьте в то, что видите, я такая, как была утром, это так, иллюзия.

– Да мы тебя всегда такой видели, только одетой по-другому. Вот уж новости, – хором ответили Русалка и Мавка.

Кони рванули вверх и опустились только невдалеке перед замком. Крылья пропали, и мы, как порядочные жители королевства, въехали в дворцовые ворота.

Встречать меня вышла куча слуг в ливреях, все приветственно склонили головы, а затем проводили в зал. Играла музыка, пары скользили по паркету, на троне сидел король с королевой, а по сторонам от трона стояли скучающие Карен и Михел. Ой, ну как же хороши. Хи в белом нарядном костюме, «элегантный, как король», с тоской и равнодушием смотрел на танцующих, и с таким же выражением лица сто-

ял Михел. Он тоже был одет в светлый костюм и тоже явно скучал.

Я выглянула из-за танцующих пар и продвинулась ближе к принцам. Синие и карие глаза широко распахнулись. Такими удивленными я их не помнила со времен, когда Елена прекрасная из чана встала. Они быстренько отлепились от трона и подскочили ко мне.

– Разрешите представиться, – пробормотал Хи, – я Карен, а это мой брат Михел, мы очень рады видеть Вас на нашем балу, Прекрасная Незнакомка. Вы не назовете своё имя?

– Я бы хотела остаться пока Прекрасной Незнакомкой.

В голове промелькнула подленькая мыслишка: «А если бы истинная (ой, как понять, кто теперь истинная; ладно, та, к которой привыкла) явилась бы, что бы они запели? Ту бы и на порог не пустили, наверное? Нет, это я, кажется, все-таки из вредности думаю. Ребята ко мне очень хорошо относились, они же не виноваты, что они принцы, и я в них влюбилась. А теперь мне не хочется, чтобы они в эту фифочку влюбились. Ой, в голове все путается, это же они в меня могут влюбиться, почему не хочу? Странно».

– Чего желает Прекрасная Незнакомка – шампанского, мороженого?

– Я бы хотела сначала немного осмотреться. Вы не откажетесь мне показать замок? Он такой красивый.

Оба принца бросились один перед другим, чтобы оказать мне услуги. Меня прогуляли по зимнему саду, мы посетили

ещё одну гостиную, зал для приёма послов и ещё какие-то многочисленные залы.

– Наверное, нужно возвращаться в танцевальный зал, я ведь не одна гостя, – вспомнила я. – Вы были так любезны, что уделите мне очень много времени.

Принцы пристально всматривались мне в глаза и как-то странно переглядывались. Что-то не так. Неужели узнали? Я бы себя точно ни за что в таком виде не узнала. Держала я себя сдержанно и не позволяла расслабиться – мало ли что может произойти.

Мы вернулись в танцевальный зал. По паркету всё так же скользили пары, выписывая замысловатые узоры. Как только мы появились, многочисленные взгляды гостей сразу приковались к нам, королева стала усердно обмахиваться веером, а король счастливо улыбался. На лице читалась мысль: хоть под конец жизни он увидел, что его мальчишки кем-то увлеклись. В это время молодые девицы только что не дышали огнём. Переживут, куда их принцы не денутся, никто их забирать не собирается.

– Вы не согласитесь подарить мне танец? – вдруг попросил Карен.

«Ну вот, началось, – подумала я с ужасом, – танцевать под такую музыку я не умею».

И вдруг в залу ворвался Ветер, и сотни эоловых труб стали играть удивительно красивый мотив, от которого сердце сжималось, и мысли неслись в небеса. Карен подхватил ме-

ня, и мы закружились по залу. Он так хорошо танцевал, что я, никогда не танцевавшая на балах, порхала, почти не касаясь пола, и это было прекрасно. Ветер качал занавески и вдруг решил пошалить, залез под юбку, легким касанием погладил ноги и немного приподнял юбку. Я засмеялась и пригрозила ему пальцем.

– Я знал только одну девушку, которая так смеялась и могла пригрозить Ветру пальцем, – засмеялся Карен и подмигнул.

Я тихо ахнула. Только бы не узнал.

Затем был танец с Михелом, затем ещё и ещё. Я летала по залу и не помнила себя: счастье движения, счастье внимания, счастье прикосновения, просто счастье. Ветру надоело шалить, и он, легонько погладив мое лицо, потрепав по голове, полетел по своим делам дальше, музыка стихла, и мы втроём вышли на балкон. Парни стали вокруг меня с двух сторон и сказали:

– Очень просим нас извинить, но не согласились бы Вы погостить в нашем замке хотя бы короткое время. У Вас будут лучшие апартаменты и лучшие слуги, может, Вы сможете разобраться нам с одной проблемой. Вы очень для этого нужны.

Попала! Уж очень пристально они на меня смотрят. Внутри все кричало: «Беги, Лотта, беги, нельзя открывать себя». Выяснить отношения не было сил и желания. Но я была зажата принцами с двух сторон и не могла убежать с балкона.

– Скажите, кто Вы? Нам кажется, мы раньше были знакомы.

– Нет, вы не видели меня раньше, – и тихо, почти про себя, добавила, – такой.

И вдруг (опять вдруг) разрывая платье на спине, открылись два белых крыла, ветер наполнил их, и я, ни о чем не думая, взлетела. Сначала от неожиданности зависла над балконом и туфли, потеряв опору, спали с ног. Хи и Ха поймали каждый по туфельке, а я, почувствовав свободу, унеслась куда глаза глядят.

Долго лететь я не могла, было трудно, меня переворачивало и качало, крылья плохо слушались, и меня заносило куда-то вбок. С трудом долетев за полчаса до обрыва реки, что текла не так далеко от замка, я опустилась на землю. Как только приземлилась, все чудеса кончились. Приземлилась – в прямом и переносном смысле этого слова. Все пропало – и крылья, и платье, и вся моя краса неземная, которую я собой представляла на балу, а на обрыве, помахивая босыми ногами, опять сидела замухрышистая Лотта и счастливо улыбалась.

Я счастлива сегодня, а завтра будет завтра.

Признание

Прошел час, а я всё сидела и смотрела на реку.

Вот и попробовала побыть принцессой, что толку-то, сама

ведь сбежала. От страха неизвестности, от страха изменений, страха ответственности за свою жизнь, за жизнь любимых мне людей. Кто я, и кто они? Ну, побыла вечером красавицей, да и вернулась в свой прежний облик, что удивительного?

И так жалко стало себя. Мне всего-то семнадцать лет, я маленькая. От всеохватывающего чувства счастья ничего не осталось, и я заплакала так горько, как не плакала уже много лет. Хотелось, чтобы кто-то прижал к себе, погладил по головке и сказал:

– Логга, все будет хорошо.

Я сидела и вытирала лопухом слёзы, а они все текли и текли.

Вдруг (люблю и ненавижу это слово) рядом выросли две до боли знакомые фигуры – Карен и Михел. Они плюхнулись в траву рядом со мной в своих нарядных костюмах.

– Логга, не плачь, всё будет хорошо, – услышала я, как и мечтала. – Логга, слава Богам, мы нашли тебя.

– Ну и нашли, и что? – вытерла остатки слез кулаком. – Я рада вас видеть. Как дела?

– Логга, не придуривайся. Давай поговорим. Скажи, что будем делать?

Я притворилась, что ничего не знаю, ничего не было, а я вообще только что тут появилась. Сижу такая обычная.

– Логга, не придуривайся, мы тебя узнали.

– А что узнавать-то? Я тут сижу, отдыхаю, приехала по

делаю, вот на реку смотрю. А к Вам думала завтра заглянуть.

– Лотта, не морочь голову, вот твои хрустальные башмачки, мы их принесли и теперь хотим с тобой поговорить.

Я сделала еще более придурковатое лицо и спросила:

– Какие еще башмачки? А, эти – так они мне маловаты, видите, ноги какие большие, не налезут. А если уж так хотите поговорить, так разве я когда-либо отказывалась, почти целый год разговаривали.

Ребята начали закипать, я это отчетливо видела.

Карен опустился на одно колено, за ним последовал Михел, они заговорили, перебивая друг друга, и я услышала совершенно неожиданное:

– Лотта, прости нас, неразумных. За то время, что мы не видели тебя, мы поняли, что жизнь без тебя не имеет смысла. Так уж получилось, что мы влюбились в тебя, и никакие принцессы не могут с тобой сравниться. Мы можем разговаривать между собой только о тебе, мы видим тебя во сне, мы бредим тобой наяву, мы хотим слышать твой смех, улыбаться твоим шуткам, думать над твоими словами, сидеть рядом возле костра, греть твои замёрзшие руки, скакать рядом на конях – просто быть рядом. Без тебя жизнь потеряла смысл. Мы столько раз пытались проникнуть в лес, но нас не пускают. Лотта, скажи, есть ли у нас хоть малейшая надежда? Лотта, мы любим тебя. Не оставляй нас.

Я не поверила. Неожиданно и удивительно.

– А как вы меня нашли?

– Просто, Лотта, мы так долго были вместе, что чувствуем тебя, как ты путь. Кроме того, в этой маленькой золотой подвеске смешана наша и твоя кровь, и она нагрелась, когда ты появилась, и мы догадались, что на балу под видом принцессы была ты. Она красивая девушка, но нам нужна ты, такая, как есть, а не эта воздушная богиня.

Я обиделась.

– А чем это она вам не понравилась?

– Она не ты. Мы не могли не узнать тебя по глазам, по смеху, по легкости прикосновения, по дыханию, словам, робкой улыбке. Ни одна девушка, кроме тебя, не смогла бы погрозить пальцем Ветру. Не отпирайся, это была ты. Не знаю, кто сделал тебя такой необыкновенной принцессой, но та, что я вижу сейчас, лучше. Лотта, стань моей женой, – вдруг сказал Карен и опустил на колено.

– Я не хочу быть королевой, – выпалила я, не подумав.

Тогда Михел сказал:

– Я не буду королём, за меня выйдешь замуж?

– Да кто меня пустит во дворец в таком виде? – сказала я.

– Отцу и матери неважно, кто ты, важно, чтобы я любил тебя, – сказал Карен.

– И я тоже, – сказал Михел.

– Ты лучшая для меня, – сказал Карэн.

– И для меня, – сказал Михел.

Я не ожидала такого и просто растерялась. Макошь, помоги!!!.

И вдруг меня закрутило. Окутало дымкой, тело пронзило, как молнией, грянул гром и послышался голос:

– Проклятье разрушено. Предсказание осуществилось!!! Она снова получила сущность, какой была по рождению – Ловелия.

Я, как полагается нежной девушке, грохнулась в обморок. Когда очнулась, меня поддерживали аж четыре руки, голова моя лежала на коленях у Хи. А ноги держал Ха. И у меня была внешность как у девушки на балу.

Я попыталась подняться, но когда послышался треск рубяхи, в которую я была облачена, и появились кончики крыльев, ребята почему-то очень быстро отреагировали и схватили меня за руки – один за правую, а второй за левую.

– Попалась, так просто не уйдешь, – очень резво прошипели два совершенно обалдевших принца.

Вдруг закружились листья, и из их водоворота вышла Макошь. Я узнала её сразу.

– Лотта, поздравляю, проклятье разрушено. Тебя полюбили в образе ужасном за твой нрав добрый, душу беззловную. Характер верный и сильный, упорный, разглядели обычные люди, не божественные сущности, которым и так понятен твой естественный образ. Теперь ты такая, как тебе на роду написано. Но я пришла должок требовать. Лотта, мне нужна путница, сущность, которая людей и нелюдей по путям водит, и не только по нашему миру, но и по-иному. Ты подходишь. Дано это тебе. Все подробности работы позже узна-

ешь.

От всего произошедшего мне опять в обморок упасть захотелось, а ведь вроде не слабонервная. Что-то непонятное происходит.

– Не бойся, Лотта, золотце мое, хотя от рождения имя твое Ловелия – прекрасная, значит. Не буду тебя сразу просить делать то, о чем не ведаешь, сначала ты должна попасть на остров Буян к сёстрам матери твоей родной, твоим теткам, и получить полную силу. И чем быстрее ты туда отправишься, тем легче тебе будет в дальнейшей судьбе.

Значит, снова путь, снова дорога. Только теперь буду ехать одна, без Хи и Ха. Грустно. И я твердо сказала:

– Как только соберусь, сразу уеду. Сборы будут недолги, обещаю, Богиня.

И она пропала.

– Вот так, ребята, я снова в путь, а Вы оставьте свои глупости. Кто Вы, и кто я, забыли?

Принцы растерянно посмотрели на меня и сказали:

– Так теперь наоборот – кто ты, и кто мы? Ты птицедева, почти божество. Лотта, не бросай нас, оставь хоть маленькую надежду. Неужели никто из нас тебе не люб?

– Если бы все было так просто. Просто... Просто... Просто... Да нравитесь вы мне, только не знаю, как это получилось, что двое сразу. Будто две меня разрываются. Очень нравитесь, и пока не разберусь во всем этом – не дам ответа. Завтра я уеду в лес собираться с мыслями, пожиток-то у ме-

ня и нет совсем, а потом в путь.

– Лотта возьми меня с собой, – вдруг закричал Михел, – я тебе пригожусь, я буду защищать тебя. Возьми, вдвоём веселей.

Карен грустно опустил голову.

– Я не могу уехать, отец очень плох, королевство теперь на мне. Прости, Лотта, я надеюсь, ты найдешь счастье с Михелом, – и, не оборачиваясь, пошёл во дворец.

Прощанье с Хи

Мое превращение в эту «распрекрасную» птицедеву всё перевернуло с ног на голову. Кто-нибудь представляет себе, каково это – очутиться не в своём теле? А это тело было пока совсем не моё. Ладно уж там, на балу – немного покрасоваться и подразнить принцев неземной красотой, созданной руками эльфочки. Но совсем другое дело понимать, что эти нежные ручки, розовые щёчки, ровные маленькие ножки – это навсегда. Отвратительное ощущение чужеродной внешности мучило меня все дни, которые были запланированы на сборы в дорогу. В лесу это чувство было особенно острым – стою как раздетая, на голове как будто парик из этих длинных, мягких, совершенно непонятно откуда появившихся волос. Кроме того, меня раздражали эти тонкие слабые пальцы, неспособные нормально держать топор и нож, нежные ступни ног, никогда не носившие сапог и как

будто приспособленные для хождения по мягким коврам. А эта белая кожа? Разве с такой можно появиться на солнце? А уж о том, чтобы заночевать на ложе из сосновых веток, и подумать страшно. Хотя воспоминания о моих путешествиях с отцом по лесу рождали надежду, что и этим «безобразием» можно нормально пользоваться, только привыкнуть надо и потренироваться. А времени было мало. Просто немыслимо – как я смогу пуститься в таком виде в дорогу? Крылья – это особенная статья, они вылезали сами по себе и в самый неподходящий момент. Они жили своей жизнью и не слушались меня. Из-за их появления в одежде пришлось проделать дырки в спине, а когда крылья таинственным образом прятались, воздух гулял в прорези на одежде, вызывая озноб.

Микулишна моему виду, конечно, удивилась – она же человек, не видит скрытого, а вот Мавка и Русалочка сказали, что такой они меня и видели, только крыльев у меня тогда ещё не было, и поэтому удивлялись, что я себя уродиной считала. Обе погоревали, что мы опять расстаёмся, но для них это было так же естественно, как смена времён года: пришла и закончилась весна, лето, незаметно подступила осень. После моего отъезда лес опять начал пускать людей, хотя они и побаивались в него заходить глубоко. Только некоторые наиболее отважные личности приходили к Микулишне. Она договорилась с Русалочкой, что та не будет до смерти держать у себя купающихся парней, и они будут просто забывать, что с ними произошло или наоборот – вспоминать как прекрас-

ный сон. Она больше не утаскивала их под воду, а иногда забавлялась на берегу. Что поделаешь – она такая, по-другому не может. При этом она всё чаще вспоминала своего принца, томно вздыхая, что таких, как он, ей больше, наверно, не встретить. А перед самым отъездом тихо попросила:

– Может, ты его где-нибудь увидишь? Скажи, что я скучаю. У меня как будто есть частичка того, что ему нужно, и она рвётся к нему. Я поняла это, когда он уехал. Может, это и есть тот недостающий кусочек его души, всякие чудеса бывают. Как мы сразу с ним этого не поняли?

Я обняла её и обещала поискать.

Ещё более странные события происходили с Мавкой. Тот русавый парнишка, что очаровался прошлой весной Анисьей, так и не смог забыть её, и я неожиданно увидела, как они мирно сидели на коряге. Парень, вынув новый гребешок, подарил его Мавке, а она с улыбкой приняла подарок и разрешила ему расчесать себе волосы, пока сама плела новый венок. Я глазам своим не поверила: Анисья – и мужчина рядом. Удивительно.

Ещё ко мне потихоньку возвращалась память. Мы и так многое забываем из прошлых лет, а в моём случае тем более. Но я отчетливо вспомнила отца, наш дом, его занятия со мной, поездки на лошадях, охоту, лукавую улыбку, желание научить всему, что умел сам, и трогательную заботу большого одинокого мужчины, оставшегося с дочкой на руках. Я поняла и не осудила его женитьбу. Мама и его любовь к ней

осталась его дивной сказкой, а подрастающая дочь с возникающими проблемами переходного возраста, да ещё довольно необычная дочь, требовала, как ему казалось, женской руки и помощи. А то, что получилось – так без этого, может быть, ничего бы и не произошло. Хотя нет, слишком сильно во мне жило желание к перемене мест. Вот желания вернуть отцовский дом не возникало. Может быть, когда-нибудь потом. Хотя было жалко, что он принадлежит чужим, плохим людям, но сейчас заниматься этим не хотелось, потом – это будет потом. А что впереди? Опять дорога, остров Буян и многое, о чем даже думать было страшно, а там посмотрим. Я издалека посмотрела на большой добротный дом, в сердце чуть-чуть взгрустнулось от набежавших воспоминаний, но не более. Моим домом стал дом Микулишны, или даже нет – скорее, сосновые ветки и плащ, расстеленный просто на земле, костёр и принцы рядом...

Вот про принцев я думать себе запрещала, но почему-то запрет работал слабо. Их признание грело душу, но совершенно не казалось реальностью, как и моё новое тело. Мне трудно было разобраться в чувствах. Одно было ясно: они мне невероятно дороги. Мне хочется быть с ними, сидеть у костра или ехать вдаль, чувствовать их руки на себе ночью, но большее пугало невероятно. Жить во дворце не хотелось, не моё это, ничем меня туда не затянуть. Мне только семнадцать, а чужой опыт, часто горький, пугал и озадачивал. Изменение моей внешности совместно с признаниями не спо-

собствовали ясности мышления. Какая же я глупая, и никто не посоветует. Главное – нужно или всё забыть, или сделать выбор. Но как?

Наутро мы с Михелом уезжали. Я думала было полететь по воздуху, но владеть нормально крыльями пока не научилась, а Ветра просить не хотелось, особенно теперь.

Я уже попрощалась с Микулишной и подругами. Выслушала все их напутствия и пожелания. Мои пожитки лежали в котомке. Мысли всё время крутились вокруг Хи. Мне было тяжело и страшно расставаться с Кареном. Я так привыкла быть под двойной защитой принцев, а тут как будто теряла одну руку, да больше руки – значительную часть себя. Как буду ехать с одним Михелом – даже думать не хотела, запрещала себе это. Дорога всё расставит на свои места. Вот только как оставить Хи? Ближе к вечеру мы договорились поговорить перед отъездом, попрощаться. Я боялась этого разговора. Он происходил как будто во сне.

– Знаешь, я по прежней тебе скучаю:
Рук твоих не хватает, когда засыпаю.
Рыжей, веснушчатой и лохматой,
А теперь другой и даже с крылатой.

Так хочется вместе уйти с тобою,
Но долг и власть завязали петлёю.
Они не терпят моих мечтаний,

В замке нет места для этих метаний.
Отец обволакивает меня заботой,
Заваливает делами и чуждой работой.

С утра ты уезжаешь?

– А как иначе?

Я не могу долго жить в неволе,
Конь мой осёдлан и рвётся в поле

С утра улетаешь?

– Прости, не могу иначе.

– Логга, чего ж ты так горько плачешь?

– Ты знаешь, в доме тёплый и тихий кров,
А за дверью этой бесконечный простор.
В замке жарко шипят в очаге дрова,
А за дверью свобода и мои дела.

Да, скучаю, но жить во дворце не смогу,
С лестницы мраморной упаду,
На приёме нужных фраз не найду,
В ловушку лживых слов попаду.
Ты всё знаешь и понимаешь -
Я костёр, горящий в степи, не очаг,
Я ручей, а не мисочка у кровати.
Я буду спорить, гореть и жечь.
Птица в клетке не может взлететь.

– Я не смогу тебя запереть.
– А я без полёта могу сгореть
– Буду помнить наш этот вечер,
Но в перьях крыльев играет ветер

Хи вдруг резко шагнул ко мне и прижал к груди.

– Да, Лотта, на прощание хочу сказать – я очень-очень люблю тебя, ты знаешь об этом.

Я разревелась еще сильнее.

– Милая, любимая, упрямая, самая лучшая. Дай хоть почувствовать тебя рядом последнюю минутку, пока ты не растаяла в дымке своей дороги. Завтра с Ха вы уедете, и ты останешься только в моих снах, таких же нереальных, как нереально то, что ты не вырвешься никогда из моих объятий. Увидимся ли мы вскоре или не вскоре и вообще увидимся ли? Мне плохо, очень плохо будет без вас. Не хочется больше думать про долг, про царство, только про тебя. Такая родная и мягкая, пушистая, совсем не колючая.

Он потрогал мои крылья, и они почему-то сами спрятались, оставив за спиной легкое ощущение незавершённого полета.

Надо попрощаться с ним, у нас ещё есть время. Хочу попрощаться. Всё-таки как странно, когда нравятся сразу двое. Такие похожие и такие разные. Всё понимающие, умные и прощающие голубые глаза Хи и карие, как молочный шоко-

лад, вечно озорные глаза Ха. Он сейчас занят, пошел в город заниматься покупками в дорогу. Нам больно-то много и не нужно, но Ха, обычно безалаберный, вдруг решил продумать все сам. Я не вмешивалась. Он взрослеет, на него можно положиться, но мы всегда раньше были втроём, с двух сторон у меня была надежная защита, а теперь остаётся только Ха. Но я знаю – мы не пропадём.

– Давай проедемся немного на прощанье, – и Хи с такой нежностью и болью посмотрел на меня, что я, конечно, согласилась. – Выбирай любую лошадь в конюшне, пусть твоя отдохнёт перед дорогой.

Я долго не выбирала, всё равно ни одна не угонится за Прибоем Хи. Да и не будем мы ни от кого удирать, кроме самих себя, а тут ни на какой лошади не ускачешь и на крыльях не улетишь. Ой, как хочется плакать, как хочется прижаться к его груди и зарыться в неё, накрутить на палец волосы, смотреть в глаза и тонуть в них, таких синих и родных.

Мы доскакали и остановились на берегу маленькой речушки, отпустили коней и сели, привалившись спиной друг к другу, как это было много раз до этого.

– Скоро вечер, нужно возвращаться, – сказала я.

– А куда ты спешишь, ведь Ха все соберёт?

– Ну, так надо же посмотреть, может, что-то подправить. Да и выспаться надо перед дорогой, когда я ещё буду спать в комфорте.

Но Хи вдруг повернулся ко мне и, почти заикаясь, выда-

вил из себя:

– Я никогда не просил тебя об этом – поцелуй меня. Хочу запомнить этот вечер. Я, кажется, мечтал об этом всю жизнь.

– Всю жизнь ты меня не знал, – сказала я несколько неуверенно.

– Не знал, но всю жизнь мечтал.

«Один поцелуй – это не страшно, – подумала я. – Когда мы, правда, ещё увидимся?»

Хи повернулся ко мне, притянул к себе и коснулся извиняющимися губами уголка моих губ.

– Я никогда не целовался с любимой девушкой. Это, наверно, совсем по-другому. Пожалуйста, поцелуй меня.

– Хи, – я покраснела, – да я вообще никогда не целовалась с человеческими парнями, только пробовала с Ветром.

Я повернулась к нему, сердце бешено колотилось, насто-роженно посмотрела в глаза. Его зрачки расширились, глаза стали не синими, а почти черными, бархатными, обволакивающими, ждущими. Я провела рукой по русым волосам, и он как будто увидел что-то необыкновенное и остолбенел. Его губы стали тянуть меня как магнит. И тут всё пропало. Я сначала прижалась к его губам, словно клюнула, хотела быстро отскочить, но не тут-то было. Из глубины моего сознания вырвались знания того, что и как надо делать. Меня уж точно никто не учил. Наши поцелуи вначале были настолько страстными, насколько и неумелыми. Но горячие губы не могли оторваться от таких же жаждущих ласки губ. Голова

перестала работать. Хи, такой робкий и ласковый со мной до этого, вдруг стал похож не просто на домашнего кота, мнущего лапами свою любимую хозяйку, а на хищного зверя, мечтавшего добраться до долгожданной добычи. Его руки, вначале боязливо дотрагивающиеся даже до волос, запрокинули мое лицо и стали покрывать его поцелуями, как будто это был последний миг его жизни. Вся моя мудрость и самостоятельность, рассудительность и правильность куда-то делась, и я превратилась в мягкую послушную куколку, мечтающую, чтобы его ласки не прекращались. Хотелось сгореть в этом огне объятий, поцелуев, прикосновений. Я совсем не заметила, когда поцелуи опустились на шею, обжигая выпирающую ключицу, а голову за волосы удерживали сильные руки, да и мои руки впились в волосы Хи так, будто если я выпущу эти мягкие русые пряди, мир рухнет, и меня просто не станет. Как будто, если я выну руки из этих волос, то он выпустит меня, и всё вернется на круги своя, мы снова станем просто друзьями, и я завтра уеду, не узнав чего-то самого важного. Из меня вдруг вырвалось почти бессознательно:

– Хи, люби меня сегодня, я этого хочу, я хочу помнить твои руки, помнить твои поцелуи, просто тебя – сегодня или никогда.

Наверное, даже если бы я этого не сказала, Хи вряд ли бы остановился. Я не помню, как он добрался до моей груди. Он притрагивался к ней, как к чему-то сверхъестественному и драгоценному – сначала через одежду, но вскоре шнуровка

платья была развязана, и мои не такие уж большие груди возвышались над расхристанным платьем, а мне хотелось, чтобы его мужская рука, привыкшая держать меч и поводья коня, дотрагивалась и ласкала их. Платье сползло с плеч, оголяя их. Мне не было стыдно, сейчас существовали только его губы и его руки на моем теле, которое горело для него. Мое сердце стучало только для него, руки нужны были только для того, чтобы ласкать его плечи, на которых вскоре тоже не стало рубашки. Какой он жёсткий, мускулистый, желанный. И я хочу быть его до конца, хочу ласк – таких, как рассказывала Сильва, хочу почувствовать внутри то, о чем так многозначительно и бесстыдно говорила Русалка, а я посмеивалась над ней и думала, что, видимо, просто все русалки такие страстные, а я – я совсем другая, и мне это не интересно.

Его руки гладили мое уже совершенное обнаженное тело – я и не заметила, как мы с Хи лишились остатков одежды. Какие у него красивые руки, ноги, грудь! Его волосы смешались с моими, лезли в рот, но мы этого не замечали, только он и я, только наши тела, только горячие жадные руки. Хочу его. Не страшно, пусть будет, что будет, я хочу, хочу!!! Тело стонало и рвалось к нему навстречу, выгибалось, касалось, прижималось всё плотнее и плотнее, и мне было не стыдно.

– Лотта, ты простишь меня, я не могу остановиться? – Хи издал какой-то сдавленный взглас.

– Да, милый, да, любимый.

Мне не было больно, ведь мне пришлось узнать боль во

много раз более сильную – боль утрат, боль ранений. Езда на лошади, видимо, тоже сказалась. Я только почувствовала, как по бедрам растекаются маленькие ручейки крови. Огонь в моей крови наконец нашел выход и рассыпался множеством искр, а потом мы так и остались лежать с выражением невероятного счастья и удивления.

Хи приподнялся на локтях.

– Лотта, как это мы? Господи, что я наделал? Ты будешь ненавидеть меня теперь.

– Глупый, нет конечно. Мы оба этого хотели неосознанно.

Мы посмотрели на обнаженные тела друг друга, обкусанные губы, и я страшно засмутились. «Да, – подумала, – вот выросла я во сыром лесу и первая брачная постель на сыром берегу». Я прикрылась плащом с одного края, Хи с другого, и вдруг мы громко засмеялись.

– Это произошло, Лотта. Мы с тобой теперь муж и жена.

– Вернее, любовники, – поправила я его.

– Лотта, перед Богом ты мне жена, я не прикоснусь ни к кому другому, – и он опять стал меня целовать. – Ты моя, моя! Не верю в это, Лотта. Вчера я не мог об этом даже мечтать. Я мечтал лишь об одном поцелуе. Я думал, что когда-нибудь, наверно, ты будешь с Ха, так как вам опять в дороге вместе, и это он будет целовать твои губы, дотрагиваться до твоих волос, но я даже не ревновал. Я просто об этом мечтал – не больше. Разве я достоин такой, как ты. Боже, Лотта, какая ты красивая. Не смущайся, дай я запомню тебя.

Дай еще раз коснуться тебя. Какая белая бархатистая кожа.

Я поняла, что опять хочу почувствовать его поцелуи, его ласки. У Хи тоже появилась чернота в глазах, желание опять рвалось наружу.

– Хочу тебя, хочу и буду хотеть всегда. Буду всегда ждать, моя жена, моя любовь, моя крылатая мечта.

Я прижалась к нему – такому горячему, сильному, моему, желанному, страстному, любимому. Мы занимались любовью снова, и у нас уже что-то получалось, мы пытались почувствовать друг друга, понять и осознать желания каждого, и это было прекрасно.

– Хи, смотри, уже почти ночь, а мы ещё тут, на берегу. Нам, наверное, пора.

– Логга, давай останемся. Тебя ведь никогда не смущало раньше, что мы спим на жесткой земле, а наши плащи не дают нам замерзнуть. Я так хочу побыть с тобой. Подари мне эту ночь. Тебе хорошо со мной?

– Да, – сказала я, прижалась к его груди и почему-то сразу заснула.

Я открыла глаза только когда небо начало розоветь. Хи, видимо, так и не спал. Прижимая меня к себе, он смотрел на меня и как будто старался запомнить навсегда.

– Нам пора.

Кое-как мы привели в порядок свои вещи, умылись, но обкусанные губы выдавали нас с головой.

– Хи, я расправлю крылья и полечу, а ты приедешь позже,

так никто ничего не узнает, а скоро мы с Ха тихо покинем город. Не провожай нас. Мне будет тяжело. Я вернусь, обязательно вернусь.

Ха коснулся моих губ, как будто ветер коснулся их, и опустил голову.

– Да, Логта, я буду ждать. Мы связаны с тобой – не знаю, как, но чувствую эту связь. Макошь или мы сами сплела наши судьбы в один узор, я понимал это и раньше, но теперь нить не порвешь. Любимая, береги себя. Помни, у меня твоя туфелька.